

Ник КАРТЕР

ПУСТЫННАЯ ЛОВУШКА СМЕРТИ.

Убит американский посол. Президент Менданике погиб в «случайной» авиакатастрофе. Его прекрасная вдова в плену. Безжалостный и коварный человек по имени Абу Осман замышляет свержение нового правительства. А полковник Мохаммед Дуза, глава тайной полиции, со своими планами убийства...

АХ мог бы позволить маленькой североафриканской республике гореть в собственной кровавой бойне, если бы не «Кокай» — украденная ракета, самое смертоносное оружие в ядерном арсенале НАТО. Задание для Killmaster: войти в этот ад в пустыне в одиночестве, найти ракету и уничтожить ее.

У него было мало времени. У него было ровно ШЕСТЬ КРОВАВЫХ ЛЕТНИХ ДНЕЙ!

Ник Картер

ШЕСТЬ КРОВАВЫХ ЛЕТНИХ ДНЕЙ

*Посвящается служащим секретных служб Соединенных
Штатов Америки*

Глава 1

Я сел в лодку и прислушался к тишине. Вода блестела на солнце золотом. Я прищурился от его яркости, глядя на хвойные деревья, собранные гномоподобными конклавами на берегу озера. На гребни поднялись ели и березы. Но в пределах моей видимости не двигалось ничего крупнее комара. Это было неестественно; сочетание таких факторов. Я мог подождать или начать действие. Я не люблю ждать. То, что я искал, тоже могло не нравиться ожиданию. Моя правая рука плавно вернулась назад, левая рука расслабилась и расслабилась, а затем движение вперед, прямо вперед и осторожно с запястьем.

Воцарилась тишина. Моя левая рука начала свое деликатное задание. Я чувствовал пот на шее и лбу. Погода не подходила. Она должна было быть резкой и прохладным, а ветер трепал воду. Вместо этого я увидел небольшую волну и уловил изменение цвета под ней.

Мой противник сделал свой ход. Убийственно стремительный и точно в цель, он поразил... и побежал. Он весил три фунта, если был унцией, весь в крапинках арктического угля и полный энергии. Я стоял, чтобы сражаться. Два дня я преследовал его. Я знал, что, хотя другая форель погружалась глубоко в воду из-за жары не по сезону, этот одиночка любил идти своим путем, кормясь на мелководье среди камышей. Я его видел. Я преследовал его, и в его независимости было что-то, что мне нравилось. Может быть, он напомнил мне меня, Ника Картера, который наслаждался столь необходимым отдыхом на озере в пустыне в Квебеке.

Я знал, что он будет борцом, но он был большим; он был полон лукавства. «Может быть, больше похож на Хоука, чем на Картера», — подумал я, когда он прыгнул под лодку и попытался порвать леску. «Нет такой удачи, приятель», — сказал я. На мгновение показалось, что только двое из нас соревнуются в пустом мире. Но это не могло продолжаться долго, как не могло длиться тишина.

Жужжание комара, но затем громче, жалоба перерастает в знакомую чепуху. Соринка в небе летела прямо ко мне, и мне не нужно было волшебного отражения в воде, чтобы сказать мне, что это означает прощание с R&R и еще пять дней рыбалки на озере Клосс. Жизнь секретного агента никогда не прерывается так, как когда он оправляется от опасностей своей профессии.

Но не сейчас, черт возьми! Я доказывал, что не все рыболовные истории имеют длину фута и ширину брюха акулы. У меня на линии был кит, а все остальное подождет. Но этого не произошло.

Большой RCAF AB 206A неуклюже налетел на меня, и толчок его вентиляторов не только взбивал воду, но и чуть не сбил меня с ног. Меня это не позабавило. Я отмахнулся от окровавленной твари, и она покатила вбок, как стрекоза-переросток.

Мой противник погрузился в замешательство. Теперь он выскочил на поверхность и разбил воду, дрожа, как терьер, пытаясь бросить крючок. Я надеялся, что это зрелище впечатлит тех, кто сидит в вертолете. Должно быть, потому что они сидели в воздухе неподвижно и громко гремели, пока я играл со своим другом на линии. Он прыгал по воде полдюжины раз еще до того, как я приблизил его к лодке. Затем была непростая задача — удерживать леску натянутой правой рукой, а левой протягивать сеть под ним. На рыбалке, если вы хотите рыбу, никогда не торопитесь. Вы остаетесь спокойным и спокойным, слаженным; кое-что у меня хорошо получается.

Возможно, он был не длиннее фута, но выглядел так. И цвет у него — насыщенный загара, полный красно-коричневых тонов, с красивым крапчатым животом. Он был измотан, но не сдавался. Даже когда я поддерживал его перед своей воздушной аудиторией, он пытался освободиться. Он был слишком свободен и полон духа, чтобы сдаться, к тому же я знал, что уйду. Я поцеловал его слизистую голову и отбросил обратно на в воду. Он хлопнул по воде хвостом, но не в знак благодарности, а в знак протеста, а затем ушел.

Я доплыл до берега, привязал лодку к причалу и собрал свое снаряжение из каюты. Затем я вышел к концу дока, и вертолет сбросил веревочную лестницу, и я поднялся наверх, дыша бальзамом и сосной, прощаясь с покоем и расслаблением.

Всякий раз, когда мне или любому другому агенту АХ предоставляется время R&R, мы знаем, что оно заимствовано, как и все остальное время. В моем случае я также знал, что, если возникнет необходимость связаться со мной, RCAF будет использоваться для передачи сообщения, поэтому неудивительно, что вертолет пролетел над верхушками деревьев. Что меня действительно удивило, так это то, что внутри меня ждал Хоук.

Дэвид Хок — мой босс, директор и руководитель операций в АХ, самом маленьком агентстве в правительстве США и самом смертоносном. Наш бизнес — это глобальный шпионаж. Когда дело доходит до грубых вещей, мы берем на себя ответственность там, где останавливаются ЦРУ и остальные ребята из разведки. Помимо президента, о нашем существовании знают менее десяти чиновников из всей бюрократии. Таков и должен быть Интеллект. АХ подобен аксиоме Бена Франклина: три человека могут хранить секрет, если двое из них мертвы. Мы единственные, кто остается в живых, а Хоук — главный. На первый взгляд, вы можете подумать, что он пожилой и не слишком успешный продавец подержанных автомобилей. Хорошее прикрытие для человека, которого я считаю самым проницательным оператором в самой смертоносной игре из всех.

Когда я просунул голову в люк, и один из членов экипажа протянул мне руку с сумкой, я увидел, как Хоук склонился над своими сложенными ладонями, пытаясь прикурить свою вездесущую сигару на сквозняке. К тому времени, как я поднялся и вошел, и люк закрылся, он уже сидел, откинув голову назад, и удовлетворенно высасывал дым и серу из зловонно пахнущей марки сигары, которую он лелеял.

«Хороший улов», — сказал он, сардонически глядя на меня. — «Сядьте и пристегнитесь, чтобы мы могли выбраться из этого рая в пустыне».

«Если бы я знал, что вы идете, я бы поймал двоих, сэр», — сказал я, садясь рядом с ним.

Его помятый костюм подходил ему, как брошенный мешок, и не было никаких сомнений в том, что опрятно одетый член экипажа не мог понять, почему было такое VIP-обращение с неопрятным старым чудаком и рыбаком с хорошей форелью.

«Сынок, — послышался хрип Хоука, перекрыв тяжелый фыркание вертолета, — посмотри, сможешь ли ты помочь пилоту».

Командир, капрал, колебался лишь мгновение. Затем коротко кивнув, он двинулся к кабине. Мягкость на лице Хоука исчезла вместе с ним. Теперь худощавое лицо приобрело такой вид, который часто наводил меня на мысль, что кто-то в генеалогическом древе Хоуков был военным вождем сиу или шайеннов. Выражение лица отражало сдерживаемую силу, полную проницательности и восприятия, готовую действовать.

«Извините за прерывание. У нас есть оповещение DEFCON». Хоук использовал официальные слова, как будто шотландец тратит деньги.

«Глобальный, сэр?» Я почувствовал легкое покалывание в затылке.

«Нет. Хуже». Когда он говорил, у него на коленях лежал чемодан атташе. «Это даст вам фон». Он вручил мне информационную папку АХ с красной полосой на обложке, предназначенной только для глаз президента. Это была вторая копия. Было краткое резюме. Это было похоже на развернутый сценарий разговора, который у нас с Хоуком был не больше недели назад. Это не означало, что штаб-квартира АХ в Дюпон-Серкл в столице страны прослушивалась. За потрепанной обложкой Amalgamated Press and Wire Services мы не делаем ошибок. Это также не означало, что мы были ясновидящими, хотя бывают моменты, когда я уверен, что у Хоука есть дар. Это просто означало, что из существующих условий можно сделать вывод, не используя компьютер, что будут определенные результаты. В этом случае результат был запоздалым — ядерная кража. Это также была ядерная кража нового сверхсекретного тактического оружия, что означало, что со стороны президента будут приняты некоторые щекотливые дипломатические решения.

Coskeye относится к классу SRAM — ударная ракета малой дальности. Это разновидность ракеты, которого мы поставили израильтянам во время войны Йом Киппур. На этом сходство заканчивается. Петушок — это ядерная бомба, и в отличие от любого другого тактического ядерного оружия ближнего радиуса действия, его эффективность составляет девяносто процентов. В переводе это означает, что в то время как другие ядерные боеприпасы того же размера и типа — будь то в арсеналах Варшавского договора, в пекинских бункерах или в нашем собственном — могут уничтожить городской квартал, Coskeye может уничтожить город. Чрезвычайно мобильный цилиндрический объект, длиной ровно шестнадцать футов, весом менее полутонны и дальностью действия 150 миль, Coskeye — сильный козырь в вашей защитной колоде. И это стерло некоторые тревожные черты с лиц наших планов и политиков в SHAPE и в Пентагоне.

Читая подробности потери «Петушка», был очевиден один фактор; экспертиза тех, кто проводил операцию. Это была гладкая, изящная работа, и она показала точное знание расположения бункеров в Кацвейлере к северу от Кайзерслаутена на Рейнланд-Платц, где хранилась эскадрилья ракет.

Был густой туман, что было обычным явлением в это время года или в 03:00. В отряде охраны из пятидесяти человек не было выживших, а детали времени и передвижения были собраны CID постфактум. Они приехали на грузовике, который позже был обнаружен, замаскированный под американскую армию шесть на восемь. Предполагалось, что, если бы они не были одеты в одежду G.I., они встретили бы хоть какое-то сопротивление. Ножи были применены к трем военнослужащим, дежурным у ворот, и к охранникам бункера. Судя по телам последних, они думали, что их убийцы были их спасателями. Двое офицеров и остальные умерли в своих кроватях от отравления газом.

Был украдена только одна ракета с ядерной боеголовкой. Непосредственное подозрение будет сосредоточено на КГБ или Чиком SEPO, использующем команду кавказских маоистов.

Но не на долго. В то же время, когда захватывался «Петушок», в нескольких километрах к югу на складе в Оттербахе происходила еще одна кража. Это была не та группа, которая украла Петушок, но использовались те же методы. В данном случае захваченным объектом была наша последняя модель ДПЛА — дистанционная беспилотная машина — черный ящик и все такое.

ДПЛА не намного длиннее, чем Coskeye. У него короткие короткие крылья, и он может летать со скоростью 2 маха. Его основное предназначение — фоторазведка. Но соедините Coskeye с ДПЛА, и у вас будет ядерная ракета с дальностью действия 4200 миль и

способностью убить миллион человек.

«Ядерный шантаж, вот и мы в деле, — сказал я.

Ястреб хмыкнул, и я потянулась за одной из своих сигарет, сделанных на заказ, чтобы попытаться приглушить запах его сигары.

Был единственный абзац, посвященный тому, что можно было бы назвать горькой пилюлей:

Из-за погодных и временных условий, а также из-за того, что весь задействованный персонал был ликвидирован, кража в Кацвейлле была обнаружена только в 05:40, а в Оттербахе — до 05:55. Хотя USECOM в Хидельберге и SHAPE в Касто были немедленно осведомлены об атаке в Оттербахе, штаб-квартира США и НАТО не была проинформирована по причинам, которые в настоящее время расследуются, об исчезновении Coseyue до 07:30.

„Почему этот беспорядок?“ — сказал я, глядя вверх.

„Какой-то недовольный своим званием командир бригады, который думал, что сможет решить все сам, потому что он нашел грузовик. Это могло иметь значение“.

Следующая оценка объяснила почему. АХ, как и все разведывательные агентства союзников, приложил все усилия, чтобы выследить убийц и вернуть украденные вещи. В радиусе 1500 километров от Кайзерлаутена не было ни одного грузовика, поезда, автобуса или самолета, которые бы не останавливались и не обыскивались. Весь наземный транспорт, пересекающий западноевропейские границы и границы „железного занавеса“, подвергался двойной проверке. Воздушное наблюдение с использованием специальных устройств обнаружения покрыло земной шар. У каждого агента на местах от Киркенеса до Хартума была одна миссия — найти Петушок. Если бы зуммер был включен для увеличения усилия во время открытия, а не почти два часа спустя, я, возможно, все еще ловил рыбу.

АХ выдвинул рабочее предположение, основанное на четырех критериях: 1. Никакая крупная противоборствующая сила не провела эту операцию. У них были свои ДПЛА, и украсть один в качестве диверсии было бы слишком рискованно. 2. Таким образом, кража ДПЛА была так же важна для операции, как и кража Coseyue. 3. После кражи время было ключевым фактором. Те, кто проводил двойную операцию, не могли знать, сколько у них времени. Это означало немедленную необходимость укрытия или транспортировки из этой области.

Если они останутся в этом районе, владельцы будут находиться под постоянным давлением раскрытия, и их способность действовать будет строго ограничена. 4. Coseyue и ДПЛА, скорее всего, были доставлены из предполагаемой точки в пределах области в предполагаемую точку за ее пределами.

Исследование движения всего воздушного движения в зоне действия сразу после краж дает единственную подсказку. Грузовой самолет винтового типа DC-7, принадлежащий Североафриканской Народной Республике, вылетел из города Рентштуль Флюгцойгтрагер возле Кайзерлаутена в 05:00 того же дня.

Самолет прибыл на неделю раньше для ремонта двигателей, компания Rentstuhl специализируется на ремонте неактивных самолетов.

В тумане DC-7 взлетел с минимальной проверкой. Его манифест, проверенный таможней накануне вечером, показал, что на нем были запасные части двигателей. Припаркованный в дальнем конце рампы, самолет находился в изолированном положении и в тумане его не было видно из вышки или административного здания в критический период.

Экипаж из трех человек, которые выглядели как военные пилоты NAPR, прибыл на операцию в 04:00. Они подали план полета в аэропорт Ираклиона в Афинах. В 07:20 Управление воздушного движения Чивитавеккья было проинформировано о том, что план полета был изменен на Ламана- прямой, столица НАГР.

Возможный вывод: Соскеуе и ДПЛА находились на борту DC-7.

„Это довольно тонко, сэр“, — сказал я, закрывая папку.

„Это было вчера. С тех пор она стала толще, и я знаю, о чем вы думаете — что Бен д'Око Менданике из Североафриканской Народной Республики никогда бы не втянул себя ни во что подобное“.

Вот о чем я думал.

„Ну, он больше не замешан в этом. Он мертв“. Хоук покачал обрубком своей сигары и прищурился от заходящего в порт солнца». Также Карл Петерсен, наш посол в NAPR. Оба они убиты после того, как встретились на секретной встрече. Петерсена сбил грузовик и Менданике в авиакатастрофе в Будане примерно три часа спустя, и все это в то же время, что и удар по «Петушкам».

«Это могло быть совпадением».

«Может, но есть ли у вас идеи получше?» — сварливо сказал он.

«Нет, сэр, но помимо того, что Менданике неспособен спланировать кражу ядерных материалов, у него нет никого из его крысиной стаи, кто мог бы ограбить копилку. И, как мы оба знаем, ситуация в НАГР давно созрела для переворота полковников».

Он пристально посмотрел на меня. «Не думаю, что позволю тебе снова порыбачить. Один!» Он поднял большой палец. «Ядерная бомба и ДПЛА перенесены из точки А. Два!» Его указательный палец поднялся. «Пока не появится что-нибудь получше, этот DC-7 — единственная проклятая зацепка, которая у нас есть. Три!» Остальные пальцы поднялись вверх — и я заметил, что у него длинная линия жизни — «Ник Картер отправляется в точку В, чтобы посмотреть, сможет ли он найти то, что было взято из точки А. Ясно?»

«Более или менее.» Я ухмыльнулся ему, и кислый взгляд сменился тем, что можно было бы назвать его добродушным хмурым взглядом.

«Это вызов, сынок», — тихо сказал он. — «Я знаю, что это тонко, но нет времени. Непонятно, что имеют в виду эти ублюдки. они захватили оружие, о котором они ничего не знают, и что оно могло быть нацелено на один из их городов».

Ястреб не из тех, кого ничто не беспокоит. Не один из нас. Иначе он бы не сидел на своем месте, и я бы не сидел рядом с ним. Но в угасающем полуденном свете морщины на его лице казались более глубокими, а за неподвижностью его бледно-голубых глаз таился проблеск беспокойства. У нас была проблема.

Для меня это название игры, в которой меня обвиняли. Избавьтесь от всех «а», «если» и «но», избавьтесь от официального жаргона, и это просто вопрос того, как вы поступите.

Хоук сообщил мне, что мы направляемся в аэропорт Дорваль за пределами Монреаля. Там я сяду на рейс Air Canada прямо в Рим, а затем на «Каравеллу NAA» до Ламаны. Я действовал как Нед Коул, главный корреспондент Amalgamated Press and Wire Services — AP&WS. Мое задание — сообщить о внезапной и трагической смерти премьер-министра Бен д'Око Менданике. Крыша была достаточно прочной. Но в качестве подстраховки у меня был второй паспорт, французский, на имя Жака Д'Авиньона, гидролога и инженера-водника евроконцерна РАПКО. Пресная вода для НАПР была на одном уровне с нефтью. И того, и другого они имели чертовски мало.

У нас не было персонала АХ, который мог бы меня поддержать. Я сказал бы, что мы маленькие. Моим единственным официальным контактом будет Генри Саттон, резидент ЦРУ и коммерческий атташе посольства США. Он ждал меня в связи со смертью посла, но не знал о моей настоящей миссии. Даже в подобной ситуации политика АХ заключается в разглашении оперативных планов сотрудничающим спецслужбам только по усмотрению агента на местах.

Вначале у меня было два пути подхода: пакистанская вдова Менданике, Шема, и экипаж DC-7. Вдова, потому что она могла знать тему тайной встречи посла Петерсена с ее покойным мужем и причину внезапного бегства в Бундун. Что касается экипажа DC-7, то по понятным причинам я хотел обсудить с ними планы полета.

Как я уже сказал, это была обычная процедура. Это Хоук сказал: «У вас максимум нет времени, чтобы узнать, есть ли там Cockeye и ДПЛА».

Глава 2

В течение оставшейся части пути из рыбацкого лагеря я запомнил большую часть справочного материала, который передал мне Хоук. В основном это касалось Североафриканской Народной Республики.

У каждого агента АХ есть актуальная картина геополитического лица земного шара. Как Killmaster N3, мои знания, конечно же, обширны и глубоки. Так и должно быть, чтобы, сосредоточившись на деталях, я уже на полпути.

Из всех стран Магриба НАГР является самой бедной. Он был создан ООН в конце 50-из засушливой части бывших французских владений. Как «недавно возникшая нация третьего мира», ее появление было чисто политическим.

Его столица Ламана — это глубоководный порт, стратегически расположенный и давно желанный для Советского Союза. Адмирал С.Г. Горшков, главнокомандующий ВМФ России, сказал в секретных показаниях перед Центральным комитетом Политбюро, что Ламана является ключом к контролю над западным Средиземноморьем. Не требовалось военного гения, чтобы понять почему.

Этому контролю препятствовали отношения между президентом НАРН Бен д'Оук Менданике и Вашингтоном. Это не были отношения, скрепленные добрым товариществом. Единственное, что нравилось Менданике в США, — это непрерывный поток помощи. Он взял его одной рукой, при каждой возможности устно хлопая своего благодетеля по лицу. Но в обмен на помощь он не дал Советам права на бункеровку в Ламане, а также был достаточно умен, чтобы опасаться их присутствия на своей территории.

Существовали некоторые параллели с ситуацией в отношении Тито и советским натиском на Адриатические порты. Имя Менданике часто связывали с именем югославского лидера. На самом деле толстый заголовок на баннере Montreal Star гласил: «Менданике, североафриканский Тито мертв».

Цейлонец по происхождению, получивший образование в Оксфорде, Менданике захватил власть в 1964 году, свергнув и убив старого короля Факи в результате кровавого переворота. Родственник Факи, Шик Хасан Абу Осман, не очень обрадовался переходу, и когда Вашингтон отказался предоставить ему оружие, он отправился в Пекин. Его десятилетняя партизанская кампания в южном секторе песчаной насыпи NAPR вокруг Будана время от времени упоминалась в прессе. Влияние Османа было мало, но, как и Мустафа Барзани в Ираке, он не собирался уходить, и его китайские поставщики были терпеливы.

В результате крушения с Менданике погибли шесть его ближайших советников. Фактически, единственным оставшимся членом его правящего окружения был генерал Салем Аззиз Тасахмед. По до сих пор неизвестным причинам его не вытащили из постели вместе с шестью другими, чтобы совершить неожиданный рейс по билету в один конец в колонку некрологов.

После известия о катастрофе Тасахмед объявил себя маршалом и заявил, что возглавит временное правительство. Генералу было сорок, он стажировался в Сен-Сире, бывшем французском Вест-Пойнте, и был полковником во время переворота 1964 года. У него была жена, сестра Менданике, и они с Беном были верными друзьями до смерти. По этому поводу АХ Inform гласил:

Тасахмед, как известно, с июня 1974 года имеет дело с агентом КГБ А. В. Селлиным главой резидентуры Мальты, прикомандированным к руководству. Рядом был Черноморский флот, которым командует вице-адмирал В.С. Сысоев.

Как предупредила Звезда, «трагическая смерть» Менданике вызвала возмущенные требования ряда лидеров третьего и четвертого мира о созыве экстренной сессии Совета Безопасности ООН. Случайная смерть не принималась во внимание. Осажденное ЦРУ снова стало мальчиком для битья, и хотя не было ощущения, что Совет Безопасности может вызвать воскрешение «известного государственного деятеля и защитника прав народов», встреча дала бы широкую возможность выразить злобу против империалистической войны США.

Со всем дополнительным опытом, который предоставил мне Хок, моя первоначальная оценка не изменилась. Дело в том, что это было усилено. В этой ситуации присутствовали все составляющие классического контрпереворота, вдохновленного Советским Союзом. И единственным связующим звеном между Кацвейлером и Ламаной был тот самолет DC-7, который, казалось, взлетел обычным рейсом, его единственным подозрительным действием было изменение пункта назначения на полпути.

К тому времени, как мы приземлились у ангара RCAF в Дорвале, я переоделся в деловой костюм и принял личность Неда Коула из AP & WS. Когда я не на дежурстве, полностью упакованная дорожная сумка и специальный кейс для атташе АХ оставляют в штаб-квартире для быстрого получения, и Хоук их забрал. Вне службы или на службе моя стандартная одежда состоит из Wilhelmina, моего 9-миллиметрового люгера, Hugo, стилета с креплением на руку и Pierre, газовой бомбы размером с грецкий орех, которую я обычно ношу в своих жокейских шортах. Меня тщательно обыскивали больше раз, чем я могу сосчитать, и одна из причин, по которой я хочу поговорить об этом, заключается в том, что никто не подумал обыскать это место.

Я стоял на линии полета в ранней вечерней темноте с Хоуком, когда он готовился к посадке в самолет представительского класса, который увезет его обратно в столицу. Больше не было необходимости рассказывать подробности истории.

«Естественно, президент чертовски хочет, чтобы это дело было упаковано, прежде чем оно станет достоянием общественности», — сказал Хоук, сложив ладони и закуривая еще одну сигару.

«Я полагаю, они молчат по одной из двух причин, а может и по обеим. Где бы они ни спрятали Соскеуе, им требуется время, чтобы установить его на ДПЛА и поработать с авионикой. Это может быть слишком сложно для них.»

«Какая другая причина?»

«Логистика. Если это шантаж, требования должны быть выполнены, условия выполнены. Требуется время, чтобы претворить в жизнь такой план.»

«Будем надеяться, что этого достаточно, чтобы дать нам достаточно... Ты чувствуешь себя хорошо?» Он впервые упомянул причину, по которой я рыбачил на озере в Квебеке.

«Я терпеть не могу долгих отпусков.»

«Как нога?»

«Лучше. По крайней мере, она у меня есть, а этот ублюдок Тупамаро стал на голову ниже.»

«Хмм.» Конец сигары светился красным в холодных сумерках.

«Хорошо, сэр», — раздался голос из самолета.

«Извини, что оставил тебя с моими рыболовными снастями», — сказал я.

«Я попробую удачу в Потوماке. До свидания, сынок. Оставайся на связи».

«Его рука была как железное дерево».

На машине меня отвезли в аэровокзал. Во время короткой поездки я снова натянул упряжь. Регистрация прошла незамедлительно. Службе безопасности дали сигнал пройти меня, бегло осмотрев мой кейс атташе и обыскав тело как пирожное. Боинг 747 почти не имел полезной нагрузки. Несмотря на то, что я ехал экономическим классом, как любой репортер хороших новостей, у меня было три места, которые были хороши для отдыха и сна.

Во время питья и ужина я расслабился. Но, как сказал Хоук, все сводилось к одному. Украденное могло быть где-то в НАРР. Если оно там было, моей задачей было не только найти их, но и избавиться от того, кто его туда поместил. В помощь мне сверху будут спутник и разведка с маолета СР-71.

Раньше правда была сильнее вымысла. Теперь ее насилие намного опережает фантастику. Телевидение, фильмы и книги не успевают. Это стало вопросом превосходства. И главная причина ускорения заключается в том, что сегодня в Лос-Анджелесе, Мюнхене, Риме или Афинах тем, кто слишком часто убивает своих собратьев, это сходит с рук. В старых добрых США благотворители беспокоятся о нападавших, а не о жертвах. АХ работает иначе. В противном случае он вообще не мог бы работать. У нас более старый код. Убить или быть убитым. Защищайте то, что нужно защищать. Верните все, что попало в руки врага. На самом деле никаких правил. Только результаты.

Здание терминала аэропорта Леонардо да Винчи в Риме представляет собой длинный застекленный вогнутый коридор с кучей стоек авиакомпаний, экспресс-баров и газетных киосков. Стекло обращено к линии полета, и есть спускающиеся пандусы от множества входных ворот, где собираются вместе самолеты крупных авиакомпаний. Менее престижные перевозчики, направляющиеся в Северную Африку и на юг и восток, загружаются с задних крыльев терминала, что доказывает, что, по крайней мере, в Риме, несмотря на вновь обретенное влияние арабских нефтедобывающих стран, существует определенный набор отличий. все еще наблюдается.

Прогулка по широкому, густонаселенному коридору была полезна для двух вещей — наблюдения и тренировки выздоравливающей ноги. Наблюдение было важнее. С момента вылета рейсом Air Canada я знал, что нахожусь под наблюдением. Это внутреннее чувство, основанное на долгом опыте. Я никогда не спорю с этим. Это было там, когда я высадился по пандусу и выросло вместе с капучино, которое я заказал в экспресс-баре. Оно оставалось твердым, когда я подошел к газетному киоску и купил Rome Corriere Delia Sera, а затем сел в соседний стул, чтобы просмотреть заголовки. Менданике по-прежнему оставался первой страницей. Сообщалось, что в стране наблюдается напряженность, но под жестким контролем. Я решил, что пора пойти в мужской туалет поправить галстук.

Я заметил его, изучая новости от Ламаны.

Он был маленького роста и жилистого, с землистым цветом лица и невзрачной одеждой. Он мог быть откуда угодно, типичное лицо в толпе. Меня интересовало его намерение, а не его анонимность. Только Ястреб и центральный контроль АХ знали, что я в Риме... предположительно.

В зеркале мужского туалета мое лицо сердито смотрело на меня. Я сделал пометку, чтобы напомнить себе, что надо больше улыбаться. Если бы я не был осторожен, я бы начал выглядеть так, как будто кто-то придумал секретного агента.

Было довольно постоянное движение людей, выходящих из комнаты, но мой маленький наблюдатель не вошел. Возможно, слишком опытный профи. Когда я вышел и спустился по лестнице в главный коридор, он исчез.

До полета было достаточно времени, но я пошел к далекой точке регистрации, чтобы посмотреть, смогу ли я его спугнуть. Он не появился. Я сел подумать. Он был настоящим шпином. Его целью, вероятно, было подтвердить мое прибытие и сообщить об этом. Кому? У меня не было ответа, но если его контроль был предупрежден, я тоже. Возможно, преимущество было за противником, но они совершили серьезную ошибку. Их интерес указывал, что в дальнем плане Хоука что-то пошло не так.

Я вернулся к чтению Corriere. Он был полон предположений о смерти Менданике и ее значении для НАР. Детали крушения совпали с теми, которые предоставил Хоук. Самолет совершал обычный заход на посадку ADF на полосу на краю Буданского оазиса. Нормальный во всех отношениях, за исключением того, что он врезался в землю в восьми милях от конца взлетно-посадочной полосы. Самолет взорвался при ударе. Эта катастрофа была саботажем, но до сих пор никто не мог объяснить, как DC-6 влетел в песок пустыни, с выдвинутыми колесами и стандартной скоростью снижения в то время, когда погода была «ясной» между дневным светом и тьмой. Это исключало взрыв на борту или другой самолет, сбивший

Менданике. Генерал Тасахмед заявил, что будет проведено полное расследование.

Мои попутчики начали собираться. Смешанная публика, преимущественно арабская, некоторые в западной одежде, другие нет. Было несколько неарабов. Трое, судя по разговору, были французскими инженерами, двое — британскими продавцами тяжелой техники. Принимая во внимание обстоятельства, я не думал, что их время для ведения бизнеса было удачным. Но такие вещи, похоже, не беспокоят британцев.

Собравшаяся группа мало обращала внимание друг на друга, время от времени сверяла часы и ждала прибытия самолета, чтобы начать ритуал регистрации и проверки. После последней бойни в аэропорту Рима даже арабские авиалинии начали серьезно относиться к безопасности. Вильгельмина и Хьюго находились в своих закрытых камерах в атташе-кейсе. На этот счет проблем не возникнет, но когда прибыл только один клерк НАА-мужчина, опоздавший на двадцать минут с планшетом под мышкой, я понял, что проблема исходит из другого источника.

Сначала он заговорил на арабском, затем на плохом английском, его гнусавый голос был ровным и непримиримым.

Некоторые из ожидающей толпы застонали. Остальные задавали вопросы. Некоторые начали протестовать и спорить со служителем, который немедленно занял оборонительную позицию.

«Я говорю, — казалось, что больший из двух англичан внезапно осознал мое присутствие, — в чем, кажется, проблема? Задержка?»

«Боюсь, что да. Он предлагает вернуться в час дня».

«Час! Но это не раньше...»

«Один час», — вздохнул его спутник с печальными глазами.

Пока они обдумывали плохие новости, я размышлял о том, чтобы позвонить по римскому номеру и предоставить в свое распоряжение самолет. Во-первых, это был вопрос того, стоила ли потеря времени риска особого прибытия, которое привлекло бы внимание в то время, когда подозрения в Ламане стали более параноидальными, чем обычно. А во-вторых, был вопрос, настраивали ли меня на убийство. Я решил, что как-нибудь наверстать упущенное. А пока я бы немного отдохнул. Я оставил двух британцев обсуждать, будут ли они есть второй завтрак из кровавых бифштексов, прежде чем они отменит свое бронирование, или после.

На втором этаже терминала находится так называемая временная гостиница, в которой можно снять номер-камеру с двухъярусной койкой. Задерните тяжелые занавески на окнах, и вы сможете перекрыть свет, если хотите отдохнуть.

В нижнем ярусе я положил обе подушки под одеяло и позволил занавеси свисать. Потом поднялся на верхний уровень и лег ждать развития событий.

Клерк НАА объявил, что трехчасовая задержка произошла из-за механической неисправности. Со своего места в зоне ожидания я мог видеть нашу Каравеллу на линии полета ниже. Багаж загружался в нижнюю часть самолета, а служащий бензовоза доливал в баки самолета JP-4. Если бы у самолета были механические проблемы не было видно ни механика, ни доказательств того, что кто-то что-то делал, чтобы что-то исправить. Это была нечеткая ситуация. Я решил принять это на свой счет. Выживание в моем бизнесе требует прямого отношения. Лучше быть уличенным неправым, чем мертвым. В регистре гостиницы я написал свое имя крупным и четким шрифтом.

Он пришел через час и пятнадцать минут. Я мог бы оставить ключ в замке и усложнить

ему задачу, но я не хотел, чтобы это было сложно. Я хотел поговорить с ним. Я услышал слабый щелчок тумблеров, когда его ключ повернулся.

Я спустился с койки и приземлился беззвучно на холодный мраморный пол. Поскольку дверь открылась внутрь, я обошел ее край. Показалась щель. Проем расширился. Показалось дуло — «Беретты» с громоздким глушителем. Я узнал костлявое запястье, блестящую синюю куртку.

Пистолет дважды кашлянул, и в полумраке подушки убедительно подскочили в ответ. Позволить ему продолжить было пустой тратой боеприпасов. Я поранил его запястье, и, когда «Беретта» ударился об пол, я катапультировал его в комнату, ударил его о двухэтажную кровать и захлопнул дверь ногой.

Он был маленьким, но быстро оправился и был быстр, как ядовитая змея. Он развернулся между шестами кровати, закружился и пошел на меня с лезвием в левой руке, оно было похоже на маленькое мачете. Он присел с недружелюбным выражением лица. Я натупал, тесня его, стилет Хьюго кружился.

Он сплюнул, пытаясь отвлечь меня, толкая меня в живот, а затем ударил по горлу. Его дыхание было прерывистым, его желтоватые глаза остекленели. Я сделал ложный выпад с Хьюго, и когда он нанес контратакующий удар, я нанес удар ногой в промежность. Он избежал большей части удара, но теперь я прижал его к стене. Он попытался оторваться, намереваясь расколоть мне череп. Я поймал его запястье прежде, чем он успел разделить мои волосы. Затем я заставил его развернуться, его лицо врезалось в стену, рука была вывернута к его шее, Хьюго протыкал его горло. Его оружие издало приятный лязгающий звук, когда упало на пол. Его дыхание было хриплым, как будто он пробежал очень длинный путь и проиграл гонку.

«У тебя нет времени жалеть. Кто тебя послал?» Я попробовал на четырех языках, а потом поднял руку до предела. Он корчился и задыхался. Я пролил кровь с Хьюго.

«Еще пять секунд — и ты мертв», — сказал я по-итальянски.

Я ошибался ни на каком языке. Он умер в четыре секунды. Он издал всхлипывающий звук, а затем я почувствовал, как его тело содрогнулось, его мускулы сжались, как будто он пытался вырваться изнутри. Он рухнул, и мне пришлось его удерживать. Он нормально укусил ампулу, только она была заполнена цианидом. Я почувствовал запах горького миндаля, когда положил его на койку.

В ритуале смерти он выглядел не лучше, чем был живым. У него не было никаких документов, что неудивительно. То, что он покончил с собой, чтобы помешать мне заставить его говорить, доказывало либо фанатичную преданность, либо боязнь более мучительной смерти после того, как он заговорит, — или и то, и другое.

Я сел на койку и закурил. Я никогда не трачу время на размышления о том, что могло бы случиться, если бы я поступил иначе. Роскошь самообвинения я оставляю философу. Здесь у меня были останки маленького убийцы, который сначала проверил мое прибытие, а затем изо всех сил пытался помешать моему отъезду.

Где-то между его наблюдением и его заключительным актом кто-то со значительным влиянием хотел заманить меня в тюрьму за убийство, заказав длительную задержку запланированного рейса. Инструкции моего потенциального убийцы относительно метода, которым он мог бы избавиться от меня, должно быть, были гибкими. Он не мог знать, что я решу немного отдохнуть. Я мог бы сделать еще полдюжины других вещей, чтобы скоротать время, и все они были бы на виду. Это затруднило бы работу убийцы и увеличило бы

вероятность его поимки. Все это указывало на определенную степень отчаяния.

Попытка также вызвала серьезные вопросы: кто-то знал, что я Ник Картер, а не Нед Коул. Кто? Если этот кто-то был связан с NAPR, зачем убивать меня в Риме? Почему бы мне не позволить мне прийти в Ламану и без риска прикончить меня там? Один из ответов может заключаться в том, что тот, кто направил моего нового соседа по комнате, был связан не с NAPR, а с North African Airlines. Поскольку эти двое были частью одной структуры приказы на убийство исходили извне, но имели значительное влияние внутри авиакомпаний.

Неизвестно, был ли у трупа на моей койке ведомый. В любом случае кто-то будет ждать отчета об успехе миссии. Было бы интересно посмотреть, что произведет тишина. Я оставил его под одеялом. С береттой под подушкой. Карабинерам было бы весело, при попытке понять это.

Как и Хок. я отправил ему кодированную телеграмму, адресованную миссис Хелен Коул по адресу округа Колумбия. В нем я попросил предоставить всю информацию о владении и контроле над North African Airlines. Я также упомянул, что, похоже, мое прикрытие было раскрыто. Затем я удалился в ресторан в аэропорту, чтобы попробовать неплохие каталонцы и фиаски Бардолино. Только официант обратил на меня внимание.

Было без десяти минут час, когда я вернулся в зону посадки. Пассажиры уже проходили проверку, механическая проблема решена. Два британца, более покрасневшие, но отнюдь не похудевшие из-за задержки, рвалились друг за другом, когда суровый араб с красной феской обыскивал их в поисках оружия.

Мой собственный допуск был обычным делом. Ни один из трех помощников-мужчин не уделял мне большего внимания, чем кто-либо другой. Я прошел через калитку и спустился по трапу под полуденный солнечный свет, стараясь оказаться в центре потока пассажиров. Я не думал, что кто-то будет стрелять в меня с этой выгодной позиции, но тогда я не ожидал и приемной комиссии.

Салон Caravelle был узким, а двойные сиденья по бокам прохода были рассчитаны на полезную нагрузку, а не на комфорт. Внизу было место для ручной клади, а верхние полки, предназначенные только для пальто и шляп, были забиты всевозможными товарами. Две стюардессы в темно-синей униформе с короткой юбкой не пытались навязывать правила, зная, что это бесполезно. Краска отслаивалась, как и бежевый декор у меня на голове. Я надеялся, что обслуживание самолетов будет более профессиональным. Я выбрал место сзади. Таким образом, я мог проверять вновь прибывших и ни к кому не оказаться спиной.

В 13.20 посадка пассажиров прекратилась. Большинство мест были заняты. Тем не менее, хвостовая аппарель оставалась опущенной, и пилот не включал моторы. Развлекал нас арабский музак. Вряд ли мы ждали очередного объявления о механической задержке. Мы не были к этому готовы. Ждали прибытия последнего пассажира.

Он пришел с фырканьем и пыхтением, тяжело спотыкаясь по ступенькам, ему помогла более высокая из двух стюардесс, ожидающих его встречи.

Я слышал, как он хрипит по-французски: «Торопитесь, спешите, спешите. Все торопитесь... А я всегда опаздываю!» Затем он увидел стюардессу и переключился на арабский: «Ас салам аликум, бинти».

«Ва аликум ас салам, абуи», — ответила она, улыбаясь, протягивая ему руку. А потом по-французски: «Нет спешки, доктор».

«Аааа, скажи это своей стойке бронирования!» Он был загружен с полиэтиленовым пакетом, полным бутылок с вином, и большим потрепанным чемоданом.

Стюардесса захохотала над ним, освобождая его от вещей, в то время как он тяжело дышал и протестовал против неестественности времени отправления. Его такси застряло в проклятом римском движении. Самое меньшее, что могла бы сделать ФАО, — это предоставить ему машину и т. Д. И т. Д.

Доктор был крупным мужчиной с тяжелым лицом. У него была шапка из вьющихся коротко остриженных седых волос. Это, наряду с его ирисовой кожей, указывало на некоторую черную родословную. Его темно-синие глаза представляли интересный контраст. Когда стюардесса укладывала его вещи, он шлепнулся на сиденье рядом со мной, вытирая лицо платком и извиняясь, переводя дыхание.

Я заговорил с ним по-английски, когда хвостовая лестница поднялась и зафиксировалась на месте. «Какая-то сложная гонка, а?»

Теперь он смотрел на меня с интересом. «Ах, английский», — сказал он.

«Несколько раз снимали рейс. Американец».

Он широко раскинул свои мясистые руки: «Американец!» Похоже, он сделал захватывающее открытие. «Что ж, добро пожаловать! Добро пожаловать!» Он протянул руку. «Я доктор Отто ван дер Меер из Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН». Его акцент был скорее французским, чем голландским.

«Ремень безопасности, доктор», — сказала стюардесса.

«Что-что!» У него был громкий голос, и я заметил, что несколько пассажиров оглянулись и либо улыбаются, либо машут ему.

Ремень застегнул его выпуклую середину, и он снова обратил свое внимание на меня, когда «Каравелла» отошла от подушки и начала рулить. «Так — американец. РАПКО?»

«Нет, я журналист. Меня зовут Коул».

«Ааа, я понимаю, журналист. Как поживаете, мистер Коул, очень приятно». Его рукопожатие показало, что под подушкой лежит что-то более твердое. «С кем вы, The New York Times?»

«Нет. AP и WS.»

«О, да, да. Очень хорошо». Он не знал AP&W от AT&T, и ему было все равно. «Я полагаю, вы едете в Ламану из-за смерти премьер-министра».

«Это то, что предложил мой редактор».

«Ужасная вещь. Я был здесь, в Риме, когда услышал».

Он покачал головой. «Печальный шок».

«Вы знали его хорошо?»

«Да, конечно.»

«Не возражаете, если я совмещу приятное с полезным и задам вам несколько вопросов о нем?»

Он моргнул, глядя на меня. Его лоб был широким и длинным, из-за чего нижняя часть лица казалась странно укороченной. «Нет, нет, совсем нет. Спроси меня, что тебе нравится, и я скажу тебе все, что могу».

Я достал свой блокнот, и в течение следующего часа он отвечал на вопросы и А. Я заполнил множество страниц информацией, которая у меня уже была.

Врач придерживался популярного мнения, что, даже если смерть Менданике была случайной, в чем он сомневался, переворот полковника был где-то в процессе.

«Полковник — генерал Ташахмед?»

Он пожал плечами. «Он был бы наиболее очевидным выбором».

«Но где в этом переворот? Менданике больше нет. Разве преємственность не перейдет к генералу?»

«В нем мог быть замешан полковник. Полковник Мохаммед Дуза — начальник службы безопасности. Говорят, что он построил свою организацию по образцу египетского Мухабарата».

Которая была смоделирована с помощью советских советников по образцу КГБ. Я читал о Дуза в своих информационных материалах. Они указали, что он был человеком Тасахмеда. «Что он может сделать, если армия принадлежит Тасахмеду?»

«Армия — это не Мухабарат», — пробормотал он. Затем он вздохнул, скрестив свои мясистые руки на груди, глядя на спинку сиденья перед ним. «Вы должны кое-что понять, мистер Коул. Я провел большую часть своей жизни в Африке. Я видел подобные вещи раньше. Но я международный государственный служащий. Политика меня не интересует, они вызывают у меня отвращение. шакалы борются за то, чтобы увидеть, кто может быть верхним шакалом. Менданике, возможно, показался со стороны пустозвоном, но он не был дураком на своей родине. Он заботился о своем народе, как мог, и трудно сказать, чем закончится будь сейчас, когда он ушел, но если все пойдет как надо, это будет кровавым».

Врач застрял в зубах и не понял смысла. «Вы говорите, что Дуза получает помощь извне?»

«Что ж, я не хочу, чтобы меня цитировали, но в рамках моей работы я должен много путешествовать по стране, и я не слепой».

«Вы имеете в виду, что Абу Осман вписывается в это?»

«Осман!» Он посмотрел на меня широко раскрытыми глазами. «Осман — старый реакционный дурак, бегающий по песку, призывающий к священной войне, как верблюд, кричащий о воде. Нет, нет, это нечто другое».

«Я не собираюсь играть в угадайку, доктор».

«Послушайте, я уже слишком много говорю. Вы хороший американский журналист, но я действительно не знаю вас. Я не знаю, что вы будете делать с моими словами».

«Я слушаю, а не цитирую. Это справочная информация. Что бы вы ни имели в виду, мне все равно придется проверить».

«Я имею в виду, мистер Коул, что у вас могут возникнуть проблемы с проверкой чего-либо. Возможно, вам даже не разрешат въезд в страну». Он становился немного резким.

«Это шанс, которым должен воспользоваться любой журналист, когда его редактор скажет: уходите».

«Старый. Я уверен, что это так. Но сейчас не будет никакого дружелюбия к американцам, особенно к тем, кто задает вопросы».

«Что ж, если я собираюсь получить сомнительную честь быть вышвырнутым из этого места до того, как я попаду туда, я постараюсь говорить мягко», — сказал я. «Вы знаете, конечно, о смерти нашего посла?»

«Конечно, но для людей это ничего не значит. Они думают только о смерти своего лидера. Вы видите связь между ними? Что ж», — он глубоко вздохнул и вздохнул, человек, который неохотно принял решение — «Послушайте, я скажу еще кое-что, и хватит этого интервью. В последние месяцы в страну приезжало несколько человек. Я знаю их взгляд, потому что видел их в других местах. Партизаны, наемники, командос — что угодно — несколько человек приезжают одновременно, не остаются в Ламане, уезжают в деревню. Я вижу их в деревнях. Почему такие люди должны приезжать в это место? Я спрашиваю себя».

Здесь ничего нет. Кто им платит? Не Менданике. Так что, может быть, они туристы в отпуске, сидят в кафе, любясь видом. Вы сами понимаете, мистер газетчик. Финиш». Он поставил точку, развел руками. «Теперь вы меня извините. Мне нужно отдохнуть». Он откинул голову, откинул сиденье и заснул.

Его позиция заключалась в том, что человек хотел поговорить, но неохотно делал это, становясь все более неохотным по мере того, как он продолжал, пока он не достиг точки, когда он был расстроен и недоволен своей откровенностью с неизвестным журналистом. Либо он слишком много говорил, либо он был хорошим актером.

В любом случае не было необходимости рассказывать мне о притоке, если он так не считал. Коммандос украли ядерное оружие, и хотя Ближний Восток от Касабланки до Южного Йемена был полон ими, это могло быть зацепкой.

Когда хороший доктор проснулся, то после дремоты он был в лучшем настроении. У нас оставалось около часа, и я посоветовал ему рассказать о своих сельскохозяйственных проектах. Он провел большую часть своей жизни в Африке. У него был отец-бельгиец — не голландец — он учился в Лувенском университете, но после этого его жизнь была посвящена продовольственным проблемам Темного континента.

Когда пилот начал снижение, ван дер Меер переключился с рассказа мне о мировой катастрофе распространения засухи на пристегивание ремня безопасности. «Увы мой друг, — сказал он, — обычаи здесь никогда не бывают легкими. Для вас в это время это может быть очень сложно. Оставайтесь со мной. Я сделаю вас писателем ФАО, как это?»

«Я бы не хотел доставить тебе неприятностей».

Он фыркнул. «Для меня не проблема. Они знают меня достаточно хорошо».

Это было похоже на возможность. Если бы это было что-то еще, я бы выяснил почему. «Я ценю предложение», — сказал я. «Я пойду за тобой».

«Я полагаю, вы не говорите по-арабски?»

Всегда есть преимущество в том, чтобы приглушить язык враждебной страны. «Это не один из моих талантов», — сказал я.

«Хммм.» Он понтификом кивнул. «А как насчет французского?»

«Un peu.»

«Что ж, используйте это как можно лучше, если вас будут спрашивать, и вас будут допрашивать». Он закатил глаза.

«Я попробую», — сказал я, гадая, смогу ли я под обложкой журналиста написать статью о том, почему «освобожденная» элита бывших французских владений предпочитает говорить по-французски как символ статуса, а не на своем родном языке.

Город Ламана расположен на краю древней гавани в форме полумесяца, построенной еще до того, как римляне изгнали карфагенян. Мы пролетели над ним и над пыльным мегаполисом внизу. Он не сильно вырос с моей последней остановки.

«Ты был здесь раньше?» — спросил доктор.

«Я ожидал, что Ламана будет больше». Я сказал, подразумевая, что нет.

«У него должна быть причина для роста. Римские руины в Портариосе когда-то были туристической достопримечательностью. Может, если мы обнаружим нефть, кто знает».

Терминал аэропорта Ламаны представлял собой типичное квадратное здание желтоватого цвета с прилегающими крыльями. Отдельно от него стояла единственный большой ангар с высокой сводчатой крышей. Кроме нашего, других самолетов на линии полета не было. На линии полета был взвод пехоты в бело-голубых клетчатых куфиях в качестве головных уборов. Они были оснащены бельгийскими автоматами FN 7.65 и подкреплены полдюжиной удобно размещенных французских боевых машин Panhard AML.

Отделение взвода было растянуто вдоль раскаленного солнцем асфальта. Мы прошли мимо них, направляясь к таможенному крылу терминала. Одна стюардесса вела парад, другая замыкала. Помогая доктору справиться с перегрузкой, я заметил, что отряд выглядел неряшливо, без выправки и лоска, только угрюмые взгляды.

«Мне это не нравится», — пробормотал доктор. «Может, переворот уже есть».

Доуан — «таможня» — в любом государстве третьего или четвертого мира — дело затяжное. Это один из способов поквитаться. Это также снижает безработицу. Дайте мужчине форму, скажите ему, что он начальник, и вам не придется платить ему много, чтобы он оставался на работе. Но тут добавились два новых фактора — возмущение потерей лидера и неуверенность. Результатом стало напряжение и чувство страха среди вновь прибывших. Я чувствовал его запах в зловонном безвоздушном сарае, служившем для приветствия прибывших.

Очередь двигалась с заданной медленностью, путешественник должен был предъявить карту отстранения, паспорт и карту иммунизации на отдельных станциях, где находились инспекторы, стремящиеся вызвать неприятности и задержку. Впереди раздался гневный голос перебранки между тремя французами и следователями. Трио из Парижа не робели; они были мудры в игре.

Когда подошла очередь ван дер Меера, он поприветствовал офицера за стойкой по-арабски — как давно потерянного брата. Брат уклончиво хмыкнул в ответ и махнул тяжелой рукой.

Когда я подошел к прилавку, доктор переключился на французский язык для меня. «Этот человек — друг. Он приехал из Рима, чтобы писать об экспериментальных фермах».

Чиновник с толстой шеей и квадратным лицом помахал доктору и сосредоточился на моих бумагах. Когда он увидел паспорт, он вскинул голову и уставился на меня с гневным удовлетворением. «Американец!» он выплюнул это по-английски, грязное слово. А потом прорычал по-арабски: «Зачем ты сюда приехал?»

«C'est dommage, M'sieu. Je ne comprend pas», — сказал я, глядя ему в грязные глаза.

«Raison! Raison!» — крикнул он, привлекая внимание. «Pourquoi êtes-vous ici?» А затем по-арабски «Сын навозоеда».

«Как ваш знаменитый доктор».

Ван дер Меер сказал: «Я придерживался французов. Я здесь, чтобы доложить о том, чего вы добились, превратив пустыню в плодородную землю. Это хорошие новости, о которых следует сообщать везде. Вы не согласны, мсье майор?»

Это его немного отодвинуло. Повышение звания с младшего лейтенанта не повредило. Это вызвало кряхтение.

«Это вещь, которой можно гордиться». Я достал портсигар и протянул ему. «Вам повезло, что у вас есть такой человек, как доктор». Я улыбнулся ван дер Мееру, который стоял в очереди у следующей стойки и озабоченно смотрел на нас через плечо.

Недавно получивший звание майор снова крякнул, беря сигарету, впечатленный золотыми инициалами. Я держал зажигалку. «Как долго вы планируете оставаться здесь?» — прорычал он, изучая мою визу, подделанную АХ.

«Неделя, ин-Шалах».

«Нет, не по воле Аллаха, а по воле Мустафы». Он выдохнул облако дыма, указывая на себя.

«Если хотите, я помещу вас в статью, которую собираюсь написать. Майор Мустафа, который приветствовал меня и дал мне возможность рассказать другим о великих делах, которые вы здесь делаете». Я сделал большой жест.

Если он знал, что это обман, он понимал, что лучше не показывать этого. Я говорил достаточно громко, чтобы меня слышали все остальные инспекторы. У арабов сухое чувство юмора. Они не любят ничего лучше, чем видеть, как смеются над крикунами среди них. Я чувствовал, что по крайней мере некоторым не нравился Мустафа.

На самом деле, с ним было намного легче играть, чем с форелью. Пройдя мимо него, проверка и штамповка стали более рутинными. Обыск багажа был тщательным, но недостаточно тщательным, чтобы побеспокоить Вильгельмину и Хьюго. Я только дважды слышал, что меня называли «грязным американским шпионом». К тому времени, когда мой чемодан и сумка были награждены белым мелом допуска, я чувствовал себя как дома.

Ван дер Меер ждал меня, и когда мы вышли из душного сарая, два британца, не говорившие ни по-французски, ни по-арабски, ругались с Мустафой.

Носильщик бросил наш багаж в багажник старинного шевроле. Врач раздал бакшиш, и с благословения Аллаха мы поднялись на борт.

«Вы остановились во дворце Ламана?» Мой хозяин сильно вспотел.

«Да.»

Я осмотрел сцену. Терминал спереди выглядел более человечным. Это была круговая дорога с выступающей стрелой для движения вешалки и гравийной дорогой, ведущей через Джебель к миражу озер. В жарком тумане на юге изломанные холмы были выше, продуваемые ветром, выжженные солнцем. Жесткое голубое небо было беспощадным излучателем солнца.

«Вы не найдете, что он соответствует своему названию... дворец». Врач вздохнул, откинувшись на спинку кресла, дав водителю инструкции. «Но это лучшее, что может предложить Ламана».

«Я хочу поблагодарить вас за вашу помощь». Я тоже сидел, пока водитель попытался протолкнуть педаль акселератора через пол, прежде чем он завершил поворот, чтобы съехать с дороги.

У доктора этого терпения не было. «Притормози, шестой сын погонщика верблюдов!»

Он проревел по-арабски. «Притормози, или я сообщу о тебе службе безопасности!»

Водитель удивленно взглянул в зеркало, приподнял ногу и надулся.

«Ах, это уже слишком». Ван дер Меер вытер лицо платком. «Все это так глупо, такая расточительность. Я хвалю тебя за то, как ты вел себя. У тебя был хороший французский».

«Могло быть и хуже. Они могли забрать мой паспорт».

«Они заберут его в отеле, и Бог знает, когда вы его вернете».

«Вы знаете, может быть, я выйду и напишу статью о вашей работе. Где я могу вас найти?»

«Для меня будет честью.» Он звучал так, как будто он серьезно. «Если бы я останавливался в городе, я бы пригласил вас быть моим гостем. Но я должен поехать в Пакар. У нас там есть станция, где мы выращиваем сою и хлопок. Я должен вернуться завтра. Почему бы вам не взять мою карточку? Если вы все еще здесь, позвоните мне. Я проведу вас к основному направлению нашей работы, и вы можете спросить меня, что вам нравится».

«Если я не в тюрьме или меня не выгнали, мы попробуем, доктор. Как вы думаете, уже произошел государственный переворот?»

Ван дер Меер обратился к водителю: «В городе все тихо?»

«Солдаты и танки, но все тихо».

«Подождите, пока у них похороны. На вашем месте, мистер Коул, я бы в то время не ходил с улицы. Вообще-то, почему бы вам не пойти со мной сейчас? Пока все не утихнет».

«Спасибо, но я боюсь, что пресса не станет ждать, даже на похоронах».

Из-за жалоб на плохо используемый двигатель я услышал новый звук. Я оглянулся. Сквозь серый экран нашей пыли быстро приближалась другая машина. Это была двухполосная дорога. Я знал, что если бы встречный водитель хотел обойти, он бы уже свернул на полосу для обгона. На инструктаж не было времени. Я перебрался через сиденье, сбил водителя с руля, тяжело вытащил «Шевроле» вправо, а затем влево. Я изо всех сил старался оставаться на дороге, пока сыпался гравий и визжал резина. Раздался единственный ломающий лязг металла о металл, когда мимо пролетела другая машина. Он ехал слишком быстро, чтобы тормозить и разъехаться.

Не было возможности взглянуть на него, и, пройдя мимо, он не замедлил движения. Шофер начал в ярости выть, словно призывая верующих к молитве. Звуковая дорожка Ван дер Меера, казалось, застряла в канавке. «Мое слово! Мое слово!» было все, что получилось. Я вернул руль водителю, чувствуя себя лучше, надеясь, что близкий промах был признаком чего-то большего, чем кто-то в убийственной спешке.

Доктор встревоженно попрощался со мной у входа в отель. Он отправит сообщение, как только вернется из Пакара. Звонить по телефону было бы невозможно. Он надеялся, что я буду осторожен и т. Д. И т. Д.

Когда мы ехали вдоль Адриана Пельта, огибая гавань, было много свидетельств того, что генерал Тасахмед выставил свои войска на обозрение. Когда мы подъехали к грязно-белому фасаду отеля, войска рассыпались среди пальм и кипарисов, как сорняки. Их присутствие, казалось, только усилило беспокойство ван дер Меера обо мне. «Je vous remercie beaucoup, доктор», — сказал я, выходя из такси. «A la prochaine fois. Bon Chance en Pakar».

«Уи! Уи!» Он высунул голову в окно, чуть не потеряв шляпу. «Mon plaisir, a bientôt, a bientôt!»

«Вы делаете ставку». Водитель никогда не собирался простить меня за то, что я спас ему жизнь, но за бакшиш, который я ему вручил, принес мне мой багаж, и я быстро поднялся по каменным ступеням в темную нишу фойе отеля.

Сорок лет назад дворец Ламана был лучшим из того, что французские колонисты могли себе предложить. Осталась старая патина, осталась прохлада. Но запах был более свежим, как и консьерж.

Давление времени больше не позволяло роскоши играть в игры. Когда он обнаружил, что я могу говорить по-французски, он вошел в привычку не получать просьбу о бронировании. К сожалению, все номера были забронированы. У него было лунное лицо с колючими черными волосами и прозрачными черными глазами. Духи, которыми он купался, соответствовали его жестам, как и его желто-коричневый жилет.

Я был единственным прибывшим в тот момент, а фойе было достаточно большим, чтобы никто не обращал на нас внимания. Я принес свой подтверждающий телекс левой рукой, в то время как правая застегивалась на жилете. Затем я сблизил их, частично перетаскивая его через прилавок.

«У тебя есть выбор», — тихо сказал я. «Вы можете съесть это подтверждение моей брони или дать мне ключ от моей комнаты прямо сейчас».

Возможно, это было выражение его выпученных глаз в моих. Он указал, что не голоден. Я отпустил его. Очистив взъерошенные перья, он достал ключ.

«Merci, bien». Я приятно улыбнулся.

«Вы должны заполнить удостоверение личности и оставить свой паспорт», — прохрипел он, потирая грудь.

«Позже», — сказал я, беря карточку. «Когда я немного посплю».

«Но мсье...!»

Я пошел прочь, показывая мальчику, чтобы тот нес мою сумку.

Когда мне нужна информация или услуга в городе, у меня есть два источника: водители такси и прислуга. В данном случае это было последнее. Его звали Али. У него было приятное лицо и голубые глаза. Он прекрасно говорил на пиджин-французском. Я сразу понял, что у меня появился друг.

Он бросил на меня понимающий взгляд, пока мы шли к лифту в стиле барокко. «Мастер сделал плохого человека врагом». Его лицо озарилась широкой ухмылкой.

«Я нашел его манеры плохими».

«Его мать была свиньей, его отец — козлом. Он доставит тебе неприятности». Его голос вырвался из его живота.

Поднимаясь в лифте размером с конюшню, Али назвал мне свое имя и сообщил, что консьерж, Ареф Лакуте, был полицейским шпионом, сутенером, педиком и подлым ублюдком.

«Мастер зашел далеко», — сказал Али, открывая дверь в мою комнату.

«И еще дальше, Али». Я прошел мимо него в тускло освещенную комнату, которую мне выделил Лакут. Али включил свет, что не сильно помогло. «Если мне понадобится машина, ты знаешь, где ее найти?»

Он ухмыльнулся. «Все, что хочет Мастер, Али может найти... и цена не заставит тебя ругать меня слишком сильно».

«Я хочу машину, которая ездит лучше старого верблюда».

«Или новый», — засмеялся он. «Как скоро?»

«Сейчас было бы хорошее время».

«Через десять минут и он твой».

«Является».

«Тут есть задний выход?»

Он окинул меня критическим взглядом. «Хозяин не собирается приносить неприятности?»

«Не сегодня. Почему вокруг так много солдат?» Я заметил его концентрацию, когда вынул из бумажника полный кулак риалов.

«Это дело рук генерала. Теперь, когда Босс мертв. Он будет боссом».

«Был ли мертвый Босс хорошим человеком?»

«Как любой босс», — пожал он плечами.

«Будет ли проблема?»

«Только для тех, кто против генерала».

«Много ли?»

«Есть слухи, что они есть. Некоторые хотят, чтобы на его месте правила прекрасная леди мертвого Хозяина».

«Что ты говоришь?»

«Я не говорю. Я слушаю».

«Сколько из этого вам нужно?» Я размахивал ему банкнотами.

Он покосился на меня. «Мастер не очень умен. Я мог бы тебя ограбить».

«Нет.» Я улыбнулся ему. «Я хочу нанять тебя. Если ты меня обманешь — ну, ин-ула».

Он взял то, что ему было нужно, затем сказал мне, как добраться до заднего выхода из отеля. «Десять минут», — сказал он, подмигнул мне и ушел.

Я запер дверь и закрыл жалюзи на единственном окне комнаты. На самом деле это была дверь, которая выходила на небольшой балкон. Из него открывался вид на плоские крыши и на гавань. Он также впускал свежий воздух. Укладывая Вильгельмину в свою наплечную кобуру и прикрепляя Хьюго к предплечью, я подумал о Генри Саттоне, резиденте ЦРУ. Если бы наши позиции поменялись местами, у меня был бы кто-нибудь в аэропорту, чтобы проверить мое прибытие, водитель, который был бы начеку, и контакт здесь, в отеле, чтобы облегчить мой вход. Было бы сообщение о наличии машины. Генри мало мне показывал.

Задний вход в отель выходил в зловонный переулок. Он был достаточно широким для

Fiat 1100. Али и владелец машины ждали меня, первый, чтобы получить мое благословение, а второй, чтобы посмотреть, насколько я сделаю его богаче.

«Тебе это нравится, Мастер?» Али похлопал пленкой пыли на крыле.

Мне больше понравилось, когда я вошел и завел его. По крайней мере, все четыре цилиндра работали. День хозяина был испорчен, когда я отказался торговаться, дал ему половину того, что он назвал за четырехдневную аренду, и выехал из тупика, призывая Аллаха благословить их обоих.

Ламана больше походила на большой парк, чем на город. Французы построили его улицы в форме веера и переплели их с множеством цветочных парков, благодаря приобретению, на котором располагалась территория. Смесь мавританской архитектуры и французского планирования придала Ламане очарование старого мира, которое не смогли стереть даже ее освободители.

Я запомнил его улицы во время полета на вертолете в Монреаль, и я двигался в узком потоке машин, направляясь к окраинам и посольству США на улице Пепин. На основных перекрестках стояли броневики и отдыхали экипажи. Я специально проехал мимо Президентского дворца. Его богато украшенные ворота были задрапированы черным крепом. Сквозь золотые решетки я видел длинную, увитую пальмами дорогу. Планировка, экстерьер и интерьер тоже были в моей памяти. Защита Дворца была не лучше, чем в любой другой точке. Возможно, Тасахмед направил свои войска, чтобы произвести впечатление, а не потому, что ожидал неприятностей.

Посольство, небольшая белая вилла, располагалось за длинной высокой белой стеной. Флаг на его крыше был наполовину штатным. Мне было приятно видеть морских пехотинцев, стоящих на страже у ворот, и еще больше меня порадовала их серьезная манера поведения. Мой паспорт проверили. Fiat проверили от капота до багажника. Саттону позвонили. Ответ пришел, и мне сказали, где припарковаться и доложить сержанту при входе в посольство. Все это заняло около двух минут, очень вежливо, но никто не упустил ни одной уловки.

За дверью я нашел сержанта. Его было бы трудно не заметить. Я был рад, что мы были на одной стороне. Он перепроверил, а затем посоветовал мне взять по левую руку на широкую лестницу с двумя ветвями. Комната 204 была моей целью.

Я поднялся по покрытой ковром лестнице среди запаха цветов, тишины похоронной тишины. Тишина была не только мерой события, но и часом. Было уже больше пяти.

Я постучал по номеру 204 и, не дожидаясь ответа, открыл дверь и ворвался внутрь. Это был прием, и рыжеволосая женщина, которая ждала меня, сделала что-то, чтобы смягчить поток пара, который я настроил на Саттона. «Элегантная» было моей первой реакцией; не обычный секретарь, был моим вторым впечатлением.

Я был прав по обоим пунктам.

«Мистер Коул, — сказала она, подходя ко мне, — мы вас ждали».

Я не ожидал ее увидеть, но наше короткое рукопожатие сказало кое-что хорошее на случай неожиданного. «Я пришел так быстро, как я смог».

«Ой». Она вздрогнула от моего сарказма, ее бледно-зеленые глаза сверкнули. Ее улыбка была тонкой, как ее запах, цвет ее волос был чем-то особенным, Йейтс и Кэтлин Хулихан — все в одном лице. Вместо этого она была Полой Мэтьюз, помощницей и секретарем пропавшего Генри Саттона. «Где он?» — сказал я, следуя за ней в офис.

Она не ответила, пока мы не сели. «Генри — мистер Саттон — работает над

подготовкой... в отношении смерти посла».

«Что это решит?»

«Я... я действительно не знаю... Только это может ответить, почему его убили».

«Там ничего нет?»

«Нет.» Она покачала головой.

«Когда Саттон вернется?»

«Он думает к семи».

«Что-нибудь пришло для меня?»

«О да, чуть не забыла». Она вручила мне конверт со своего стола.

«Извините меня.» Закодированный ответ Хоука на мой римский запрос был кратким и не дал реальных ответов: владение NAA 60 % Mendanike, 30 % Tasahmed, 10 % Shema. Если бы Тасахмед или Шема захотели убить меня, это определенно можно было бы сделать здесь легче, чем в Риме.

Я взглянул на Паулу, отметив, что ее грудь резко увеличилась на фоне блузки. «Мне нужен ваш офис связи».

«Чем мы можем помочь». Ее жест был изящным.

«Пойдем поговорим о связи».

Отдел связи и его главный оператор Чарли Нил немного успокоили. Оборудование было новейшим, Нил знал свое дело. Используя другой фиктивный адрес, я закодировал AX-Sp для Хоука: нужно все о ФАО, д-р Отто ван дер Меер.

«Я должен получить ответ в течение получаса, Чарли». Я сказал. «Вы дадите мне знать».

«Мы будем в моей каюте», — просветила нас обоих Паула.

На территории посольства, обнесенной стеной, было несколько небольших бунгало для сотрудников. Паула сообщила мне, что до недавнего времени проживание в таком доме было необязательным, но террористические акты против персонала США сделали их обязательным, чтобы все женщины, особенно одинокие, назначенные в NAPR, проживали в них.

«Неплохая идея», — сказал я, пока мы шли по тропинке к ее коттеджу.

«В нем есть свои преимущества, но это ограничивает».

Окружающие кипарисы придавал этому месту приятное ощущение уединения, хотя поблизости был похожий коттедж. Красная бугенвиллия на фоне белой облицовки добавляла атмосферу умиротворения, столь же иллюзорного, как и все остальное.

«Обычно я бы поделился своим именем с кем-то, кого я, вероятно, не вынесу, но на этот раз недостаток в людях окупился». Мне понравилось, как она качнула головой.

Позади еще меньшей кухни было небольшое патио, мы сели на нем и попробовали джинс с тоником. «Я думала, здесь будет удобнее», — сказала она.

«Мне нравится ваше суждение. Позвольте мне побаловать себя одной из моих поблажек». Я предложил свои сигареты.

«Хм... золотые буквы, как красиво».

«Тебе понравится табак. Вы занимаетесь тем же бизнесом, что и Генри?»

Она кивнула, когда я протянул зажигалку.

«Когда сносит крышу?»

«Завтра на похоронах будут проблемы. Но у генерала Тасахмеда нет реальной оппозиции».

«Что здесь происходило перед смертью Менданике и посла?»

Она бросила на меня осторожный умозрительный взгляд. «Может, тебе лучше подождать и поговорить об этом с мистером Саттоном».

«У меня нет времени ждать. Что бы вы ни знали, давайте прямо сейчас».

Ей не понравился мой тон. «Послушайте, мистер Коул...»

«Нет, послушайте. Вы получили инструкции сотрудничать. Мне нравится, как вы сотрудничаете, но не говорите обо мне официально. Мне нужно знать, и прямо сейчас». Я смотрел на нее и чувствовал искры.

Она отвернулась. Я не мог сказать, был ли румянец у нее на щеках, потому что она хотела сказать мне, чтобы я пошел к черту, или потому, что мы оказывали друг на друга взаимное влияние. Через мгновение ее глаза вернулись к моим, холодным и слегка враждебным.

«Есть две вещи. Во-первых, я удивлена, что вы еще не знаете. С августа мы отправляем в Лэнгли информацию о прибытии профессиональных террористов из разных мест...»

«Прибытие одиночками, парами и тройками». Я закончил за нее. «Вопрос — где они?»

«Мы не уверены. Они просто приходят и исчезают. Мы думали, что за этим стоит премьер-министр. Посол Петерсен хотел обсудить это с ним».

Мне было грустно, что у ван дер Меера было больше ответов, чем у этих людей. «Они все еще входят?»

«Двое прибыли двадцать четвертого из Дофара».

«Вы чувствуете, что Менданике привел их, чтобы усилить свой натиск против Османа?»

«Мы пытались проверить возможность».

«Какие отношения были у Бен д'Око с генералом?»

«Целующиеся кузены».

У нее были все стандартные ответы. «Есть ли доказательства того, что они могли перестать целоваться, что Тасахмед избавился от Менданике?»

«Естественно, это приходит на ум. Но у нас нет доказательств. Если Генри сможет узнать личность водителя, убившего посла Петерсена, возможно, мы это тоже выясним».

Я поморщился в свой стакан. «Где вписывается полковник Дуза?»

«В кармане генерала. Он делает грязную работу и любит это. Когда смотришь на него, видишь чешую змеи».

Я ставлю пустой стакан. «Какой второй пункт вы упомянули?»

«Это может быть ничего. Есть человек по имени Ханс Гайер, желающий установить контакт с мистером Саттоном».

«Кто он?»

«Он главный механик North African Airlines».

Мои уши насторожились. «Он дал какое-нибудь указание на то, что он хотел?»

«Нет. Он хотел прийти. Я сказала, что мы позвоним».

С точки зрения моего сексуального влечения Паула Мэтьюз имела ошеломляющий успех. Как оперативник ЦРУ или помощник оперативника, или как бы там ни было, она напомнила мне о своем пропавшем боссе. «Вы знаете, где Гайер?»

«Ну, в аэропорту есть только одна ангар-стойка. Он сказал, что будет там до восьми».

Я встал. «Паула, мне очень жаль, что у меня нет времени говорить о цвете твоих волос и запахе жасмина. Я бы хотел проверить его от дождя. А пока не могли бы вы попросить Генри встретиться со мной в бар в Lamana Palace в восемь и принести ответ на мою

телеграмму?»

Когда она встала, ее щеки снова приобрели румянец. «У мистера Саттона может быть встреча».

«Скажи ему отменить». Я кладу ей руки на плечи. «И спасибо за напиток». Я целомудренно поцеловал ее в лоб и двинулся прочь, улыбаясь ее озадаченному взгляду.

Когда я подъезжал к аэропорту, свет угасал в выжженном солнцем небе. Горели полевые фонари, и маяк на вышке отражал тяжелые красные сумерки. Теперь перед подъездом стояли три броневика вместо двух. Я знал, что вход в аэропорт также будет охраняться. За мной не следили из города, и никто не наблюдал за моим доступом в посольство или из него. Впереди блокада будет немного сложнее.

Я свернул с главной подъездной дороги на небольшой отрезок дороги, ведущей к ангарам. В конце дороги стояли посты охраны, а рядом — французский командирский джип АМХ и бронетранспортер ТТ 6. Некоторые люди бездельничали, пока не увидели, что я приближаюсь. Затем они огрызнулись, как будто я был той силой вторжения, которую они ждали. Мне жестом сказали остановиться в добрых пятидесяти футах от ворот.

Сержант вывел отряд из четырех человек с боевыми силами наготове. Приветствие было резким и по-арабски. Я был на запретной территории. Какого черта я думал, что делаю!

Мой ответ был на французском. Я был представителем Парижского аэронавтического общества. У меня были дела с м-сье Гайером, шеф-механиком *Mecanicien des Avions Afrique Nord*. Было ли это неправильное место для входа? С этим вопросом я предъявил свой официальный французский паспорт с должной печатью.

Сержант взял документ и удалился с ним в будку охраны, где два офицера сосредоточились на перелистывании страниц. Мои четыре стражника смотрели на меня без любви. Я ждал следующего шага, прекрасно зная, каким он будет.

На этот раз сержанта сопровождал лейтенант. Он был чуть менее недружелюбен и обратился ко мне по-французски. Какова была цель моего визита? Почему я хотел увидеться с м-сье Гейером?

Я объяснил, что у НАА возникли проблемы с авионикой своего нового Fourberge 724С, и меня послали из Парижа для решения этой проблемы. Затем я доверился лейтенанту и жестами описал в технических деталях все, что произошло. Я воодушевился. Наконец, он насытился, вернул мне мой паспорт и махнул мне рукой, отдавая приказ пропустить меня.

«Аллах маак!» Я крикнул и отсалютовал, проходя через ворота. Салют был возвращен. Мы все были на одной стороне. Да благословит Аллах и слабую безопасность.

На стоянке у ангара стояло всего две машины. Я ожидал встретить дополнительных охранников, но их не было. Пройдя через периметр, вы оказались внутри. На линии полета была пара старых DC-3. Внутри ангара находился еще один с выпотрошенными двигателями. Помимо «Каравеллы» и нескольких двухдвигательных самолетов поменьше, был еще и потрясающий новый самолет Gulfstream. Под окном кабины находилась эмблема НАПР. Несомненно, это была версия Air Force One Менданике. Зачем ехать на DC-6 в Будан?

Если у вас был такой шикарный самолет?

Обращая внимание на разные самолеты, когда я проходил через внутреннюю часть ангара, я не заметил движущихся тел. Это было во время увольнения, это было точно. Вдоль задней части ангара находилась застекленная офисная секция. В его окна я увидел свет и направился к нему.

У Ханса Гейера было озорное лицо с хитрыми глазами, похожими на пуговицы. Его лысый купол был цвета обработанной кожи. Он был невысоким и коренастым, с крупными предплечьями и большими руками, покрытыми жирными ямками. У него была способность

склонять голову, как малиновка, выслушивающая червя. Он посмотрел на на меня, когда я вошел в дверь.

«Мистер Гайер?»

«Это я.» Его голос был натерт наждачной бумагой.

Когда я протянул руку, он вытер свою грязный белый комбинезон, прежде чем протянуть его. «Вы хотели видеть мистера Саттона?»

Он внезапно насторожился и посмотрел через стеклянную перегородку, а затем снова на меня. «Ты не Саттон».

«Верно. Меня зовут Коул. Мы с мистером Саттоном знаем друг друга».

«Хммм.» Я слышал, как за его сильно нахмуренным лбом щелкают колеса. «Как ты сюда попал? У них это место застегнуто плотнее, чем коровья задница во время доения».

«Я пришел не для того, чтобы доить».

Он посмотрел на меня секунду, а затем рассмеялся. «Довольно хорошо. Садитесь, мистер Коул». Он указал на стул с другой стороны его захламленного стола. «Я не думаю, что нам кто-то будет мешать».

Мы сели, он открыл ящик стола и достал бутылку скрепленного бурбона и несколько бумажных стаканчиков. «Чувствуешь себя нормально? Нет льда?»

«У тебя тоже все в порядке», — сказал я, кивая на бутылку.

«О, я немного путешествую. Скажи, когда». — сказал я, и после того, как мы миновали аплодисменты и зажгли наши собственные бренды, Ханс склонил голову ко мне и подошел к делу. «Что я могу сделать для вас, мистер Коул?»

«Я думаю, что все происходит наоборот. Вы хотели нас видеть».

«Чем вы занимаетесь в посольстве, мистер Коул? Я думал, что знаю всех там».

«Я приехал сегодня днем. Генри попросил меня его заменить. Люди, для которых я работаю, дали мне инструкции — не теряйте времени зря. Мы займемся этим?»

Он сделал глоток из своего стакана и запрокинул голову. «У меня есть некоторая информация. Но я обнаружил, что в этом мире нет ничего легкого или дешевого».

«Без аргументов. Какая информация? Какая цена?»

Он засмеялся. «Господи, ты точно не араб! И да, я знаю, у тебя нет времени терять зря». Он наклонился вперед, положив руки на стол. От верхнего света на его куполе блестел пот. «Ладно, потому что в душе я патриот, я отдам вам это за копейки. Тысяча долларов американских долларов на счет и пять тысяч, если я смогу предоставить доказательства».

«Что хорошего в первой части, если вы не можете произвести вторую?»

«О, но я могу. Просто это может занять немного времени, потому что сейчас здесь все в ужасном состоянии. Хочешь пополнить запасы?»

«Нет, спасибо. Скажем так. Я дам вам триста на депозит. Если первая часть будет хорошей, вы получите остальные семь и гарантию в размере пяти тысяч, если будете производить».

Он выпил за меня остатки своего напитка, проглотил и налил себе еще. «Я разумный», — сказал он. «Посмотрим на триста».

«Есть только одна вещь». Я вытащил свой бумажник. «Если я не думаю, что то, что у вас есть, стоит депозита, мне придется забрать его обратно».

«Конечно, не потей, вот увидишь».

«Также я хочу получить ответы на несколько моих собственных вопросов».

«Все, что я могу сделать, чтобы помочь». Он сиял, считая шесть пятидесятых и сунув их

в нагрудный карман комбинезона. «Хорошо», — он проверил перегородку, склонил голову и понизил голос. «Авиакатастрофа Менданике не была случайностью. Я знаю, как это произошло. Доказательства находятся в обломках в Будане».

«Вы знаете, кто это сделал?»

«Нет, но любой дурак может сделать довольно хорошее предположение. Теперь Тасахмед — номер один».

«Мои люди не платят за догадки. Где DC-7?»

«DC-7! Это была шестерка, на которой летали Менданике и его банда». Его голос повысился. «И они, черт возьми, должны были лететь на „Гольфстриме“. Это было первое, что меня предупредило. Но это была посадка...»

«Ганс», — я поднял руку. «Семерка, где DC-7, принадлежащий NAA?»

Его задержали. Он был неисправен. «В Руфе, на военной базе. Какого черта это нужно делать...»

«Почему он находится в Руфе? Обычно он там базируется?»

«Он взят в армию на пару месяцев».

«Что насчет его команды?»

«Строго военные. Послушайте, разве вам не интересно, как они взяли Менданике?»

Это адская история. Это случилось раньше. Шаблон был тот же, подход был тот же. Это была идеальная установка. Это...»

«Вы были на дежурстве, когда Менданике взлетел?»

«Черт возьми, нет! Если бы я был там, он был бы жив сегодня... или, может быть, я тоже был бы мертв. Халид был на дежурстве. Он был ночным начальником. Только его больше нет рядом ни днем, ни ночью. Мне сказали, что я болен. Так что я пытаюсь сказать тебе кое-что, прежде чем заболею, только ты хочешь поговорить об этом проклятом DC-7. Когда они забрали его отсюда, я сказал, скатертью дорога!»

Пока он гремел, я проводил обычную проверку через стеклянную перегородку. В вешалке не горел свет, но в сумерках было достаточно, чтобы разглядеть силуэты вновь прибывших. Их было пятеро. Они двигались по разложенному ангару в расширенном порядке. Переключатель света над головой находился на стене позади Ганса.

«Выключи свет, быстро!» — вмешался я.

Он получил сообщение из моего тона и того факта, что он был рядом достаточно долго, чтобы знать, когда заткнуться и сделать, как ему сказали.

Я почувствовал неприятный бронхиальный кашель, смешанный со звоном разбитого стекла, когда я откинулся на спинку стула и встал на колени. Вильгельмина в руке. В темноте я слышал, как Ганс тяжело дышит.

«Есть черный ход?»

«В соединительном офисе». Его голос дрожал.

«Заберись туда и подожди. Я позабочусь обо всем здесь».

Мои слова были прерваны еще несколькими пулями и парой рикошетов. Мне не хотелось открывать огонь из 9-мм пулемета и вызывать пехоту. Атака была полностью напрасной. Не было необходимости ломать стеклянные окна, чтобы пять героев смогли схватить одного невооруженного механика. Глушители означали, что они не принадлежали компании, охраняющей аэропорт. Может быть, их идея заключалась в том, чтобы напугать Ганса до смерти.

Я слышал, как Ганс проскользнул в соседний офис. Я присел у двери и стал ждать. Не

долго. С лязгом ног влетел первый из нападавших. Я низко ударил его, и, когда он споткнулся, я ударил его прикладом Вильгельмины. Едва он упал на пол, как за ним последовал номер два. Я приподнял его, и он получил Хьюго по максимуму. Он издал невнятный крик и рухнул мне на плечо. Я двинулся вперед, используя его как щит, и мы наткнулись на номер три.

Когда произошел контакт, я сбросил ему с плеча изрезанное ножом тело. Он был шустрее и умнее. Он выскользнул из мертвого груза и направился ко мне с пистолетом, готовый выстрелить. Я нырнул прямо перед выстрелом, зашел под его руку, и мы спустились на пол ангара. Он был большим и сильным, от него пахло потом пустыни. Я держал его за запястье с пистолетом. Он избегал удара моего колена по промежности, левая рука пыталась схватить мое горло. В присутствии еще двух его приятелей у меня не было времени тратить время на искусство греко-римской борьбы. Я позволил его свободной руке найти мое горло и загнал Хьюго ему под мышку. Он содрогнулся и начал биться, и я быстро спрыгнул с него, готовый к двум другим. Я слышал, как кто-то бежит. Я подумал, что это хорошая идея, и вернулся через дверь офиса, пригнувшись.

«Ганс!» — прошипел я.

«Коул!»

«Открой дверь, но стой там».

«Не волнуйся!»

Дверь выходила из задней части ангара. Бегущие ноги могли означать, что наши посетители решили встретить нас там. Что с огнями аэропорта, огнями на посту охраны и ясностью ранней вечерней темноты, не было проблем с тем, чтобы увидеть, есть ли у нас нежеланная компания. На данный момент мы этого не обнаружили.

«Моя машина у обочины», — сказал я. «Ты следуешь за мной. Смотри за нашей спиной. Пойдем».

Это была довольно неприкрытая прогулка из задней части ангара на свободную стоянку. Fiat выделялся как памятник Вашингтону.

«Где твоя машина, Ганс?» Я спросил.

«По ту сторону ангара». Ему приходилось бежать, чтобы не отставать от меня, и он запыхался не только от того, что устал. «Я припарковал его там, потому что там больше тени, и...»

«Хорошо. Вы садитесь сзади, ложитесь на пол и не двигаетесь ни на дюйм».

Он не спорил. Я запустил Fiat, подсчитывая суммы по двум пунктам. Если бы посетители погнались за мной, они бы знали, где припаркована моя машина. Если они не входили в состав команды, охраняющей аэропорт, они были разведчиками, что для партизан — не проблема. В любом случае, они пришли за Гансом, а не за мной.

Подойдя к посту охраны, я остановил машину, приглушил фары, чтобы показать свою внимательность, и вышел. Если бы лейтенант и его мальчишки знали об отряде убийц, я бы узнал сейчас.

Первоначальная четверка во главе с сержантом подошла ко мне. «Vive la NAPR, сержант», — пропел я, двигаясь к ним.

«Ах, ты», — сказал сержант

«Я вернусь утром. Вы хотите поставить штамп в моем паспорте?»

«Завтра день молитвы и траура», — прорычал он. «Не приходи сюда».

«Ах да. Я понимаю».

«Убирайтесь отсюда», — жестом жестом жестом показал сержант.

Я медленно вернулся к машине, не сводя глаз с изогнутого силуэта ангара. Все идет нормально. Я улыбнулся, помахал охранникам и начал уезжать.

Выйдя из аэропорта и убедившись, что за нами никто не следит, я повернулся к своему спрятанному пассажиру.

«Хорошо, приятель. Подойди и присоединяйся ко мне».

Он подошел к заднему сиденью и, глотнув, вытащил из комбинезона бутылку бурбона. «Иисус!» — сказал он и отпил большой глоток. «Вы хотите один?» — выдохнул он, протягивая бутылку.

«Никогда не трогаю его, когда я за рулем».

«Боже мой, ты что-то вроде того, приятель. Вот...» — он потянулся к нагрудному карману, — «забери это обратно. Ты только что спас мне жизнь. Все, что я получил, что ты хочешь, — бесплатно».

«Полегче, Ганс». Я не мог удержаться от смеха. «Все при исполнении служебных обязанностей. Оставьте деньги себе. Вы их заработаете».

«Но черт! Где вы когда-нибудь учились так действовать!»

«А? Почему, всю мою жизнь. Двадцать лет в Африке и „Как долго ты был в самолетах?“»

«А? Почему, всю свою жизнь. Двадцать лет в Африке, а до этого...»

«Я думаю, вы знаете, что пилотная труба отличается от турбины. Вы профессионал в своем деле». «Я один в своем. Куда я могу отвезти тебя, где ты будешь в безопасности?»

«Мое место. У него высокая стена и крепкие ворота, и старый Тор откусит задницу жестяного гуся, если я ему скажу».

«Ты штурман. Есть идеи, кто эти недружелюбные?»

«Господи, нет! Я все равно их не видел».

«Есть ли в армии Ташамеда отряды коммандос?»

«Убить меня. Единственное, что я знаю, это то, что все они носят синий клетчатый головной убор».

Это было в точку. Один из нападавших был в берете, двое других — без головного убора.

«Ты уверен, что не хочешь этого? Я выпью все это, а потом поймаю кайф».

«Только не теряйся в этом настолько, чтобы не обращать внимания на то, что я говорю. Ты же знаешь, что смерть Менданике не была случайностью. Кому еще ты сказал это?»

«Никому. Только тебе».

«Есть ли еще одна причина, по которой кому-то нужен твой скальп?»

«Убьют меня?».

Я нажал на тормоз и остановил Fiat. Ганса отбросило вперед к приборной панели, его бутылка опасно лязгнула. Я схватил его за комбинезон и подтащил к себе лицом. «Я хочу получить несколько ответов прямо сейчас, или ты пойдешь домой с бутылкой в зубах. Понятно?»

Он уставился на меня, на этот раз потеряв дар речи, широко раскрыв глаза, открыв рот и тупо кивая. Я отпустил его, и мы снова двинулись в путь. Я подождал, пока он очнется, затем молча предложил ему сигарету. Он воспринял это так же тихо.

«Итак, кому вы рассказали о своей теории о катастрофе?»

«Халиду... Он был в ангаре, когда я дежурил. Слухи о катастрофе уже поступили. Когда я спросил его, почему они взяли DC-6 вместо Gulfstream, он сказал, что на самолете не

работает генератор. Я знал, что он лжет. Я проверил все на Гольфстриме накануне. Я также знал, что он чертовски напуган. Чтобы напугать его еще больше и заставить говорить, я сказал ему, что знаю, как DC-6 был саботирован».

«И он говорил?»

«Неа.»

«Как вы узнали, что это был саботаж?»

«Как я уже сказал, это было похоже на еще одну аварию, произошедшую в Африке. То же самое. Все знали, что это был саботаж, только никто не мог это доказать. Тогда я доказал это. Если я смогу добраться до Будана, я смогу это доказать. на этом тоже».

Сирена, завывающая вдаль, дала неоднозначный ответ. «Это может быть скорая помощь. Посмотрим, что это за багги для джон». Я переключился на секунду и съехал на Fiat, который, как я надеялся, был жестким.

«Мы точно застрянем». Ганс подпрыгивал, оглядываясь назад и вперед.

Колеса нашли некоторую тягу, когда я двигался под углом к укрытию невысокого обрыва.

«Они идут ужасно быстро!»

Я надеялся уйти достаточно далеко от дороги, чтобы быть вне зоны досягаемости приближающихся фар, то есть за обрывом. Колеса начали закапываться и скатываться. С этим бороться было бесполезно. «Подожди», — сказал я, заглушив двигатель и вылетев со своей стороны.

Беловатый цвет Fiat прекрасно вписывался в пустыню. Достаточно, чтобы, когда мимо проехала большая командирская машина, а за ней и скорая помощь, нас не заметили. Сирена завывала в холодном ночном воздухе. Потом они ушли, а мы встали и двинулись обратно к машине, а Ганс бормотал: «Что за способ закончить день».

Потом они ушли, а мы встали и двинулись обратно к машине, а Ганс бормотал: «Что за способ закончить день».

«Вы можете благодарить Аллаха, что не закончили его навсегда».

«Да. Как мы теперь выберемся отсюда?»

«Мы протрем твою бутылку, и, может быть, придет мысль. Если нет, я уверен, ты хорош в толкании машин».

Сделав всего пару небольших остановок, мы вернулись в путь через десять минут и через двадцать минут добрались до виллы Ганса.

Заграничный квартал Ламаны представлял собой часть домов с белыми стенами в мавританском стиле, сосредоточенных вокруг парка, по имени Лафейетт. Мы провели разведку перед тем, как войти во владения Ганса. Его дом находился в переулке рядом с парком. Мы обошли его дважды. На улице не было машин и фонарей.

— И вы все это рассказали Халиду?

«Да уж.»

«Ты сказал кому-нибудь еще?»

«Эрика, моя дочь, но она ничего не сказала».

«А теперь скажи мне, чем еще ты занимался, из-за чего кто-то настолько расстроился, что захотел убить тебя?»

«Будь я проклят, если знаю. Честное слово!» Он протянул руку, чтобы удержать меня. «Я немного занимаюсь контрабандой, все делают. Но это не причина убивать парня».

«Нет, они возьмут тебя только за правую руку. Полагаю, в самолете есть бортовые

журналы этого DC-7».

«Да. Если это поможет, у вас могут быть журналы старого двигателя. Ты не сможешь попасть в Руфу».

«Безопасность строже, чем здесь?»

«Да, черт возьми.»

«Вы говорите, что самолет был предоставлен военным. Знаете для чего?»

«Конечно. Обучение парашютистов. Не могли бы вы мне сказать, почему вы...»

«Где вы выполняли техническое обслуживание, капитальный ремонт и тому подобное?»

«Мы сделали все, кроме главного, прямо здесь. Для этого я использовал „Олимпик“ в Афинах».

«Когда у него была последняя проверка?»

«О, это должно было быть, когда они его взяли. Они сказали, что разберутся».

«Еще один вопрос, — сказал я, выключая фары, — на этой дороге есть поворот?»

Он резко дернулся, а затем повернул голову, понимая сообщение. «Ни черта! Господи, ты думаешь, они нас преследуют».

Я подъехал, а он вылез и подошел к двери в стене, в которой было окно Иуды. Я слышал, как Тор приветливо рыкнул. Ганс позвонил в звонок, позвонив два коротких и длинный. Загорелся верхний свет.

«Она, должно быть, беспокоилась обо мне», — усмехнулся он. «Эрика, это я, дорогая», — позвал он. «У меня есть друг, так что держи Тора».

Цепь потянули. Дверь распахнулась, и я последовал за ним во двор. В тусклом свете мне показалось, что она высокая. На ней было что-то белое, и она держала рычащую собаку. «Тор, перестань!» — сказала она хриплым голосом.

Ганс опустил на колени, положив руку Тору на голову. «Тор, это мой друг. Ты относишься к нему как к другу!»

Я присел рядом с собакой и позволил ей понюхать мою руку. «Привет, Тор, — сказал я, — ты из тех парней, с которыми можно встретиться, когда необходима защита».

Он фыркнул и начал вилять хвостом. Я встал и увидел, что Эрика оглядывает меня. «Меня зовут Нед Коул. Я подвез твоего отца домой».

«Судя по его запаху, я уверен, что он нуждался в этом». В этой грубости был оттенок юмора.

«Это хорошо сказано». Ганс вытолкнул бутылку. «Послушайте, я с трудом выловил это на поверхности».

Мы все засмеялись, и мне понравился ее звук, раскованный. «Заходите, мистер Коул. Что случилось с вашей машиной, папа?»

«Он... ах... сломался. Я не хотел тратить время на его исправление, в основном потому, что мистер Коул здесь...»

«Вы занимаетесь авиационным бизнесом?» Она открыла дверь и протянула нам пройти. При свете я лучше разглядел ее.

У нее была миниатюра носа ее отца до прыжков с трамплина. Кроме того, она, должно быть, благосклонно относилась к своей матери. Афродита в белых шортах. На фоне холода она была в синем свитере с воротником-водолазкой, который выглядел трудно, чтобы удержать все внутри. Остальные ее размеры были равны, и когда она закрыла дверь и прошла мимо, она выглядела так же хорошо, как уходила, как и вперед. На самом деле, босиком или верхом на лошади Эрика Гайер с длинными и естественными темными волосами, прямыми

и пронизательными голубыми глазами была самым желанным зрелищем для любого видения.

«Могу я предложить вам что-то?» Слабая улыбка дразнила меня.

«Не сейчас, спасибо». Я вернул услугу.

«Слушай, дорогая, здесь кто-нибудь был? Кто-нибудь звонил?»

«Нет... Я отпустил Каззу домой, когда пришел из клиники. Почему ты ждешь компании?»

«Надеюсь, что нет. То есть, нет. Но сейчас все не так хорошо и...»

«Доктор Рабул сказал, что будет лучше, если я не приду завтра. Я думаю, что он глупый и ты тоже. Вы согласны, мистер Коул?» Мы все еще смотрели друг на друга.

«Я здесь просто незнакомец, мисс Гайер. Но я полагаю, что все может выйти из-под контроля. В любом случае хороший повод, чтобы у вас был выходной, не так ли?»

«Док прав. Эй, а как насчет холодного пива и закуски?» Я не знала, спрашивает ли меня Ганс или говорит ей.

«Мне очень жаль», — сказал я. — «Я не могу остаться». Мое сожаление было искренним. «Возможно, тебе удастся взять выходной, Ганс».

«Что случилось?» — сказала Эрика, переводя взгляд с меня на своего отца.

«А теперь не смотри на меня так», — вздрогнул он. «Я ни черта не сделал, не так ли?»

«Не то, что я знаю о.» Я подмигнул ей. «Я уточню у вас обоих утром. Я не хочу оставлять эту машину там слишком долго. Она может потерять все необходимое».

«Я открою ворота, и вы поставите ее во двор». Ганс тоже не хотел, чтобы я уходил.

«Я приду на завтрак, если вы меня пригласите». Я кивнул Эрике.

«Как тебе яйца?» Она снова склонила голову ко мне, жест копировал ее отец.

«Я возьму фирменное блюдо дома. В какое время?»

«Когда ты придешь, я буду готова».

«A bientôt», — протянул я руку. Я очень не хотел отказываться от этого рукопожатия.

«A bientôt». Мы оба засмеялись, и Ганс выглядел озадаченным.

«Я тебя провожу», — сказал он.

В машине я дал ему несколько советов. «Лучше тебе все рассказать. Если у тебя есть друзья, где ты сможешь переночевать, это будет неплохой идеей. Если ты останешься здесь, скажи Тору, чтобы он затачивал зубы. У тебя есть пистолет?»

«Да. Любой, кто попытается перебраться через эту стену, включит сигнализацию, которая разбудит мертвых. Я сам ее настроил».

«Увидимся утром, Ганс».

«Конечно. И, эй, спасибо за все, но я еще не заработал это бабло».

«Оставайся свободным, и ты им будешь».

Я уехал, желая остаться. У меня не было времени защищать их, и была большая вероятность, что головорезы снова придут на охоту.

Вернувшись в центр города, я пережил долгий и не очень продуктивный день. За исключением прямой попытки застрелить меня в Риме, мне оставалось делать немного больше, чем когда Хоук вытащил меня из моего идиллического уединения у озера.

Почти все, что произошло с тех пор, указывало на внутренние проблемы для НАРН, не мало на то, чтобы она стала убежищем для ядерного оружия. Автомобиль, который чуть не сбил Ван дер Меера и меня, мог быть паршивым водителем или гостеприимным комитетом для нежеланного американца. Пока что Саттон предлагал только девушку по имени Паула, которая была неплохим предложением, если тебе нечего было делать.

Единственный подозрительный угол атаки на Ганса заключался в том, почему цифры и почему место? Ответ мог заключаться в том, что они хотели держать все наготове, и что может быть лучше, чем поле под военным контролем. Цифры могли означать, что они не планировали убивать его, пока не напугали его до разговора. Приток наемников был единственной слабой зацепкой. Приведенные кем-то партизаны и обученные где-то совершать убийства. Очевидным кем-то был Тасахмед, но внешний вид и манеры его солдат только усиливали то, что указывалось в файлах АХ, отсутствие профессиональных качеств. Конечно, в Rufa все могло быть иначе. Дюжина советских инструкторов могла сделать это иначе. Похоже, визит к Руфе был приоритетом. Единственным положительным моментом в DC-7 было то, что для обслуживания его ушло гораздо больше времени, чем это было необходимо. Сложите все это, и получится хорошая куча загадок.

Парковать «Фиат» в переулке, где я его взял, было бесполезно. Оставлять его на улице тоже было нехорошо; это был хороший способ потерять это.

В городе все было закрыто, пешеходный поток был почти таким же разреженным, как движение машин и лошадей. Я направился на центральную площадь. Рядом с центральным бюро почты находился Комиссариат полиции. Перед его выцветшим фасадом стояло полдюжины машин. Я подъехал к одной — жучку фольксвагена, который выглядел не более официально, чем моя собственная машина. Два жандарма у входа в здание бросили на меня беглый взгляд. Это казалось хорошим местом для парковки, пока Али не поставит что-нибудь получше. Древняя Ламанийская пословица гласит: «Если вы не хотите, чтобы вас заметили, припаркуйте своего верблюда в стаде врагов».

Бар отеля назывался «Зеленая комната». Зеленый, потому что он был окружен старинными зелеными шторами. Барной стойки не было, но вокруг столов из твердых пород дерева был ряд марокканских стульев одинакового возраста. Полвека назад это был элегантный французский салон, где джентльмены нюхали свой кокаин или глотали коньяк «Курвуазье».

Теперь это был боковой карман, где неверующий мог попить, потому что мусульманский закон должен был принимать экономические реалии. Реальность была в четыре раза дороже обычного напитка. По крайней мере, это была одна из жалоб Генри Саттона.

Я мог бы заметить его на Центральном вокзале в пять часов дня пятницы. Это были Тафт, Йельский университет и, вероятно, Гарвардская школа бизнеса. Благовоспитанное лицо, высокий, угловатый, в его одежде, часах, браслете, классическом кольце, и в этой неопределенной манере скучающей уверенности, граничащей с самодовольным видом,

проявляется вид богатства. Он был проштампован Госдепом. Почему именно ЦРУ приставило к нему метку, я оставлю экспертам.

Зеленая комната была заполнена сигарным дымом и маленькими сгустками бизнесменов, скармливающих друг другу последние слухи. Я заметил среди них пару британцев. Саттон, настоящее имя которого, несомненно, было чем-то вроде Дункана Колдрича Эшфорта Третьего, сидел один в углу, деля свое время между тем, чтобы потягивать пиво и смотреть на часы.

Я сел рядом с ним и протянул руку. «Мистер Саттон, я Нед Коул. Извини, я опоздал, пробки».

Мгновенное удивление уступило место быстрой оценке. «О, как поживаете. Мы слышали, что вы приедете». Он был с их собственным вздором. Уровень звука был сильным для собравшихся, но собравшиеся были достаточно заняты, чтобы мы могли поговорить в полной конфиденциальности.

«Я сделаю несколько важных замечаний», — сказал я, улыбаясь, доставая карманный блокнот. «Вы ответите на несколько вопросов».

«Я думаю, что было бы больше смысла, если бы мы пошли в посольство». У него был аденоидный голос, гармонирующий с его высоким носом.

«Я уже был в посольстве, Генри. Я слышал, что вы были заняты. Вы принесли ответ на мой приоритет от АЗ?»

«Он у меня в кармане, но посмотри сюда...»

«Вы можете передать его мне, когда мы выйдем. У вас есть что-нибудь по поводу встречи Менданике и Петерсена».

Он смотрел на меня, расстроенный, ледяной. «Я не отчитываюсь перед тобой, Коул. Я...»

«Вы это делаете сейчас, и вам лучше добраться до этого чертовски быстро». Я улыбнулся и кивнул, сделав пометку на странице. «Ваши инструкции пришли через Белый дом, так что давайте избавимся от этого дерьма. А что насчет Петерсена?»

«Посол Петерсен, — подчеркнул он первое слово, — был моим личным другом. Я чувствую личную ответственность за его смерть. Я...»

«Мне все равно». Я сделал знак официанту, указав на пивную бутылку Саттона и подняв два пальца. «Спасите свои раненые чувства и расскажите мне факты». Я записал еще одну пустоту в блокноте, позволяя ему отдышаться.

«Грузовик, врезавшийся в машину посла, был грузовиком без опознавательных знаков». Он сказал это так, словно плевался зубами. «Я нашел это».

Я посмотрел на него. Он надулся от досады, быстро переходя в ярость.

«Пьяный водитель для тебя. Ты нашел, кто им владеет?»

Он покачал головой. «Еще нет.»

«Это ваше единственное указание на цель полуночного собрания?» Мой тон еще глубже отразился на его загорелом лице.

«Встреча состоялась в 01:00. Мы до сих пор не знаем ее цели».

«Если бы вы сказали это с самого начала, мы могли бы сэкономить минуту. Насколько я понимаю, Менданике не уважал посла».

«Он не понимал посла. Посол пытался и пытался...»

«Так что характер звонка Менданике Петерсену был необычным».

«Да, можно было так сказать».

«С кем именно Петерсен разговаривал перед отъездом в Президентский дворец?»

«Только с его женой и морским пехотинцем. Он просто сказал жене, куда он собирается, и он также сказал морской пехоте. Ему следовало забрать своего водителя. Если бы он позвонил мне...»

«У вас нет никаких контактов во дворце?»

«Думаешь, это легко?»

Официант принес пиво, и я подумал, какой полный перебор этот мальчишка. Один резервный агент АХ из секции R, дислоцированный в Ламане, и я получил бы свои ответы.

«Есть кое-что, что вам лучше знать прямо сейчас, — сказал он, когда официант ушел. — У нас есть информация, что завтра здесь будут проблемы. Было бы разумно провести день в посольстве. Все может стать очень некрасивым».

Я отпил пиво. «Партизаны, которые пришли сюда, кому они принадлежат?»

«Я подозреваю, что они были введены Менданике для использования против Османа на юге».

«Ты руководишься догадками, а?»

Увы это было так. Его глаза сузились, и он наклонился ко мне. «Мистер Коул, вы не офицер моего агентства. Вы из ДВД или какой-то другой операции. Вы можете быть важны дома, но я руковожу станцией здесь, и у меня есть вся информация...»

Я встал: «Я пойду с тобой», — сказал я, улыбаясь ему и кладя блокнот в карман. Блокнот. Он последовал за мной из комнаты в коридор вестибюля.

«Только одно», — добавил я, когда он неуклюже пошел рядом со мной. «Я, наверное, свяжусь с вами завтра. Мне нужен письменный отчет о смерти посла со всеми подробностями; никаких догадок, только факты. Мне нужно все, что у вас есть о наемниках. Я хочу знать, какие контакты у вас есть в этом городе и этой стране. Я хочу знать, что задумал Осман, и...»

Он остановился. «Теперь вы видите здесь...!»

«Генри, мальчик, — и я закончил с улыбкой, — ты сделаешь то, что я скажу, или я отправлю тебя отсюда так быстро, что у тебя не будет времени собирать танцевальные туфли. Мы заходим в салон для дома, и вы можете дать мне мой приоритет от А до Я. Тебе только что дали свой».

Он ушел на полной скорости, и я побрел к лифту, думая, что агентство сможет добиться большего даже в таком месте в саду, как этот.

Ранее я отмечал, что консьержа Лакута заменил ночной человек. Я кивнул ему, и он холодно улыбнулся мне-знаю-чего-то-ты-чего-не знал. Краем глаза я увидел, как голова Али высунулась из-за пальмы в горшке. Он подал мне быстрый сигнал, и я прошел мимо культурного дерева, рад вступить в контакт. Может, мой Аладдин вызовет какую-нибудь столовую еду.

«Мастер!» — прошипел он, когда я остановился, чтобы завязать шнурок, — не ходи в свою комнату. Там полицейские свиньи. Главный и его крутые парни.

«Мои старые друзья, Ах, — сказал я, — но спасибо. Я хочу какое-то место, где я могу побыть в уединении на некоторое время».

«Выйдите из лифта на втором этаже».

Я выпрямился, думая о том, что Али будет делать с работой Генри Саттона. Может быть, я смогу получить ему стипендию в Йельском университете.

Он встретил меня на втором этаже и провел в комнату, похожую на мою комнату двумя

этажами выше. «Здесь вы будете в безопасности, Мастер», — сказал он.

«Я бы предпочел сытый желудок. Вы можете принести мне что-нибудь поесть?»

«Кускус?»

«Да, и кофе. Кстати, где лучше припарковать машину?»

Он ухмыльнулся до груди. «Может быть, перед комиссариатом полиции?»

«Убирайся отсюда». Я нацелил сапог ему в тыл.

Он отвернулся. «Мастер не так уж и глуп».

Я запер за ним дверь и сел читать ответ АХ. В сумме получилось два нуля. Доктор Оттс ван дер Меер был именно тем, кем он себя называл, и его тоже высоко ценили. Его мать была зулуской. Африка была его сельскохозяйственным центром. Спутниковая и аэрофотосъемка над НАГР ничего не дала.

У меня не было измельчителя, чтобы уничтожить ответ АЗ, но у меня была спичка. Я сжег, затем смыл его и подумал о моих гостях, ждущих наверху. Меня не удивило их прибытие. Звонил ли им Лакуте или нет. Таможня передала бы слово. Я мог бы избежать их, если бы захотел. Я не выбирал, но им придется подождать, пока мой внутренний человек не будет восстановлен.

Ах, верно, кус-кус был хорош, и густой черный кофе тоже. «Хозяин хочет, чтобы сюда привезли машину?» он спросил.

«Думаешь, там безопасно?»

«Я не думаю, что его украдут». Он играл прямо.

«Можете ли вы предложить более уединенное место?»

«Да, когда Учитель принесет его, я покажу ему».

«Это может произойти намного позже».

«Останьтесь в этой комнате сегодня вечером, хозяин, и вы будете спать спокойно. Те, кто наверху, устанут и уйдут. Тот свиной пузырь, Лакуте, он принес их».

«Спасибо за наводку, Али». Я принес несколько счетов. «Закройте глаза и возьмите кирку».

«Мастер не слишком разбирается в деньгах».

«Это больше, чем подсказка. Это информация. Вы знаете, что американский посол был убит. Я хочу знать, кто его убил».

Его глаза расширились. «Вы могли набить руку в десять раз больше, чем держите, и я не мог дать вам ответ».

«Не сейчас, но держи свои острые уши открытыми, и неизвестно, что ты услышишь».

Он покачал головой. «Я не хочу, чтобы они были отрезаны».

«Слушай тихо».

«Если я что-то слышу, то вы мне платите. Не сейчас. Вы уже заплатили мне вдвое больше. Так не весело. Вы должны торговаться».

Когда он ушел, я выгрузил Вильгельмину, Гюго и французский паспорт. Люгер ушел под матрац, Хьюго — в туалетную комнату, а паспорт — в задней части полки туалета. Пора было знакомиться с оппозицией и, как говорится, захотелось быть чистым.

Я вошел в свою комнату, зарегистрировав должный сюрприз в приемной. Комната была бы забита тремя людьми. С пятью это было почти СРО.

Дверь захлопнулась, заперта, и меня обыскал один из злоумышленников в форме.

В то время как армейские парни были одеты в хаки, мои посетители были одеты в оливково-зеленый. Полковник, сидевший в кресле лицом ко мне, получил мой паспорт от

моего поисковика, не сводя с меня глаз.

«Что тут происходит!» Мне удалось выбраться. «П-кто ты?»

«Заткнись, — сказал он на сносном английском. — Я поговорю, ты ответишь. Где ты был?» По почти заполненной пепельнице было очевидно, что это нетерпеливый официант.

«Что ты имеешь в виду, где я был?»

Была дана короткая команда, и бык слева от меня ударил меня по пасти. Я почувствовал вкус серы и крови. Я ахнул и попытался изобразить ошеломленный.

«Я сказал, ты ответишь, а не глупых звуков». Полковник постучал свежей сигаретой о свой серебряный портсигар. У него были жилистые пальцы. Они пошли с остальным от него; свернувшаяся змея из блэкджека. Уговорчивое лицо было убийственно красивым — тонкие губы, тонкий нос, тонкие глаза. Обсидиановые глаза; беспощадный, умный, лишенный чувства юмора. Судя по опрятной форме, он был привередлив, хорошо организован, не похож на тех военных, которых я видел до сих пор. В пустынной одежде он мог бы сыграть Абд эль Крима в расцвете сил.

«Теперь, где ты был?» — повторил он.

«В... в посольстве США». Я заткнул губы носовым платком. «Я... я был там, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Я газетчик».

«Мы все знаем о вас. Кто вас сюда пригласил?»

Я тупо покачал головой. «Н-никто меня не пригласил. Я-я просто пришел... чтобы... написать о ваших сельскохозяйственных проектах».

«Мы польщены, — выдохнул он облако дыма, — но ты лжец». Он кивнул на кучу мяса справа от меня. У меня было как раз достаточно времени, чтобы напрячь мышцы живота и выдержать удар. Но даже в этом случае мучительный кашель и удвоение не были всего лишь игрой. Я упал на колени, схватившись за живот. За волосы меня подняли на ноги. Я рыдал, тяжело дыша, проваливаясь под скальпом.

«Какого черта!» Я слабо ахнул.

«Что, черт возьми, действительно. Зачем ты пришел сюда?»

«Написать о смерти премьер-министра». Я вытащил это, притворившись, что глотнул, чтобы помочь.

«И что вы могли бы написать об этом, кроме того, что ваше вонючее ЦРУ убило его?» Его голос сердито затрещал. «Может быть, вы из ЦРУ! Откуда я знаю, что это не так?»

«Нет, не ЦРУ!» Я протянул руку.

Я не видел удара, исходящего от третьего человека позади меня. Это был удар по шее, и на этот раз я действительно упал. Мне пришлось изо всех сил бороться, чтобы не наткнуться на персидский коврик в глазу. Самый простой способ — притвориться потерявшим сознание. Я замер.

«Дурак!» — рявкнул полковник по-арабски. «Вы, наверное, сломали ему шею».

«Это был всего лишь легкий удар, сэр!»

«Эти американцы многого не выносят», — пробормотал тот.

«Открой лицо и набери воды».

Вода была приятной. Я зашевелился и застонал. Снова поднявшись на ноги, я попытался одной рукой потереть шею, а другой — живот.

«Послушайте меня, незванный писатель лжи, — рука в моих волосах вздернула мою голову, чтобы я уделил полковнику должное внимание, — есть рейс, вылетающий из Ламаны в 07:00 в Каир. Вы будете в аэропорту в 05:00, так что у вас будет достаточно времени, чтобы

побыть на нем. Если вы не на нем, ваше пребывание здесь будет постоянным».

Он встал, и взгляд у него был даже острее, чем у бритвы. Он потряс мой паспорт перед моим носом. «Я сохраню это, и вы можете вернуть его, когда пройдете таможеню. Вам это ясно?»

Я молча кивнул.

«И если вы хотите написать рассказ о своем приятном пребывании здесь, скажите, что полковник Мохаммед Дуза был человеком, который развлекал вас больше всего».

Он прошел мимо меня, и денди, который ударил меня кроличьим кулаком, ударил меня сапогом в зад и толкнул меня через комнату на кровать.

Дуза сказал у двери. «Я оставляю здесь Ашада, чтобы обеспечить вашу защиту. Мы любим проявлять гостеприимство даже к незванным гостям».

Помимо затекшей шеи и боли в животе, мне нечего было показать из-за того, что я бросился к львам пустыни. Я встретил Дузу и узнал, что он не знал Ника Картера, а только Неда Коула, а это означало, что он не играл никакой роли в заказе моего убийства. Он не видел во мне проблемы, и это было моей точкой зрения. Он не будет беспокоить меня, пока я не приду на рейс. Было всего 21:00, а значит, у меня оставалось девять часов. У меня на повестке дня было еще пара остановок, и пора было идти. Если они окажутся такими же сухими, как и остальные, я мог бы устроить собственный переворот.

Ашад, которого оставили присматривать за мной, был тем, кто причинил мне наибольший ущерб, причем сзади. Пока он сел в кресло, которое освободил Дуза, я вошел в кабину, обозначенную как *salle de bain*, и убрал обломки. Если не считать ушибленной губы, я выглядел не намного хуже, чем обычно.

Ашад с усмешкой наблюдал за мной, когда я наклонился, чтобы поднять носовой платок. «Ваша мать ела навоз», — сказал я по-арабски.

Он не мог поверить, что правильно меня расслышал. Он поднялся со стула с широко раскрытым ртом и глазами, полными ярости, и я бросился в прыжке и ударил ногой в карате. Моя нога задела его верхушку шеи и челюсть, и я почувствовал, как кости раскололись, когда его голова чуть не оторвалась. Он перебрался через спинку стула, ударился об стену и ударился об пол с грохотом, от которого задрезжала посуда.

Второй раз за день я уложил труп в постель. Затем я переоделся, надев черный костюм и подходящую рубашку с воротником-стойкой. Не то чтобы я был в трауре, но цвет подходил к случаю.

Уходя, я спустился в свою комнату на втором этаже. Там я собрал свое оборудование и сдал сумку и кейс. Из чемодана достал самое необходимое — лишние две обоймы для люгера, одна из них зажигательная. За коленом я закрепил специальное устройство самонаведения размером с кнопку АХ. Если возникнет необходимость, его сигнал вызовет батальон рейнджеров в 600 человек из Шестого флота. Запасной Пьер вошел во внутренний карман. Наконец, аккуратно спрессованная нейлоновая веревка длиной тридцать футов с ее надежным креплением обернулась вокруг моей середины как второй ремень.

Я вышел из гостиницы по переулку и, придерживаясь таких же переулков, добрался до Президентского дворца у его северной стены. Стена была длиной в полмили с ящиками для охраны с обоих концов и двумя посередине.

Охранники не проводили постоянного патрулирования. Примерно каждые десять минут команды из двух человек маршировали в противоположных направлениях, встречали своих соотечественников и возвращались на базу. Хотя улица, идущая параллельно стене, имела верхнее освещение, я видел, что пробраться через периметр не составило особой проблемы. Это было вопросом времени. Уличные фонари мало освещали стену. Однако стена была доброй двадцати футов высотой и была белой. Одетый в черное, я собирался выглядеть, как тарантул, надвигающийся на него.

Я подождал, пока центральная команда завершит свое нерешительное патрулирование, затем я двинулся от канавы, где я укрылся, быстрым бегом к самой стене. Вдоль нее были низкие кусты, и я устроился в них, чтобы подготовить веревку.

Когда я был настроен, я переместился в точку прямо за центральной стойкой защиты. Двое пассажиров сидели перед ним и разговаривали. Я мог видеть сияние их сигарет и слышать их приглушенные голоса. Только если они повернутся, они увидят меня.

Я встал, проверил и сделал бросок. Веревка пошла вверх и снова. Раздался слабый лязг, когда его специальное приспособление автоматически вонзилось в дальнюю сторону. Звук не беспокоил курильщиков. Я потянул за веревку и пошел дальше. Я сделал пометку, чтобы поблагодарить AX Supply за ее обувь для полевых операций. Подошвы были похожи на магниты.

По восточному обычаю верх стены был усыпан осколками битого стекла. Я осторожно соскользнул, изменил свое положение и, перебив веревку, спрыгнул в парковую зону президентского двора.

В истории страны никогда не было президента, но как только она стала НАПР, из-за бессмысленности политического агитпропа название было изменено с Королевского дворца на Президентский. Как бы то ни было, это был настоящий объект недвижимости. В темноте казалось, что он находится в одном ряду с Версалем.

Я направился к слабому свету в небе, который указывал на расположение дворца. Были ночные птицы, но не было ни охранников, ни собак. Это укрепило мое чувство, что Тасахмед на самом деле не ожидал чьей-либо оппозиции.

Я был почти рад видеть, что сам дворец находится под своего рода охраной. Это было наравне с мальчиками, охранявшими внешнюю стену. Я прошел через них, как виски по треснувшему льду. Моя точка входа находилась через другую стену, всего около десяти футов в высоту. Она скрывала внутренний двор, который был закрыт для всех, кроме Шемы Менданике и ее дам, что-то вроде женского разврата наоборот. Я надеялся, что никто из них не будет ждать, пока я взобрался на его защитную руку. Одна сторона двора была стеной дворца, и чертежи AX указывали на то, что в этом крыле находились апартаменты Шемы.

Во дворе пахло жасмином. В нем были закрытые проходы и центральный фонтан. У него также была увитая виноградной лозой, похожая на лестницу решетку, которая поднималась по высокой стороне дворцовой стены до точки под окном, в котором светился тусклый свет. Как мог странствующий агент игнорировать это?

Сосредоточившись на нем, я почти закончил Ника Картера и вечер Дугласа Фэрбенкса.

Все это было слишком легко, и я не видел его в темноте уединенной прогулки. Мой перерыв был в том, что он не видел меня, пока я не приземлился на клумбе.

Если бы он был умен, он бы подождал на месте, пока не ударил меня сзади. Или бил в медный гонг и вызывал большую помощь. Вместо этого он вылетел с дорожки с лаем, как морж, отчасти от удивления, отчасти от злости.

Я увидел вспышку ножа в его руке и помог трусу уйти. Время имело значение, а я не хотел встречаться с его друзьями. Полет Хьюго был коротким и точным: он проник по рукоять в уязвимое место, где горло соединяется с вершиной грудины.

Он упал, задыхаясь от крови, разбиваясь о цветы. Пока он дергался в последних конвульсиях, я дважды проверил двор, чтобы убедиться, что мы одни. Когда я вернулся, ему удалось вырвать Хьюго из горла. Это была его последняя часть движения. Я вытер стилет о его рубашку и перешел к ограде с решеткой.

Она была достаточно крепкой, чтобы выдержать мой вес. Я оставил веревку в лозах и, как Джек в Бобовом стебле, пошел дальше.

Еще до того, как я подошел к окну, я услышал голоса: женский и мужской. Чтобы добраться до окна, я увидел, что мне придется балансировать на вершине решетки, мое тело прижато к стене, руки над головой, тянуться к выступу. Это было одно из тех заведений с глубокими выемками, с длинным наклонным подоконником и остроконечной аркой. Держаться было не за что. Нагрузка должна была пройти через пальцы и ноги. Звук голосов убедил меня, что использовать веревку нет альтернативы. Если насадка ударилась бы о стекло или лязгнула о что-то, это было бы так. Мне пришлось бы тяжело.

Стоя на носках с Хьюго между зубами, я смог зацепиться пальцами за выступ. Затем мне пришлось подтянуть подбородок, прижав пальцы ног к стене, но не выталкивая нижнюю часть тела наружу. Когда я уперся подбородком в выступ, я позволил ему взять на себя часть веса, отпустил правую руку и схватился за внутреннюю часть подоконника.

Остальное заключалось в том, чтобы попасть в комнату, не создавая шума. Это было створчатое окно, открывающееся внутрь, и я прошел через него, как барсук, пытающийся пройти через туннель крота. В конце я увидел, что свет исходит не из комнаты, в которую я собирался войти, а из другой. Вот откуда тоже доносились голоса.

Я понял, что это была спальня, а судя по размеру кровати и легкому запаху духов, это был женский будуар. Зеркало, покрывающее всю стену, поймало мое отражение и на мгновение повторило меня.

Через открытую дверь я увидел гораздо большую комнату, настоящий королевский салон. Однако его размер и обстановка просто регистрировались, когда я видел его обитателей, особенно женщину.

Она была эльфийкой, черноволосой, черноглазой и, вероятно, родственницей колибри. На ней был цельный золотой кафтан из ламе, застегивающийся на шее. Тем не менее, в ее гневе ее грудь акцентировалась, а то, как она двигалась быстрыми вихрями и дротиками, акцентировало остальную часть ее идеально сложенного тела. «Ты проклятый лжец, Тасахмед»; — рывкнула она по-французски.

Требуется обновление файла АХ о генерале. Он поправился. Его лицо было слишком пухлым, второй подбородок начинался хорошо, и он начал раздувать форму там, где ее следовало заправить. Он все еще был красивым мужчиной; высокий, легкий на ногах, с тяжелыми чертами лица и растрепанными усами. Цвет лица у него был оливковый, а на

висках выделялась седина.

Его явно не беспокоили манеры или слова Шемы Менданике. Фактически, он был одновременно удивлен и наслаждался ее движениями. «Моя дорогая мадам, — улыбнулся он, — вы просто не понимаете природу ситуации».

«Я понимаю это достаточно хорошо». Она села перед ним, глядя вверх. «Ты держишь меня здесь в плену, пока не убедишься, что все под контролем!»

«Ты заставляешь это звучать как какая-то мелодрама», — усмехнулся он. «Конечно, я должен взять на себя управление. Кто еще мог?»

«В самом деле, кто еще мог! Ты избавился от старых голубиных перьев и...!»

Он захохотал и попытался положить руки ей на плечи. «Мадам, это не способ говорить о вашем покойном муже или обо мне. Как я уже говорил вам не раз, я ничего не знал о его бегстве до того, как мне сообщили о его падении. Его смерть — по воле Аллаха».

«Даже если я поверила тебе, какое это имеет отношение к тому, что меня удерживают в этом месте?»

«Шема!» Он снова попытался наложить на нее руки. «Я тебя никак не задержу. Но сейчас уходить опасно, а завтра похороны».

«Сегодня днем я хотела пойти в посольство Пакистана, чтобы передать известие моему отцу. Вы помешали мне поехать. Почему?»

«Как я уже сказал, — вздохнул он, человек, которого плохо использовали, — для вашей собственной защиты. У нас есть основания полагать, что Бен д'Око был убит внешними силами. У нас нет возможности знать, что они не попытаются убью и тебя. Как ты думаешь, в это время я рискну волосом с твоей драгоценной головы?» Он протянул руку, чтобы погладить ее, но она убежала. Он начал ее преследовать.

«Какие внешние силы?» она усмехнулась.

«Например, ЦРУ. Они давно хотели убрать Бен д'Око». Он печально покачал головой.

«Они хотели заполучить его так же сильно, как и ты?»

«Почему ты так недоброжелательна ко мне? Я сделаю для тебя все».

«Вы хотите, чтобы я стала вашей второй, третьей или четвертой женой?»

От этого его лицо покраснело. «Что мне делать, чтобы убедить вас, что я искренен в ваших интересах?»

«Ты действительно хочешь знать?» Она снова оказалась перед ним.

«Да.» Он кивнул, глядя на нее.

«Вы можете заказать мне машину, чтобы отвезти меня в посольство Пакистана».

«В этот час, моя дорогая? Это исключено». И вот его руки были на ее плечах. Она попыталась отодвинуться, но он ее схватил.

«Отпусти меня, навозник!» — прорычала она, пытаясь вырваться.

Когда он усилил хватку, она попыталась ударить его коленом в пах, плюясь ему в лицо и бодая головой. Она не собиралась сдаваться без боя, даже если он был для нее слишком силен.

Тасахмед поднял ее с пола, и пока она боролась, пиналась и ругалась, он направился в спальню. Я прижался к стене у двери. Но сейчас он не увидел бы меня, если бы я был одет в красный цвет пожарной машины и был освещен неоновыми огнями.

Он швырнул ее на кровать и сказал что-то сквозь зубы о необходимости понимания. В этом ему было достаточно. Она освободила руку и схватила его, когда он пытался прижать ее. Он выругался и замахнулся. Она вскрикнула, и он дал ей еще два на всякий случай. Она

начала рыдать, но не от поражения, а от ярости и разочарования. Я слышал, как кафтан рванулся, когда он снимал его с нее, и теперь он яростно бормотал по-арабски. Путь в рай был изрыт сопротивляющимися хури.

Физическая сила и вес окончательно пересилили дух и решительность. Он зажал ее коленом между ног и раздвинул ее бедра.левой рукой он держал ее запястья над ее головой, а правой стянул с себя одежду. Единственным оставшимся у нее оружием были бедра. Она продолжала подталкивать их к нему, выгибая спину, пытаясь оттолкнуть его. Это движение только возбудило его. Она ругалась и рыдала, а он стоял на коленях между ее ног, когда я сломал это.

Он никогда не знал, что его поразило, а я этого и хотел. Я оглушил его, хлопнув ладонями ему по ушам. Когда он напрягся от шока, я приложил большие пальцы к точкам давления на его шее. Затем нужно было оттолкнуть его и держать Шему под контролем.

«Цветок ночи», — сказал я на урду, вытаскивая Тасахмеда. «Поверь мне, я друг».

В полумраке белизна ее тела казалась ртутью. На данный момент все, что она могла сделать, это втянуть воздух и уставиться на меня.

«Я здесь, чтобы помочь тебе». Я подобрал обрывки кафтана и бросил ей. Похоже, она не торопилась его надевать. Она сидела, потирая запястья, и я мог посочувствовать намерениям генерала.

Наконец она нашла язык и сказала на британском английском: «Проклятый сукин сын! Проклятая свинья! Собака!»

«Он был не очень вежлив, особенно для генерала». Я сказал это по-английски.

Она сердито накинула на себя кафтан. «Кто ты? Откуда ты и чего хочешь?»

«Я друг. И я хочу поговорить с тобой».

Она посмотрела через край кровати. «Ты убил ублюдка?»

— «Нет, я просто избавил его на время от страданий».

Она спрыгнула с кровати. «Несчастье! Я покажу ему какое-то горе!»

Я слышал, как она ударилась ногой. Тело генерала судорожно дернулось. Он не знал, как ему повезло оказаться в другом месте. Она скользнула к алькову своей гардеробной. «Уходи отсюда, пока я что-нибудь надену», — сказала она.

Я позаботился о Тасахмеде, а она позаботилась о прикрытии. Я использовал его шейный платок для повязки на глаза, его носовой платок для затычки и его пояс, чтобы связать его запястья. Он стал хорошо запакован.

Когда я закончил, она включила верхний свет, и мы снова осмотрели друг друга на огромной кровати. Она надела бледно-голубое negligee. Это не скрывало того, что было внизу. Он просто удостоверился, что вы знали, что все это есть.

Ее осмотр Ника Картера был столь же тщательным.

«Ты первый американец, которого я встретила, который выглядел как мужчина», — сказала она. «Где ты научился говорить на урду?»

«Я поступил в аспирантуру Исламабадского технологического института. Где ты научился говорить по-английски?»

«Отец у меня был английский губернатор, который был женат на пакистанке, или никто никогда не рассказывал вам об Империи? Вы до сих пор не ответили на мои вопросы — кто вы? Если я вызову охрану, они перережут вам горло!»

«Тогда я не смогу сказать тебе, кто я».

Она ухмыльнулась, глядя одновременно фальшивой и застенчивой. «И я не смогу

поблагодарить тебя за то, что ты снял с меня эту свинью».

«Так почему бы нам не сесть и не начать разговор сначала».

«Я должен сказать, что раньше меня не познакомили с женщиной в моей спальне. Но с тех пор, как мы начали здесь». Она села на свою сторону кровати и жестом пригласила меня сесть на мою. «А теперь начни».

«Я прошел через это окно, — сказал я, — надеюсь застать тебя дома».

«Что ты сделал, пролетел через это на своем ковре-самолете?» — огрызнулась она. «Не пытайся меня обмануть».

«Я не летал, я лазил, и у меня нет времени вас обманывать».

«Вы один из тех проклятых агентов, о которых говорил генерал».

«Я тот, кто хочет задать вам пару вопросов. Тогда я сойду на свой ковер и полечу».

Она встала, подошла к окну и высунулась наружу. Ее движения делали акцент на *derriere*, которому любой поэт мог бы написать сонет.

«Держу пари, ты будешь хорош на Нанга Парбат», — сказала она, возвращаясь к кровати. «Это странное происшествие, но я кое-что тебе должна. Что ты хочешь знать?»

«Почему ваш муж так спешил в Будан посреди ночи?»

«Ха! Этот чудак! Он никогда не рассказывал мне, зачем куда-то ехал. Обычно он просто посылал мне известие, чтобы я приехала. Ему нравилось выставлять меня напоказ, чтобы все думали, что он знает, как выбрать жену, сексуальный, богатый пакистанец, закончивший школу в Лондоне. Маленькие мальчики были тем, что ему нравилось».

«Значит, вы мало общались с ним, и вы не видели его до того, как он улетел?»

Она встала, взявшись за руки за локти, и начала петь как колибри. «Да, собственно говоря, я его видела. Он разбудил меня. Он был напуган. Конечно, он был как старуха, но, может быть, мне тогда следовало обратить на него больше внимания».

«Ты можешь вспомнить, что он сказал?»

«Конечно, могу! Как ты думаешь, я глупая! Он сказал, что если с ним что-нибудь случится, я должна пойти в посольство моей страны и попросить посла Абдул Хана защитить меня. Я сказала: „Почему, куда ты идешь?“ Он сказал: „Я еду в Будан, чтобы встретиться с Абу Османом“. Я мог понять, почему он был напуган. Шик угрожал его кастрировать, хотя я не знаю, было ли это возможно. Я сказал: „Почему ты собираешься увидеть это ничтожество?“ Он не дал мне ответ. Он просто сказал что-то о том, что это воля Аллаха. Я все равно была в полусне и не очень счастлива, что проснулась. Может, мне следовало обращать на него больше внимания» Она вздохнула. «Бедный старый Бен д'Око, если бы он был хотя бы наполовину так хорош в постели, как он подпрыгивал на трибуне ООН. Представьте себе, он гонялся за мальчиками из хора, когда у него могла быть любая женщина в стране!»

«Честно говоря, у меня нет такого воображения, Шема».

Она села на мою сторону кровати. «Вы знаете, я спала в этой постели одна четыре года!» Она сказала, что это была не моя вина, глядя на меня, соски ее груди пытались прорваться сквозь паутину ее неглиже. «Как вас зовут?»

«Нед Коул».

«Хорошо, Эдвард», — она положила руки мне на плечи. «Теперь моя очередь, и если мы не положим конец четырем годам пустоты, я позову охрану и помогу ему покончить с тобой».

Вы слышали старую поговорку о женщине, которая была тигром в постели. Шема

сделала бы ее похожей на кошечку. Мы поцеловались, и она схватила мой язык, посасывая его легким рывком. Когда мои руки нашли ее грудь, ее руки пошли за мной, как будто они были в ярости от моей одежды. За четыре года безбрачия она не разучилась расстегивать пояс и расстегивать молнию. Когда я начал отвечать взаимностью, она запрокинула голову.

Ее глаза были широко открытыми и яркими, а губы надутыми. «Ты мой гость!» — выдохнула она на урду. «На Востоке принято развлекать вашего гостя. Это моя кровать, и вы здесь по моему приглашению».

Она прижала меня к спине и начала своими губами рисовать влажные карты на моем теле. Затем внезапно она оседлала меня. С изогнутой спиной, ее груди выпячены, ее колени обхватывают мои бедра, она схватила мои руки своими и сказала: «Я буду танцевать для тебя».

Я наблюдал за ее лицом, когда она медленно, дюйм за дюймом, опускалась на место. Ее глаза моргнули и расширились, губы приоткрылись, она втянула воздух. Затем она начала танцевать, и все движения приходились на ее бедра и таз. Я ласкал ее. Ее голова заблудилась, пока она пыталась наверстать четыре года без любви.

Когда она двинулась вверх, я положил конец ее танцу и начал свой собственный. Я поднял ее над головой, удерживая в воздухе. Затем, когда она начала сопротивляться, разъяренная тем, что я прекратил ее чувственный гавот, я сбил ее, перекатываясь, чтобы изменить нашу позицию.

«Нет!» — сказала она, начиная бороться. «Нет нет нет!»

В конце концов, я был ее гостем. Я перекатился назад, легко затащив ее на себя. Наши толчки стали быстрее, яростнее. Теперь мы двигались как одно целое, и ее глаза закрылись, когда она упала вперед, сдерживая гребень нашей последней волны.

Я осторожно вышел из-под нее, перевернув нас обоих. Затем я посмотрел на нее, чувствуя, как ее ноги сомкнулись вокруг меня. Ее пальцы впились мне в спину, ее зубы упали мне в плечо, когда она вздрогнула: «Пожалуйста!» Теперь не было сдерживания. Мы сошлись вместе, экстатическая дрожь перешла от моего тела к ее.

Если бы мы могли провести вместе остаток ночи, мы могли бы написать новое издание Камасутры. Как бы то ни было, Тасахмед возвращался в реальный мир.

«Почему бы тебе не убить его?» — сказала она, когда я закурил для нее одну из своих сигарет.

«Если бы я сделал это, где бы ты была?» Я опустился на колени, чтобы осмотреть его.

«Не хуже, чем я сейчас, Эдвард».

«О, гораздо хуже, Шема. Он не хочет, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Но если с ним что-нибудь случится здесь, в твоих комнатах — ну, это не стоит риска».

Это того не стоило по другой причине. Мертвый Тасахмед мне ни к чему. Может быть, живой. В то же время, если бы я спросил его перед Шемой, я не знал, что получу. Это будет телега перед верблюдом. Верблюд был Осман.

Он был заклятым врагом Менданике, и все же Бен д'Око пошел на все, чтобы встретиться с ним. Казалось логичным, что Осман отказался бы присутствовать, если бы у него не было предварительных указаний на цель пау-вау. Также казалось логичным, что Нику Картеру лучше сразу же встретиться с Османом, прежде чем задавать вопросы Тасахмеду. Вот вам и логика.

«Шма, почему бы тебе не позвонить мальчикам и не уложить генерала в постель. Скажи им, что он потерял сознание от волнения». Я начал снимать кляп.

Она хихикнула. «Ты думаешь почти так же хорошо, как занимаешься любовью. Когда он уйдет, мы сможем провести остаток ночи».

Я не сообщал ей плохих новостей. Я спрятался в раздевалке, пока двое охранников, несколько озадаченные, но ухмыляющиеся, увозили ослабленного арабского рыцаря к его дому.

«Теперь, — она вошла в спальню, отбрасывая мантию, которую надела перед уходом генерала, — на этот раз у нас будет зеркало, чтобы показать нам, чем мы наслаждаемся». Она широко раскинула руки и сделала передо мной пируэт обнаженной, снова колибри.

Я обнял ее, зная, что утром, наверное, ненавижу себя. Она ответила. Я оказывал давление там, где этого меньше всего ожидали или желали. Она на мгновение застыла, а затем обмякла. Я поднял ее и отнес в кровать. Я уложил ее и поцеловал на ночь. Потом выключил свет и, осмотрев двор из окна, осторожно вышел.

Хоук сказал бы, что время, проведенное с Шемой, было опасной тратой. Может быть. Но помимо удовольствия, мне нужна была эта дикая смесь Востока и Запада в качестве союзника, кого-то, кого я мог бы поддержать против Тасахмеда, если возникнет такая возможность. Тем не менее, было потрачено много времени. Я больше не тратил его зря, забирая «Фиат» перед Комиссариатом полиции и направляясь в посольство. Когда я подъехал к его воротам, я уже начал игры.

Ворота были закрыты. Был звонок и говорящая будка. Я позвонил в звонок несколькими длинными очередями. Когда у меня не было воспроизведения, я снова звонил сильнее.

На этот раз раздался голос, исходящий из настенного динамика, как записанное сообщение. «Посольство закрыто до 8:00, сэр».

«Это охранник морской пехоты?» — спросил я в будку.

«Да, сэр, это капрал Симмс».

«Капрал, вы знаете, что такое семь-пять-три?»

Произошла кратковременная пауза. «Да сэр.» В этом было больше привязки.

«Ну, это семь-пять-три, и я был бы признателен, если бы вы меня сразу впустили».

«Кто вы, сэр?»

«Мистер Саттон может вам это сказать. Это семь, пять, три. Я хочу немедленных действий, капрал».

Еще одна минутная пауза, а затем: «Подождите, сэр».

Я вернулся в машину, довольный тем, что предложение, сделанное АХ, превратилось в СОП с посольствами США и учреждениями по всему миру. Идея заключалась в том, что с ростом терроризма и похищений необходимо, чтобы простая идентификация могла быть предоставлена в любой момент в случае возникновения чрезвычайной ситуации. На каждый день из Вашингтона прислали разную последовательность цифр. Поскольку поставщиком была АХ, я всегда работал со списком, который запоминал две недели подряд.

Ворота распахнулись, и я въехал в освещенную зону входа. Для приветственного комитета были три морских пехотинца с М16 и капрал Симмс с.45.

«Простите, сэр, вам придется выйти из машины», — сказал он, глядя на меня. «Ваше удостоверение личности, пожалуйста».

«Мистер Саттон предоставит это», — сказал я, вылезая из машины. «Пожалуйста, возьмите у него».

«С ним связываются». Капрал быстро осмотрел машину. Я отдал ему ключи от сундука. На этом разговор закончился. Морские пехотинцы наблюдали, как я закуривал сигарету и ждали, пока Саттон трясет задницей. Эта задница была намного лучше, чем у Саттона, но она меня взбесила.

На Пауле Мэтьюз от холода были облегающие брюки из твида и летняя куртка с меховой подкладкой. С ее волосами ирландского сеттера, зачесанными в пучок, и с ее кремово-персиковым цветом лица, все еще немного испачканным после сна, она стала бы желанным дополнением практически любого собрания. Хотя трое морских пехотинцев не сводили с меня глаз, они бы согласились.

«Вы знаете этого человека, мисс Мэтьюз?» — спросил капрал Симмс.

«Да, капрал». Она немного запыхалась и не знала, должна ли она быть не в духе. «В чем

проблема, мистер Коул?»

«Где Саттон?»

«Он очень устал и спросил меня...»

«Я бы хотел воспользоваться вашим телефоном, капрал».

Капрал был немного неуверен. Он посмотрел на Паулу в поисках подтверждения.

Вместо этого я поставил его. «Это приказ, капрал. Прямо сейчас!» Мой тон получил бы одобрение инструктора учебного лагеря.

«Да сэр!» Мы втроем молча подошли к посту охраны. В маленькой внутренней комнате он указал на телефон.

Он ушел, и я увидела, что лицо Паулы светится ее волосами. «Смотри! Как ты думаешь...»

«Какой у него номер, и не тратьте время на бросание ботинка».

Со сжатыми кулаками и искрящимися глазами она выглядела достаточно хорошо, чтобы фотографировать. «Пять, два ноль, три», — прошипела она.

Я повернулся и набрал номер. Он зазвонил слишком долго, прежде чем Саттон начал жаловаться: «Паула, я же говорил тебе...»

«Саттон, мне нужно воспользоваться самолетом посольства прямо сейчас. Встряхни свою задницу и предупреди команду. Затем спускайся сюда, к воротам, чтобы мисс Мэтьюз могла вернуться в постель, где ей место».

Я слышал, как гудят провода, когда он подбирает зубы. Когда он заговорил, он протянул мне. — «Самолет посольства все еще находится в Тунисе. Я предполагаю, что с ним экипаж. Теперь, если вы думаете...»

«Я думаю, что это будет оформлено в письменном виде и отправлено вашему директору в Лэнгли. А пока есть запасной самолет?»

«Нет. Есть только Convaир».

«У вас есть условия для чартера?»

Он саркастически фыркнул. «От кого! Частных источников нет. Мы посольство. Мы не владеем страной».

«Я предполагаю, что у других посольств есть самолеты. Нет ли взаимных договоренностей на случай чрезвычайной ситуации?»

«Чтобы принять меры, нужен посол, а, как вы знаете... у нас нет посла». Он самодовольно улыбнулся.

«Скажем иначе. Это приоритет Red One. Мне нужен самолет. Он нужен мне сейчас. Вы можете помочь?»

Снова гудели провода. «Это чертовски короткий срок, да еще и посреди ночи. Я посмотрю, что я могу сделать. перезвоните мне через час». Он повесил трубку.

Я обернулся и увидел, что Паула, нахмурившись, изучает меня. «Могу ли я помочь?» она сказала.

«Ага.» Я достал карандаш и бумагу и начал писать. «Это частоты передачи УВЧ. Предупредите своих связистов, чтобы они контролировали их. Я могу звонить. Моим кодовым именем будет Пайпер. Я буду звонить Чарли. Понял?»

«Ну, куда ты идешь?»

«Когда-нибудь мы посидим у вас во внутреннем дворике, и я вам все расскажу».

Она пошла со мной к машине. Я забрался внутрь. «Генри поможет?» она сказала.

Я посмотрел на нее. «Иди спать, Паула». Я дал знак капралу включить выключатель

ворот.

В некоторых миссиях перерывы едут вместе с вами. На других вы берете несколько на ходу. На некоторых вы их не получите.

Как только я завернул за угол на улицу Ганса Гайера. Я подумал, что у него могут быть идеи, как добраться на самолете до Будана.

Фары освещали узкую улицу. На нем была припаркована единственная машина, прямо у ворот Гейера. Это был грязный «мерседес» официального вида. Я проехал мимо. Там было пусто или водитель спал на сиденье. Последнее было маловероятно. Я набрал скорость и объехал угол. Мысленным взором я мог видеть Эрику в этих шортах и свитере с высоким воротом.

Я оставил фиат в парке. Не было ни пешеходов, ни даже бродячей собаки, которая могла бы смотреть, как я мчусь по улице, идущей параллельно Гайеру. У меня была веревка, чтобы перебраться через промежуточные стены и через территорию виллы, которая стояла за двухэтажной историей Хана в мавританском стиле. У него было крыльцо с арками и плиткой. Из окна первого этажа падал свет. Как бы я ни хотел добраться до дома, я сначала обошел дом.

Посторонней охраны не было. Был только мертвый Тор. В него стреляли несколько раз. Между его стиснутыми клыками был кусок оливкового цвета. Я бросился в бой через окно.

Было что-то в этой сцене, чем-то напоминавшее предыдущую, в которой я играл ничего не подозревающего Подглядывающего Тома. У этого был какой-то комический подтекст. В этом не было ничего смешного. Ганс Гайер, с распухшим и окровавленным лицом, изо всех сил пытался вырваться из хватки тяжелого человека в оливково-зеленой форме, который наполовину душил его одной рукой, прижимая острие ножа к горлу механика.

Усилия Ганса заключались не столько в том, чтобы спастись от своего похитителя, сколько в том, чтобы спасти свою дочь. С Эрики сняли одежду, и она лежала на обеденном столе. Позади нее, держась за запястья, стоял еще один узнаваемый заклинатель оливково-зеленого цвета. Ноги Эрики свисали по обе стороны стола, лодыжки были закреплены веревкой. В конце стола стоял уродливый сукин сын. Одет он тоже был бы в оливково-зеленом. Руководил и направлял маленькую домашнюю сцену полковник Мохаммед Дуза. Он сидел лицом к спинке стула, опираясь подбородком на его гребень.

Я оставляю философию философам, но я всегда считал, что единственный способ справиться с насильником — это лишить его способности насиловать. В случае с Шемой я не думал, что это когда-нибудь будет изнасилованием, по крайней мере, в том смысле, что здесь должно было произойти. Эрике заткнули рот, и все мускулы ее тела были напряжены и выгнуты, крича, требуя освобождения.

Я видел, как Дуза кивнул головорезу, услышал, как Ханс крикнул: «Ради всего святого, я тебе все рассказал!»

Затем заговорила Вильгельмина. Один раз для предполагаемого насильника, который с воплем упал. Один раз сделала третий глаз в голове мучителя Ганса. Еще раз, чтобы заплатить третьему человеку, который держал Эрику за запястья. Дав ей возможность отправиться на поиски своего оружия.

Дуза был на ногах, положив одну руку на свой 45-й калибр. «Замри, или ты мертв!» Приказал ему на французском. «Просто дай мне оправдание, Дуза!» Он передумал.

«Поднимите руки над головой! Лицом к стене!» Он повиновался.

Ганс и Эрика были в шоке. «Ганс!» Я перешел на английский. «Выходи! Хватай пистолет! Если он хоть моргает, стреляй в него!»

Ганс двигался, как человек, идущий во сне. Я разбил оставшуюся часть стекла прикладом Вильгельмины, желая попасть внутрь. К тому времени, как я сделал это, Эрика освободилась и исчезла. Корчащийся персонаж лежал на полу, скомкнувшись, и все еще в собственной крови, без сознания или мертв.

Ганс плыл на ногах, его глаза оставались остекленевшими, не совсем уверенный, что кошмар закончился. Я освободил его от ФН и похлопал по плечу. «Купи себе пояс этого бурбона. Я позабочусь обо всем здесь».

Он тупо кивнул и, шатаясь, вышел на кухню.

Я сказал Дузе. «Повернись.»

Он подошел ко мне, желая увидеть, был ли я тем, кем он меня считал. Он начал ухмыляться, когда сказал: «Vous serez...»

Мой бэкхенд по его отбивным не только убрал ухмылку и остановил слова, но и ударил его головой о стену, и с его губ потекла красная струйка.

«Ты будешь молчать», — сказал я, когда его мгновенный шок превратился в сдерживаемую ярость. «Ты ответишь, когда с тобой заговорят так, как ты меня проинструктировал. Не искушай меня. Я на грани того, чтобы выпотрошить тебя. Чего ты хочешь от этих людей?»

«Этот проклятый ублюдок хотел знать, что я знал о катастрофе». Ганс вымыл лицо, держал бутылку в руке, и хотя он все еще дышал, как человек, который бежал слишком далеко, его хриплый голос вернулся в гармонию, а стеклянность глаз исчезла. «Только он мне не поверил, когда я ему сказал. Дай мне разбить эту бутылку ему по черепу!» Он вышел вперед, на его покрытом синяками лице написано напряжение.

«Пойди посмотри, как поживает Эрика». Я схватил его за руку.

Он внезапно вспомнил об Эрике и бросился прочь, окликнув ее по имени.

«Почему вас волнует то, что он знает о катастрофе?»

Дуза пожал плечами. «Моя работа — заботиться. Если он знает, как это произошло, то он должен знать, кто это сделал. Тебя хорошо проинформируют...»

Мой кулак далеко не ушел. Это ранило его. Я подождал, пока этот негодяй остановится и он не вернется, затем я воспроизвел ему его собственную пластинку: «Я сказал, что ты ответишь, а не издаешь глупых звуков. Очевидно, он не знает кто, даже если знает как. Или как вы думаете, он откажется отвечать, пока вы позволите одной из ваших обезьян изнасиловать его дочь?»

Голос Дузы свистнул в его горле. «Это моя работа — выяснять».

«Моя тоже.» Я воткнул люгер ему в живот и воткнул острие Хьюго ему под подбородок. «У меня очень мало времени, полковник. У вас будет еще меньше, если вы не будете сотрудничать с нами». Я прижал его к стене, шею назад, подбородок, отведенный от острия стилета. «Почему Менданике хотел видеть Абу Османа?»

Сквозь зубы, качая головой, он подавился: «Перед Аллахом клянусь, я не знаю!»

Хьюго пролил кровь. Дуза попытался отступить через стену. «Клянусь Кораном! На могиле моей матери!»

Я немного ослабил давление. «Почему Менданике хотел видеть посла Петерсена?»

Он покачал головой. «Я всего лишь начальник службы безопасности! Я бы не знал

такого!»

На этот раз Хьюго не просто щекотал. Дуза стукнулся головой о стену и завизжал. «Еще раз. Я сказал, почему? Это единственный раз, когда ты получишь».

Он рассыпался и начал лепетать, всхлипывая: «Потому что! Потому что! Он боялся переворота! Потому что боялся, что генерал Ташахмед собирается убить его!»

«И вы убили нашего посла».

«Это был несчастный случай!»

«Как будто саботаж самолета был несчастным случаем. Тасахмед боялся, что Менданике попытается заключить сделку с Османом».

«Нет нет!» Он покачал головой из стороны в сторону. «Вот почему я пришел сюда, чтобы допросить Гейера. Мы разговорились о том, что он знал, как произошла авария, и...»

«И ваше время вышло». Я отступил, и он посмотрел в ствол Вильгельмины, его глаза были широкими и черными, как ее дуло. Он упал на колени, как будто услышал, как муэдзин призывает верующих к молитве. Почему-то он не впечатлил меня своей мягкостью под огнем, но тогда никогда не знаешь, сколько стоит слово в твоей речи.

Если то, что он сказал, было правдой или хотя бы наполовину правдой, то не только его время истекло, но и мое тоже. В этой куче не было украденного ядерного оружия, только кучка третьесортных участников переворота третьего мира. Игра была достаточно ясной. Тасахмед заключил сделку с Советским Союзом. Ламана была призом, а Менданике — жертвенным козлом. Менданике понял, что на самом деле не имело никакого значения, кто разбил его самолет или как... и все же — и все же — «Я мог бы все это собрать и уведомить Хоука, чтобы тот начал искать в другом месте, или я мог бы использовать потратить драгоценное время и разыграть его до победного конца».

«Просто стой на коленях», — сказал я, когда Ханс и Эрика вернулись в комнату. На ней были брюки и другая водолазка. Она была бледна, но ее глаза были ясными и контролируемы.

«Как поживаете?»

У нее была слабая улыбка. «Я в порядке... благодаря тебе».

«С удовольствием. Почему бы тебе не пойти в другую комнату, пока мы здесь обо всем позаботимся?»

Тела на полу, живые и мертвые, выглядели как финальная сцена из «Гамлета». В качестве медсестры в этой части мира она, несомненно, видела свою долю запекшейся крови и не могла испытывать особого милосердия к останкам. «Я поставлю тебе завтрак, к которому ты собирался», — сказала она, пробираясь через комнату.

«Что ты собираешься с ним делать?» — сказал Ганс, глядя на поверженного начальника службы безопасности.

«Я еще не решил, выстрелить ему в голову или перерезать ему горло».

Ганс склонил голову ко мне, не уверенный, имел ли я это в виду. Единственная причина, по которой я этого не делал, заключалась в возможности того, что Дуза живой может быть полезнее, чем Дуза в раю. «Я вернулся сюда, чтобы задать вам вопрос», — сказал я.

«Приятель, — покачал головой Ханс, — у тебя есть постоянное приглашение прийти сюда в любое время дня и ночи, чтобы спросить меня о чем угодно!»

«Хорошо. Ответьте хорошо. Мне нужен самолет, чтобы доставить меня в Будан прямо сейчас. Где мне его найти?»

Он посмотрел на меня, моргнул, потер подбородок, а затем, ухмыльнулся, как Чеширский кот, и направил бутылку на Дузу. «Этот сукин сын мог бы заказать нам один. Это два NAA Dakotas, сидящие на линии, проверенные и готовые к работе. Один из них должен отправиться в...»

«Мне не нужна их история полетов. Где нам взять команду?»

«Он может заказать экипаж.

Все, что ему нужно сделать, это позвонить в службу поддержки. Плохая телефонная связь, но в такой час...»

«Вставай, Дуза».

Ему не нужно было повторять дважды, но я видел, что он частично восстановил самообладание. В его глазах снова вспыхнул блеск. Он начал оттряхивать форму.

Телефон был в вестибюле. В нем были белые стены и паркетный пол. В столовой все было затемнено, но здесь, при включенном свете, мы все четко выделялись. Дуза посмотрел на меня так, словно мое лицо он хотел запомнить, но в то же время хотел бы забыть.

«Я дам вам несколько инструкций», — сказал я. «Вы следите за ними, или мы оставим вас для сборщика трупов и мусора. Вы закажете самолет, вы закажете команду. Они будут ждать вашего прибытия». Я сообщил ему подробности, пока Ханс связался с полетами.

Когда мы вышли из дома, мы с Хансом были в форме двух людей Дузы. На минуту я подумал, что Ханс разрушит представление. Он увидел, что они сделали с его собакой, и пошел за Дуза. Полковник был вдвое выше его, но не мог сравниться с разъяренным механиком. Это все, что я мог сделать, чтобы вытащить его, пока Эрика его успокаивала. Затем я снова поставил Дузу на ноги и создал некое подобие марширующего порядка. Я не хотел, чтобы он выглядел таким измученным, чтобы не пройти проверку.

Ганс ехал с Дуза рядом с ним. Я сел за полковником, Эрика рядом со мной. Большую часть пути она молчала, то и дело поглядывая на меня. Я протянул руку и взял ее за руку. Она держалась крепко, ее хватка была теплой и благодарной.

«Вы чувствуете себя хорошо?»

«Я уже в порядке.»

«Было бесполезно оставлять тебя позади.»

«Ты не мог оставить меня.»

«Вы бывали в Будане раньше?»

«Часто. Я работаю во Всемирной организации здравоохранения. Я регулярно посещаю там клинику.»

«Хорошо. Тогда поездка не будет потрачена зря для тебя.»

«В любом случае это не будет потрачено зря». Она подняла термос. «Хочешь еще чашку?»

«Не сейчас, спасибо.»

Ханс не отвлекался от вождения, а я не спускал глаз с Дузы. Я хотел посадить его сзади со мной, но в этом случае Эрика оказалась бы впереди. Внимание привлекла бы женщина, едущая перед служебной машиной в этот час. Дуза знал, что он был на расстоянии пальца от смерти. Он был либо трусом, либо хорошим актером. Если бы мы были наедине и было время, я бы достаточно быстро узнал, кем именно. Но пока мне приходилось играть наощупь, и мне не очень нравилось то, что я чувствовал.

Дуза дал инструкции по телефону, что он прибудет к воротам контрольно-пропускного пункта примерно в 02:30. Дежурным сообщили, что задержек быть не должно. Это был не

тот приказ, от выполнения которого я мог зависеть. «Давай убедимся, что ты знаешь свои реплики, дружище. Когда нас остановят, как ты с этим справишься?»

«Я объявлю, кто я...»

«По-французски, а не по-арабски».

«И я прикажу им пропустить нас, если они не сделают этого автоматически».

«Предположим, вас попросят выйти из машины?»

«Я останусь на месте и попрошу увидиться с командующим».

«Ганс, если что-то пойдет не так и я пристрелю полковника, что ты будешь делать?»

«Я выпью еще и проверю самолет. Нет, я сперва пойду к ангару. Мы выскочим из этой штуки у бокового входа, пройдем через ангар и заберем мою багги, где я его оставил, на другой стороне. После этого я оставляю это вам».

После этого мы будем играть строго на слух. Я надеялся, что в этом нет необходимости, но из-за страха Дузы или его скрытого актерского таланта этого не произошло.

Когда мы подошли к воротам контрольно-пропускного пункта ангара, на нас попал ослепляющий свет. Ганс остановился, а Дуза высунул голову в окно и сердито заорал.

Мы прошли через калитку, отвечая на салют стражи. Это не могло быть более гладким. Я почувствовал, как Эрика расслабилась, ее дыхание перешло в долгий вздох. Я похлопал ее по колену.

«Когда мы подъедем к самолету, Эрика, ты выйдешь из моей стороны, пройди мимо меня и сядь на борт. Не тебе нечего сказать никому. Дуза, ты следуй за ней. Я буду прямо позади. вы идете в тыл. Пилот захочет узнать, куда мы едем. Скажите ему, что в Будану, и что он может отправить свой план полета после того, как мы взлетим».

Наш самолет найти было несложно. Фонари на поле освещали линию полета, и мы могли видеть двух человек летного экипажа, которые проверяли старый DC-3 Dakota. Ханс подъехал к ней, но не вышел из машины, как было сказано. Я реализовал свой план.

Почему. Помимо пилотов, было еще два специалиста по техническому обслуживанию НАА, которые проводили инспекцию в последнюю минуту. Даже в его плохо сидящей форме, Ганс решил, что они узнают его.

Эрика быстро поднялась на борт. Пилоты вытянулись перед Дузой, приветствуя его. Он дал им инструкции, и они стояли в стороне, ожидая, когда он поднимется по ступеням.

Я не мог рискнуть оставить Ханса позади и, конечно же, не мог отвести глаз от Дузы. Я знал, что наземных бойцов нельзя убивать. При старте самолета им пришлось стоять с огнетушителями. Они парили у входа в самолет, как пара мотыльков.

«Полковник, сэр, — сказал я, — вы хотели проверить, поступил ли этот звонок. Не могли один из этих людей сделать это?» Я кивнул паре. «А другой может взглянуть на нашу заднюю ось».

Дуза быстро учился. Он на секунду тупо посмотрел на меня через плечо, а затем отдал приказ.

«Сэр, — сказал пилот, — мы можем связаться с операциями базы по радио и узнать о вашем звонке».

«Нет необходимости. Он может использовать этот самолет». Он указал на более округлого из двух и затем поднялся на борт. Я последовал за ним, размышляя, что следует мне делать дальше. Это было слишком чертовски рискованно. Но что бы это ни было, оно приводило меня туда, куда я хотел, и удерживало Дузу в живых, и это было номером один в его списке.

Пилоты последовали за нами, и через несколько секунд вошел Ганс. Он активировал механизм закрытия двери кабины. Закрепив его, он устало прислонился к нему. «Боже, оба этих персонажа работают на меня!»

«Пилоты знают вас?»

«Нет. Они военные из Руфы. Когда такой ублюдок летает, они используют военные команды».

Дакота была представительским типом для VIP-персон. В нем было несколько широких холлов, идущих по бокам, бар, стол, кресла с откидной спинкой и ковровое покрытие.

Второй пилот высунул голову из двери кабины и сказал: «Никаких сообщений для вас, сэр. Вы пристегнете ремни безопасности? Мы сразу взлетим».

Через несколько секунд я услышал, как мотор начал строить гудеть, затем двигатель задохнулся, закашлялся и ожил с сильной вспышкой. «Все на борт Будана», — сказал Ханс, глядя на бар.

Полковник сел напротив меня, пристегнув ремень безопасности, и расслабился. Его выражение лицо было достаточно пустым, но я увидел намек самодовольства в его глазах.

«Дуза, если ты не саботировал самолет Менданике, как ты думаешь, кто это сделал?»

«Возможно, мистер Гайер скажет вам это», — сказал он, пытаясь вернуть игру на круги своя.

«Мне было бы интересно услышать ваши теории», — сказал я. «Это не только долгий путь до Будана, это будет долгий путь от высоты, на которой мы летим, до земли. Вы можете выбрать этот маршрут, а мы — другой».

Он задумался на минуту, пока самолет остановился и начал проверку двигателя перед взлетом. «Подумай, пока мы не поднимемся в воздух», — сказал я.

Это было другое ощущение, когда мы взлетали в старом двухмоторном самолете. Вы задавались вопросом, наберет ли эта штука достаточная скорость, чтобы лететь, и тогда вы поняли, что летите.

Как только двигатели были заглушены, я сказал Гансу идти вперед и попросить пилота выключить верхний свет. «Вы едете с ними. Когда мы будем примерно в часе езды от приземления, я хочу, чтобы они связались с Буданом, чтобы в штаб-квартиру службы безопасности можно было проинформировать, что их начальник прибывает. Ему нужна последняя информация о местонахождении Османа, а также машина, ожидающая у аэропорта».

«Вы делаете ставку». Ганс встал с бутылкой в руке.

«И вам лучше оставить это здесь. Вы не хотите вызывать подозрений и не хотите заводить какие-либо дурные привычки».

Он нахмурился, посмотрел на бутылку и поставил на место. «Хорошо, приятель, все, что ты скажешь».

«Эрика», — сказал я, — «почему бы тебе не лечь там и не спрятаться?»

Она улыбнулась мне и встала. «Да сэр.»

Выключив главный свет и включив всего пару габаритных огней, мы с Полковником сидели в тени. Я не предлагал ему сигарету. «А теперь давайте послушаем это громко и ясно. Вы клянитесь Кораном, что ваш босс не прикончил Менданике. Кто это сделал?»

«Мы подозреваем внешние силы».

«Не надо говорить мне чушь про ЦРУ».

«Мы не знаем кто. Советы, китайцы, израильтяне».

Я знал, что он лгал на счет советских, что означало, что он лгал, точка. «Каковы ваши основания?»»

«Поскольку мы этого не сделали, это сделал кто-то другой. Османа поддерживают китайцы».

«Конечно. Итак, Менданике спешит увидеть Османа, и они сбивают его, прежде чем он скажет им, почему».

Дуза пожал плечами. «Вы спросили меня, кто. Ничего особенного. Авария выглядела как обычная авария. Твой друг сказал, что знал о ином».

«Естественно, мы хотели знать, мы...»

«А как насчет наемников, которых вы привели, симпатичных мальчиков из Южного Йемена и других точек?»

Это принесло момент тишины. «Эти люди вошли в страну по приказу Менданике. Он никогда не говорил почему. У нас просто было указание впустить их. Это беспокоило генерала Тасахмеда. Мы...»

«Где тусовались эти наемники?»

«В основном в Пакаре».

«Что там?»

«Это наш второй по величине город. Он недалеко от ливийской границы».

«Что они делали для волнения».

«Ничего. Просто болтались».

Это была банка змей и банка лжи. Это все это еще добавляло очевидного. Этот ублюдок был начальником отдела казней НАПР, но, как и Тасахмед, он все еще был для меня больше ценен живым и в достаточно хорошей форме, чем мертвым — по крайней мере, до тех пор, пока у меня не будет возможности поговорить с Османом.

В задней части самолета имелся небольшой туалет. Я засунул туда полковника. Чтобы убедиться, что он не двигался, я связал ему руки и ноги вверевкой из штанов той формы, в которой он был. В полосках из брюк получилась довольно светлая веревка. Я оставил его сидеть на троне, его собственные штаны были стянуты до щиколоток для надежности. Затем я растянулся в гостиной напротив Эрики и заснул через две минуты.

В какой-то момент в рай попал не Дуза, а Ник Картер. Теплая и нежная рука расстегнула мой пояс. Она стала меня ласкать и гладить. Она расстегнула пуговицы и расстегнула молнию. Она распространилась по моему телу, и к ней присоединилась другая рука. Моя грудь, мой живот, все мое прикосновение было тончайшим прикосновением к ночной музыке.

Я проснулся, когда ее губы и тело коснулись моих. Я обнял ее, с удивлением обнаружив, что на ней нет свитера, а только округлые груди. Мягко исследуя наши языки, я перевернул нас на бок, и моя рука опустилась, чтобы обнаружить, что то, что было раздето наверху, было обнажено внизу. Я начал отвечать ей любезностями, и она застонала, кивнув головой, а затем прошептала мне в губы: «О, да! Да!»

Я заглушал ее слова своим ртом и позволял другой руке сосредоточиться на ее груди. Мои губы тоже жаждали их.

«Пожалуйста!» она задохнулась, когда я расслабил ее под собой, чувствуя, как ее бедра ищут общий ритм.

Я медленно вошел в нее, ее пальцы очень хотели ввести меня в нее. «Замечательный!» она ахнула.

Для нее это была отчасти эмоциональная реакция на то, что чуть не произошло, а отчасти — невысказанное, но быстро узнаваемое влечение между нами. Я знал это, когда занимался с ней любовью, и поэтому не было усталости. Вместо этого было глубокое отдавание и получение, стремительная взаимность удара и встречного удара.

Это было слишком хорошо, чтобы длиться долго, и слишком срочно, чтобы мы оба могли найти выход. Мы пришли, она рыдала от восторга от оргазма, я знал, что ты не найдешь рая, если спишь.

Мы лежим в гостиной, отдыхаем и курим сигарету. Постоянный рокот двигателей снова убаюкивал меня. «Знаешь, — сказала она задумчиво, — я не знаю, кто ты».

«Я еду в Будан, путешествуя на ковче-самолете первого класса».

«Но на самом деле это не имеет значения, — проигнорировала она мой ответ, — по крайней мере, сейчас».

«Напомни мне однажды представиться официально».

Она взъерошила мои волосы и наклонилась, чтобы поцеловать меня. «Я думаю, ты мне гораздо больше нравишься в неформальной обстановке. Мне нравится, что ты спасаешь меня от насильников-мужчин, и ты мне нравишься здесь, в небе, где нас никто не побеспокоит».

Я притянул ее к себе. «Может быть, вы хотите повторить выступление».

«Я бы хотел повторить выступление». Ее рука поднялась, чтобы погасить сигарету.

«Один хороший поворот заслуживает другого», — сказал я.

Меня разбудил звук двигателей, меняющих высоту тона. Ранний утренний свет заливал хижину. Эрика лежала в гостиной напротив меня, свернувшись клубочком во сне. Я сел, зевнул и выглянул в порт. Мы были над засушливой засушливой местностью, пропуская чистое небо, без тепловой дымки, которая образовалась позже. Горы были голыми, и между ними не было много зелени. Я знал, что Будан был исключением. Он лежал в долине, питаемой подземными водосборами, единственным реальным источником воды на десяти тысячах квадратных миль.

Ганс вышел из кабины. Несмотря на его потрепанный вид, у него были ясные глаза и пушистый хвост над перспективой впереди. «Мы идем, — сказал он, — мы подойдем прямо к месту крушения. Подойди вперед, и я покажу тебе, что произошло».

«Сядь на минутку», — сказал я. «Был ли Будан проинформирован о нашем расчетном времени прибытия?»

«Конечно, как ты и сказал».

«Хорошо. А теперь снимай эту форму и оставайся здесь, с нами».

«Но я должен...»

«Вы кипите и слушаете. Это не экскурсия для удовольствия Ханса Гейера».

«Да, я знаю, но авария...»

«Вы можете изучать это сколько угодно, как только я увижу, как обстоят дела. Дуза будет со мной».

«Эй, а где он?»

«Припудрил нос. Вы бывали здесь раньше, что за обстановка в аэропорту — охрана, удобства и так далее?»

Эрика проснулась, когда он мне все рассказал. Там была единственная полоса восток-запад, ангар и здание терминала. Поскольку это был официальный рейс, проверка разрешений проводилась не была, а охрана всегда состояла лишь из охраны терминала. Все было примерно так, как я предполагал.

«Я предполагаю, что здесь есть гостевой дом или отель для посетителей».

«Конечно, Ашбал».

«Вы с Эрикой останетесь там, пока я не приду за вами».

«Подожди минутку, приятель, что ты имеешь в виду, останься?»

«Когда ты не копаешься в обломках или не попадешь в тюрьму, а Эрика не посещает клинику — ты останешься там. Я не знаю, сколько времени это займет. Понятно?»

«Да, да, конечно, хорошо. Я тебя понял». Он снова был счастлив.

Я услышал, как стукнула шестерня. «И если ты не вылезешь из этой формы, я сниму ее с тебя».

Я начал разговаривать с Эрикой, стараясь не обращать внимания на ее взгляд. «Это может занять у меня день, а может и больше, но с тобой все будет в порядке, если ты будешь держаться поближе к клинике. Будет ли вой по Менданике здесь так же интенсивен, как в Ламане?»

«Нет», — сказал Ханс, стягивая оливково-зеленые брюки. «Здесь много сочувствующих Осману».

Я встал, решив, что пора нашему хозяину присоединиться к толпе. «Еще одно: не бери с

собой никакого оружия. Спрячь то, что у тебя есть». Я планировал сделать то же самое, за исключением.45 Дузы и Пьера.

Начальник службы безопасности был не в лучшей форме. У его смуглого лица был холерический оттенок. Его налитые кровью глаза блестели. Его нижняя часть надулась. Он слишком долго сидел на горшке.

Я освободил его руки и ноги, и он сидел, сердито потирая запястья. «Вы можете сами натянуть штаны», — сказал я. «Тогда ты можешь присоединиться к нам за кофе».

Был кофе. Эрика позаботилась об этом на маленькой камбузе впереди. Она играла стюардессу и обслуживала экипаж. У Ганса не было времени на восстановление, его лицо было прижато к окну.

«Эй, иди сюда, посмотри! Я вижу, куда они вошли! Прямо на копейку, как я сказал! Отлично!»

Я выглянул в окно и увидел, что мы летим параллельно краю долины. Это выглядело пышно, но горы по обе стороны от нас были чем-то другим. Я надеялся, что Осман не далеко или отсиживается в пещере. Хоук не установил фиксированного ограничения по времени для моих поисков, но каждая минута без ответа была слишком долгой минутой.

«Вы видите обломки?» Ханс усмехнулся.

Я видел обломки. Это было похоже на маленькую свалку, раскинувшуюся вдоль плоской земли в нескольких милях от взлетно-посадочной полосы, длинной черной полосой, усеянной сгоревшими и сломанными частями самолета. Было очевидно, что никто не собирал их для расследования. Этот факт должен был значить для меня больше, но Дуза вышел из кабинки, хромя, все еще потирая запястья, отвлекая мое внимание.

«Сядь здесь», — указал я, и он жестко сел.

«Эрика, принеси кофе и присоединяйся к нам. Я должен дать благословение. Ганс, ты тоже».

«После того, как мы приземлимся, — сказал я Дузе, — вы дадите команде приказ оставаться на базе. Ганс, вы с Эрикой останетесь на борту до тех пор, пока мы с полковником не уйдем. Никто из нас не выйдет из самолета, пока не будет экипажа. Ганс, а как насчет транспорта для вас двоих?»

«Должно быть такси, но если его нет, я могу одолжить джип начальника станции. Я отвезу Эрику в клинику, а потом пойду на линию».

«Если вы не в „Ашбале“ или не вернетесь на борт, когда я буду готов, вы останетесь позади».

«Ну, как, черт возьми, я должен знать, когда это будет!»

«Когда я буду готов, я сначала проверю Ашбал, потом в клинике, а потом здесь. Это лучшее, что я могу для тебя сделать».

«Что тебе нужно?» — спросила Эрика, когда самолет замедлился при снижении, закрылки были выпущены, колеса вытянулись, чтобы войти в контакт. «Может, я смогу помочь».

«Я бы хотел, чтобы вы могли, но полковник вызвался быть моим проводником». Полковник отхлебнул кофе, опустив крышки.

Колеса соприкоснулись, скрипнули, и мы оказались в Будане. Аэропорт не выглядел загруженным. Однако, пока мы рулили, я заметил полдюжины партизан, которые стояли перед терминалом и наблюдали за нашим приближением. На них были патронташи и автоматы Калашникова А-47. Также был официальный автомобиль припаркованный на

линии полета.

«Это почетный караул или обычный караул?» — сказал я Гансу.

«Выглядит примерно как обычный».

Пилот развернул самолет, двигатели заглохли, винты с лязгом остановились. Ганс открыл дверь и спустил трап до того, как пилоты вышли из кабины. Дуза дал им свои инструкции. Я видел, что второй пилот был озадачен тем фактом, что мы с Гансом больше не носили оливково-зеленый цвет. «Смена формы», — сказал я ему и подмигнул. Он получил сообщение, улыбнулся мне, и они ушли.

Мы сели в самолет в тишине раннего утра. Я заметил незаметное изменение в поведении Дузы. Возможно, кофе вылечил его, или он думал, что видел конец своему плену. Он смотрел дальше меня через мое плечо через порт, наблюдая за некоторыми из членов его почетного караула, которые выбрались на траекторию полета.

«Les règles de jeu — правила игры — Дуза, ты будешь играть так, как я прикажу, иначе игра закончится. Не будь милым. Мы с тобой сейчас уходим. Ты на два шага впереди. иди прямо к машине и сядь в нее. Это все, что ты делаешь. Пойдем, сейчас». Я встал с его 45-м калибром в руке.

Я позволил ему наблюдать, как я накидываю куртку на руку, чтобы скрыть это. «Après vous, mon Colonel. Постарайтесь уберечь вас двоих от неприятностей», — сказал я, когда мы выходили.

Почетный караул не выстроился в надлежащем военном порядке, когда мы подошли к машине, Citroen, нуждающейся в косметическом ремонте. Они стояли, смотрели на самолет, смотрели на нас и вообще производили впечатление отстраненности. Их форма была неоднородной, соответствовало только их снаряжение. Они, конечно, не были наемниками, но когда я последовал за Дузой в заднюю часть машины, звонили сигнальные колокола. Они не дежурили для него, так что же они делали, охраняя пустой аэропорт? Ответ мог быть — просто в качестве меры предосторожности ввиду происходящего. Жаль, что это был неправильный ответ.

«Аллоны». Я сказал водителю, а затем Дузе по-английски: «Спросите его, принес ли он запрошенную информацию».

Водитель кивнул, выезжая на круглую замочную скважину, ведущую к аэропорту. «Контакт был установлен, сэр», — сказал он по-французски. «Я провожу вас на встречу с ним. Он знает, где находится Шик Хасан Абу Осман».

Дуза откинулся назад, скрестив руки на груди. Он снова опустил веки, не показывая никакой реакции.

«Спроси его, как далеко мы должны пойти?»

Водитель указал в сторону гор впереди. «Всего двадцать миль», — сказал он.

Мы ехали через долину, а не в сам Будан. Были широко разбросаны перекрестки среди полей пшеницы, хлопка и сои. На перекрестках стояли машины, подобные той, что была в аэропорту. Часть войск была вооружена АК-47. У других были FN, и их более тяжелое оборудование было одинаково смешанным. Они не предприняли никаких усилий, чтобы остановить нас, и я был готов признать, что они были на ногах, как их братья в аэропорту, потому что это был день похорон Менданике, и Тасахмед заверял, что его приход к власти был должным образом организован. Позже, когда у меня было время подумать над своим выводом, я подумал, что бы сказал Хоук, если бы он сидел рядом со мной.

«Осман убьет тебя», — нарушил тишину полковник, говоря по-английски.

«Я тронут тем, что вы обеспокоены».

«Он ненавидит американцев».

«Естественно. Что он с тобой сделает?»

«Кроме того, вы зря теряете время».

«Если да, я подам жалобу на ваш офис».

«Этого человек, которого мы собираемся увидеть, я знаю. Он ненадежен».

«Полковник... тише. Я уверен, что наши контакты — лучшее, что могут предоставить ваши службы. Без сомнения, старый Хасан повесит вас за яйца, чтобы просохнуть, но это ваша проблема».

Мы пересекли узкую долину и начали подниматься по извилистой гравийной дорожке, зелень быстро рассеялась. Началась жара, но мы оставили некоторую влажность, поднимаясь в облаке пыли. Подъем был недолгим. Мы выехали на поворот, выходящий на плато с каменной структурой по краю. У него была высокая окружающая стена и вид крепости 19 века с квадратным центром и двумя массивными крыльями.

Водитель съехал с дороги на верблюжью тропу, и мы врезались ей в стену. Никого не было видно.

Водитель заговорил по-арабски, глядя в зеркало. «Вас ждут, сэр».

Я вышел из машины вслед за Дуза, чувствуя в нем горячий ветер и привкус пыли. «Продолжай», — сказал я, позволив ему услышать щелчок курка 45-го калибра.

Мы прошли через арочные входные ворота в широкий каменный двор, где ничего не росло. В этом месте были окна с прорезями и ощущение, что давайте убираемся отсюда.

«Как зовут нашего контакта?»

«Цфат». Полковник смотрел на каменную кладку. Он выглядел длинным, окоченевшим и с бледным лицом.

«Скажи ему, чтобы он вытащил свою задницу».

«Цфат, несчастный вор верблюдов», — произнес полковник, — «выходи!»

Как непослушный ребенок, Цфат ничего не сказал, ничего не сделал. Дверь, двойная железная, оставалась закрытой. Вокруг нас дул ветер.

«Попробуйте снова.» Я сказал. Вторая попытка вызвала не больше реакции, чем первая.

«Посмотрите, открыто ли оно». Я смотрел, как он приближается, зная, что все это воняет. Ветер насмехался.

Над ним я услышал шепот чужого звука. Когда я повернулся к нему лицом, я знал ответ. Я мельком увидел застывшее лицо водителя и четырех людей с приставленными автоматами Калашникова.

Я сделал два выстрела, прежде чем все в моей голове взорвалось обжигающей волной пламени и унесло меня в никуда.

В какой-то неопределенный момент и в каком-то месте моя голова была расплавлена и выкована в колокол. Я присутствовал на обоих мероприятиях. Мне не понравилось ни то, ни другое. Я терпел их молча. Это вопрос обусловленности. Но когда какой-то всемогущий ублюдок стал бить гонгом по моему новому куполу, я решил возразить, особенно когда счет перевалил за двенадцать.

Я обратился к Вселенной на урду, потому что Шема была царицей ночи, и это казалось вполне подходящим. Я никогда не узнаю, был ли это тон моей непристойности, стук гонга или комбинация того и другого, из-за чего меня изрыгнули из тьмы ниоткуда в темноту какого-то места. На данный момент все, что я знал, это то, что я был готов поменяться чем-то ни на что. Затем момент прошел, и мой мозг медленно собрался с силами и начал избавляться от нанесенных ударов.

Я лежал на циновке из вонючей соломы. Мои руки и ноги были связаны. Моя голова чертовски болела, пульсировала, как будто что-то хотелось вырваться. Я осторожно повернул ее, что привело к появлению множества белых огней передо мной там, где не было никаких огней. После еще нескольких подобных экспериментов я решил, что хуже всего я страдаю от легкого сотрясения мозга. Водитель не выстрелил в меня, он только оглушил меня. Моя одежда не была снята. Пьер был на месте. В жизни и во времена Ника Картера дела были еще хуже.

Что-то скользнуло по моим ногам, и я знал, что у меня есть компания. Небольшая драка проникала из двери камеры. Но и без него мое местоположение не требовало изучения архитектуры. Воздух сильно вонял. У крыс были предыдущие жильцы.

После нескольких попыток мне удалось сесть. Пятками я продирался по полу, пока за моей спиной не оказалась каменная стена. Когда белые огни перестали мигать и пульсация в моем черепе снизилась до приемлемого уровня, я проверил веревки, удерживающие мои запястья в тисках.

Оставалось только расслабиться и ждать. Я пришел повидать Османа. Теперь я решил, что у меня очень хорошие шансы увидеть его. Я получил сообщение немного поздно. Если бы я получил его раньше, я бы избавился от головной боли. Мальчики в аэропорту, как и мальчики на перекрестках и встречающий комитет здесь, не были войсками Менданике или Тасахмеда, они принадлежали Шиек. Осман занял Будану, который был расстроен смертью Бен д'Око. Китайцы производят Ак-47 так же, как и Советы.

Я сообщил о прибытии Дузы и предупредил приемную. Нас не доставили в центр Будана, потому что мы, очевидно, увидели бы признаки того, что боевые действия продолжались. Вместо этого нас привели сюда. Вопрос был в том, почему Дуза не узнал людей Османа в аэропорту? Я тоже думал, что знаю ответ. Во всяком случае, моя неспособность распознать смену караула в Будане до тех пор, пока я не оказался в ловушке, могла все же сработать лучше, чем гоняться за Османом по всем горам, чтобы задать ему вопрос.

Меня разбудили лязг ключа в замке и отпирание двери. Сон помог. Онемение рук и запястий доставляло больше дискомфорта, чем пульсация в голове. Я закрыл глаза от яркого света, почувствовал руки на ногах и нож, перерезавший веревки на моих лодыжках.

Меня подняли на ноги. Мир закружился. Белые вспышки превратились в яркий неон. Я

втянул воздух и позволил паре кураторов удерживать меня.

Всю дорогу по каменному коридору я играл до тошноты, изучая планировку помещения. Это было не так уж и много — полдюжины камер с каждой стороны и комната охраны слева. Мне было интересно, предоставили ли Эрике и Гансу вид на жительство. В настенных кронштейнах было четыре тусклых светильника, и единственным выходом была каменная лестница, ведущая вверх под прямым углом.

Конец прямого угла выводил нас в полутемное фойе.

Единственный свет пропускал щелевые окна. Лучшее, что можно было сказать об этом месте, — это прохлада. За фойе было несколько дверей. Я был склонен к самому большому. Там мой правый охранник — а он мог бы использовать несколько — стучал в дверь волосатым кулаком и получил вызов.

Они запустили меня с намерением поставить меня лицом вниз перед собравшимися. Мне удалось остаться в вертикальном положении. Комната была освещена лучше, чем фойе, но ненамного. Передо мной стоял стол, за которым стояли трое сыновей пустыни в черно-белых клетчатых кефиях. У того, что в центре, было лицо старого стервятника, крючковатый нос, закрытые черные глаза, тонкий твердый рот и острый подбородок. В этой паре по обе стороны от него было сильное сходство. Семейный портрет — Осман и его мальчики. Они изучали меня со всем очарованием кобр, намеревающихся нанести удар.

«Тьфу!» Хасан нарушил молчание. «Как и все собаки янки, он воняет!»

«Бегущая империалистическая собака», — нараспев произнес сын слева.

«Давайте научим его некоторой реформе мышления», — предложил другой.

«Если бы он мог говорить, что бы он сказал?» В глазах Османа блеснуло презрение.

Я ответил ему по-арабски: «Аиш, йа кдиш, та юнбут аль — хашиш — „живи, о мулы, пока не вырастет трава“.»

Это заглушило ржание и заткнуло их на минуту. «Итак, — шик положил руки на стол, — вы говорите на языке верующих».

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного, — цитировал я, — я укрываюсь у Господа людей, Царя людей, Бога людей от зла коварного шепота, шепчущего в груди мужчины или джина и мужчины».

Они уставились на меня, потом сыновья посмотрели на отца, чтобы узнать реакцию. «Вы читаете Коран. Вы один из нас?» В его голосе из наждачной бумаги прозвучал новый интересный тон.

«Я изучал вашу книгу пророка Мухаммеда. В случае нужды ее слова придают силы».

«Давайте послушаем такие слова». Осман подумал, что у него есть я, что я могу хорошенько написать пару стихов, и все.

Я начал с открытия: «Хвала Аллаху, Господу всего сущего». Затем я перешел к нескольким стихам из «Коровы», «Дом Имрана», «Трофеи» и «Ночное путешествие».

Осман остановил меня и начал выкидывать строчки из книги Мэри и Та Ха, чтобы я соответствовал. Моя способность отвечать приходит с фотографической памятью. Через некоторое время он бросил это и сел, чтобы изучить меня.

«Что касается грязного гнилого империалистического сына верблюжьего навозоеда, то вы достаточно хорошо знаете нашу книгу. Это ваша заслуга. Возможно, она приведет вас в рай, но не вытащит вас отсюда. Вы — шпион, и мы отрубаем головы шпионам. Зачем вы пришли сюда?»

«Чтобы найти тебя, если ты Хасан Абу Осман».

Его сыновья удивленно посмотрели на него. Он попытался скрыть ухмылку, и они все посмеялись. «Да, — сказал он, — слава Аллаху, я Хасан Абу Осман. Чего ты от меня желаешь?»

«Это личное дело каждого».

«Ах! Ничего личного от этих двух козлов. Они будут драться из-за моих костей, когда я умру. Зачем янки-шпиону захочется меня видеть? Вы хотите посадить меня на трон в Ламане? С помощью Аллаха я сделаю это сам».

«Я думал, что ты получил помощь Мао».

Он не обуздал себя, он хихикнул, и мальчики присоединились к нему. «О, я приму то, что предлагает этот неверующий, точно так же, как я приму то, что вы предлагаете, если я думаю, что это стоит того. Есть что предложить, янки-шпион?» Ему было весело.

«Я надеялся, что у тебя есть что мне предложить».

«О, не бойтесь этого. Прежде чем я публично казню вас, я предлагаю вам эль-Феддана. Он заставит вас взывать к Аллаху для быстрого завершения».

«Я говорю о чем-то важном».

Он посмотрел на меня и снова усмехнулся. «Важно, привет! Я согласен, твоя жизнь не имеет значения». Он постучал по столу и крикнул: «Я хочу Эль Феддана! Скажи ему, чтобы он пришел немедленно!»

Кто-то позади меня быстро ушел. «Предположим, я могу гарантировать, что вы захватите остальную часть страны», — сказал я.

«Это было бы гарантией, на которую я бы плюнул». Он плюнул.

«Итак, после того, как ты плюнешь на него, вопрос все еще остается в силе. У тебя есть Будан. Сможешь ли ты удержать его или нет — это другой вопрос, но ты никогда не получишь Ламану отсюда или Пакара. Тасахмед не Менданик. По крайней мере, Менданике был готов заключить сделку».

Глаза Османа вспыхнули. «Значит, я был прав. Вы, проклятые империалисты, стояли за ним. Если бы он был жив, я бы поставил его голову на площади!»

«Вы имеете в виду, что он не сказал вам!» Я притворился изумленным, чертовски хорошо зная, какой будет ответ.

Шик и его сын обменялись взглядами, затем посмотрели на меня.

«Ты мне скажи», — сказал он.

«Тасахмед планировал переворот при поддержке русских. Мое правительство убедило Менданике, что он должен попытаться примириться с вами и...»

Осман издал насмешливый вой и ударил по столу: «Вот почему этот мешок кишок хотел меня видеть, чтобы действительно заключить сделку! Я сказал, что это так! Это то, что заставило меня занять Будану. Если он был так плох, что он должен был меня увидеть, я знал, что выдержу это. Он упал, как гнилый кокос!» Он еще раз плюнул.

Я хотел присоединиться к нему. Вот и все. Ответ, который я был почти уверен, я собирался получить. Что касается кражи ядерного оружия, вся эта толпа была где-то еще во время битвы при Хартуме. Беда в том, что я был похож на китайского Гордона из пьесы, а он в итоге попал на пику.

Я услышал, как за мной открылась дверь, и взгляд Османа переместился через мое плечо. «Эль-Феддан, — поманил он, — познакомьтесь со своим шпионом-янки».

Эль-Феддан, что означает бык, был всем этим. Он был не выше меня, но, должно быть, снова был вдвое меньше, и все это были мускулы. Он выглядел скорее монголом, чем

арабом. Это было неприятное лицо, где бы он ни родился. Желтоватые глаза, приплюснутый нос, резиновые губы. Шеи не было, только мускульный постамент, на котором держалась тыква его бритой головы. На нем была открытая куртка, но никому не приходилось догадываться, что под ней. Он проигнорировал меня, глядя на своего начальника, ожидая, что слово превратит меня в йойо.

Произошла задержка из-за посторонней активности. Дверь снова распахнулась, и я повернулся и увидел, что Эрику и Ханса затащили в комнату несколько членов преторианской гвардии. Позади них вошел мой старый приятель Мохаммед Дуза. Я правильно подумал. Полковник был либо человеком Османа во вражеском лагере, либо человеком Тасахмеда в палатке Османа... либо и тем, и другим. У меня не было времени вдаваться в подробности, но я хотел кое-что спросить у него, при условии, что я смогу не спускать головы.

Под левым глазом у Эрики была ссадина. Она была бледна и тяжело дышала. Она смотрела на меня со смесью тоски и надежды.

«Держись, дитя», — сказал я по-английски. Она опустила голову и покачала, не в силах ответить.

Ганса сковали наручниками, и он еле держался на ногах. Когда куратор отпустил его, он упал на колени.

«Кто из вас хочет ее?» — спросил Осман у измученных жаждой сыновей.

Они оба сглотнули одновременно, практически пустив слюни. Хитрый старый ублюдок взвыл от радости и ударил по столу. «Вы можете сражаться за ее кости, как вы можете бороться за мои... когда я закончу с ней!»

Они оба заткнулись, уставившись на стол, гадая, как они могли придумать способ привести его в болезненное состояние.

«Итак, полковник, все в порядке?» Осман одарил Дузу маслянистой улыбкой.

«Как пожелает Аллах», — Дуза прикоснулся ко лбу в приветствии и подошел к столу. «Можно ли попросить об услуге?»

«Но спросите об этом», — сказал Осман.

«Я хочу допросить его перед казнью».

«Хммм». Осман почесал подбородок. «Я планирую передать его эль-Феддану. Когда он закончит, я не думаю, что этот сможет что-нибудь ответить. А что насчет той кучи верблюжьего навоза на полу, разве он не подойдет?»

«О, я тоже хочу его допросить».

«Что ж, вам придется довольствоваться тем, что я могу предложить, полковник. Эль-Феддану нужны упражнения. В противном случае он станет недовольным». Это вызвало у Быка взрыв смеха и даже одобрительный возглас.

Я сказал. — «Если мне придется драться с этим коровьим выменем, у тебя хотя бы будет достаточно чести, чтобы дать мне возможность пользоваться моими руками».

Это был первый раз, когда Дуза услышал, как я говорю по-арабски. Это стерло ухмылку, и мои слова не сильно повлияли на чувство юмора эль-Феддана.

«О, ты получишь руки», — усмехнулся Осман. «Вы можете использовать их для молитвы. Я даже посмотрю, что у вас есть оружие».

«Вы делаете ставки, Шик Хасан Абу Осман?» — сказал я, зная, что никогда не было араба, который не родился бы без любви к азарту. «Вы хотите, чтобы этот бык получил меня для убийства. Почему бы не превратить наш бой в убийство? Если я выиграю, мы с друзьями

получим безопасный путь обратно в Ламану».

Это привело к тому, что называется беременной тишиной. Все взгляды были прикованы к голове человека, который смотрел на меня. «Знаешь, шпион-янки», — сказал он, потянув за подбородок. «Я думаю, что вы, должно быть, мужчина. Я восхищаюсь человеком, даже если он вонючий империалист. Вы можете умереть в бою».

«А если я выиграю?»

«Ты не выиграешь, но у меня нет с тобой сделки. Если Аллах каким-то невидимым ударом оставит эль-Феддану с плохой судьбой, — он закатил глаза на Быка, — тогда мы увидим». Он встал, и я увидел, какой он был коренастый старый петушок. «Приведите их», — приказал он.

Место битвы находилось за стеной на плато недалеко от того места, где мы оставили Ситроен.

Рядом стояло несколько французских джипов. На его крышах собралось столько свиты Османа, сколько было возможно, в то время как остальные, всего около двадцати человек, стояли полукругом, чтобы наблюдать за весельем. Стол был принесен, и Осман, его сыновья и Дуса сели за ним. Эрику и ее отца заставили сесть на землю.

Моих часов не было, но солнце стояло около полудня и жара была мощной. Внизу, на равнине, где кончалась зелень, были пыльные вихри. Склон обнаженной горы поднимался, и я увидел ястреба, лениво кружащего по кругу в потоках термиком. Хорошая примета. Мне она понадобилась, когда я потерял запястья, сгибая пальцы, возвращая им немного силы.

Я смотрел, как эль-Феддан снял куртку и обнажил торс. Затем он снял калеконь под радостные возгласы собравшейся группы. Арабский нудист, не меньше. То, что у него было внизу, было почти таким же грозным, как и то, что было наверху. Это не совсем ахиллесова пята, но я полагал, что это принесет ему столько же пользы, если я смогу приблизиться, не будучи раздавленным насмерть.

Я разделся до пояса под крики. Давид и Голиаф, но без пращи. И все же Осман не шутил по поводу оружия. Я думал, что это будет строго телесный контакт. Возможно, до этого дойдет, но прежде, чем это произошло, мне бросили тонкую сетку из пальмового волокна и обернули в нее нож с восьмидюймовым лезвием.

Как скажет вам любитель дзюдо или карате, важен не размер. Это скорость, координация и время. Почти не было сомнений, что мой противник владеет всеми тремя. Что касается Ника Картера, скажем так, что владение мечом было не на пике. Моя правая нога не была полностью восстановлена после прошлой встречи. Моя голова, хотя и чистая, пульсировала от более свежего воздуха. Солнечные блики требовали кондиционирования, чего не происходило с несколькими морганиями век. Невозможно было маневрировать без его воздействия. Лезвие в моей руке было достаточно знакомым, а сеть — нет. То, как обнаженная обезьяна передо мной обращалась со своим, напомнило мне, что находится на другом конце быка — тореадор.

Ставить на карту свою жизнь — часть моей работы. В большинстве случаев дело в мгновенных действиях. Внезапный контакт, беспощадный ответ и некогда размышлять. Подобный вызов — это снова нечто иное. Возможность оценить, с чем я сталкиваюсь, добавляет игре определенную стимуляцию. Я знал две вещи: если я собирался выиграть, я должен был сделать это быстро. Лучшим моим оружием было коварство. Мне пришлось убедить быка и всех собравшихся, что они станут свидетелями не драки, а резни.

Я неуклюже поднял сеть: «Я не могу этим пользоваться!» Я позвал Османа. «Я думал,

что это будет честный бой!»

Осман подавил насмешки и крики. «Это ты просил о встрече с эль-Федданом. У тебя такое же оружие, как и у него. Перед Аллахом состязание честно!»

Я начал лихорадочно оглядываться в поисках способа убежать. Полукруг превратился в круг. «Но — но я не могу бороться с этим!» В моем голосе была нотка мольбы и страха, когда я протягивал нож и сеть.

Несмотря на оскорбления хора, Осман сердито крикнул: «Тогда умри с ними, янки-шпион! И я принял тебя за человека!»

Я отступил, чувствуя грубый камень под ногами, радуясь, что я не босиком, как мой противник, у которого не было ничего, кроме кислой усмешки. Я увидел, что Эрика закрыла лицо руками. Ганс обнял ее и смотрел на меня, бледный и беспомощный.

«Прикончи, эль-Феддан!» — приказал Осман.

Из-за внезапной тишины толпы мой крик: «Нет! Пожалуйста!» был на одном уровне с выступлением Дузы накануне вечером. У меня не было времени уловить его реакцию. Я был занят, пытаюсь выйти из ринга, раскинув руки, безуспешно пытаюсь сдержать неизбежное.

Бык подошел ко мне, застыв на ногах, в чем-то в стиле японского борца сумо. В левой руке он болтал сетку; справа он прижал нож к бедру. Его план был достаточно прост: запутать меня в сети, а затем замариновать в моей собственной крови.

Толпа снова подняла крик: «Убей его! Убей его!» Я перестал подаваться назад и начал продвигаться вдоль его передней части. Я чувствовал, как слюна бьет меня по спине. Гвозди сгребли его. Я старался не отступать дальше. Я не хотел рисковать, когда меня толкнут сзади и выбьют из равновесия. Солнце палило, пот бежал.

Эль-Феддан уверенно преследовал меня, разыгрывая это для публики. Постепенно он приблизился, его улыбка застыла, а желтые глаза остановились. Я ждал признаков его нападения. Всегда есть что-то, каким бы незаметным оно ни был. Поскольку он был уверен в себе, он телеграфировал. И в этот момент я двинулся.

Когда я делал задний ход и кружил, я натягивал сетку. Как только его сетчатая рука начала движение, я швырнул свою ему в лицо. Рефлекторно его рука поднялась, чтобы заблокировать его, и в то же время он пригнулся и сменил стойку. Я последовал за его движением, используя его потерю равновесия.

Я залез под его сеть, низко толкаясь. Я вонзил в него лезвие на полдюйма. Затем он развернул свою руку, чтобы отразить мой выпад. Это произошло так быстро, что Осман и компания все еще пытались понять это, когда он повернулся и бросился на меня.

Пройдя мимо него в своем выпад, я попал в центр ринга, и когда он налетел на меня, я выскочил из-под его натиска и ударил его ногой в спину, когда он прошел мимо.

Наступила мертвая тишина. Это был их чемпион, у которого по животу текла кровь, на камни падали красные капли, и, для уверенности, трусливый шпион-янки только что ударил его ногой по спине. Они поняли сообщение, и раздались громкие крики смеха. Теперь кошачьи крики были для Эль-Феддана. Что он такое, курица вместо быка?

Арабы любят подшучивать. Толпа поняла, что я сыграл свою игру. Они это оценили. Бык этого не сделал, чего я и хотел. Мне не удалось поймать его, убедив его, что я не стою его времени. Теперь моим единственным преимуществом было то, что он настолько заигрался, что потерял рассудительность.

Когда он повернулся ко мне, ухмылка исчезла, желтые глаза загорелись. Пот, стекавший по его груди, блестел на солнце. Он остановился и сунул нож в зубы. Затем он использовал

руку с ножом, чтобы размазать кровь из раны по всей груди и лицу. Значение ускользнуло от меня, но я закончил его туалет, ударив его ногой в пах. Он получил удар по бедру, и мне показалось, что я ударил плугом о каменную стену.

Толпа была очень взволнована. Они знали, что будет интересно. Я слышал крик Ханса: «Отруби ему голову, Нед!» Затем я выключаю звуки, концентрируюсь на выживании.

Мы кружили, он притворялся, ища лазейку. Я взял свою сеть и снова держал ее в левой руке. Теперь вместо широко открытой стойки я столкнулся с ним в приседе фехтовальщика, наполовину вытянув руку с ножом, сетку вверх и свесив. Я не мог позволить себе вздохнуть, но начал насмехаться над ним.

«Бык! Ты не бык, ты даже не корова — жирная верблюжья шкура, набитая экскрементами свиньи!»

Это привело его в бешенство. Он сделал выпад из сети высоко и бросил низко. Я никогда не видел более быстрого движения. Несмотря на то, что я отскочил назад, сеть защемила мою правую ногу, почти споткнув меня. В то же время я только наполовину уклонился от его продолжения, поскольку он пытался поймать мою руку с ножом, схватив мое запястье. Вместо этого он получил мое плечо. Его собственный нож налетел на меня, рассекая вверх. Я почувствовал, как он ударил меня по ребрам, когда повернулся вправо и полоснул ему горло, заклеив грудь. Затем я развернулся и ударил сеткой ему в лицо, освободив плечо. Его рука вцепилась мне в горло. Наши ножи звенели и искрились. Он сделал шаг назад, чтобы уйти от моей сети прямо перед его лицом, и я вырвался из его сети. Потом я двинулся в атаку, а он отскочил.

Мы занимались этим недолго, но казалось, что это очень долго. Мой рот был высохшим отверстием для воды. Дыхание было горячим и прерывистым. Боль в правой ноге играла аналогично удару барабана в моей голове. Я пролил больше крови, чем он, но у него ее было еще больше. Я сделал еще один шаг вперед, ухмыльнулся ему, размахивая ножом.

Будь то гордость, рев толпы или ярость при мысли о том, что его побьют, он бросился в атаку. Я упал на спину, поднял его на ноги и катапультировал над головой. Он приземлился лицом вверх перед Османом, на мгновение ошеломленный.

Толпа съела это. Он оторвался от земли, низко согнувшись, хватаясь за мои ноги. Я прыгнул над его ножом, но он был прямо за ним, и у меня не было времени уклоняться от его стремительного рывка. Его сеть исчезла, но не рука, которая ее держала. Он попал мне в запястье с ножом. Его клинок вернулся для смертельного удара. Когда время истекло, я выложился изо всех сил, чтобы заработать дополнительное очко.

Очень много чувствительных частей тела. Но помните об этом: если вы когда-нибудь окажетесь в ловушке близко, нет более удобной точки контакта, чем голень вашего врага. Там ничего нет, кроме костей и нервов. Передняя часть моих туфель была усилена тонкой металлической лентой как раз на такой случай.

Эль-Феддан запрокинул голову и зарычал к Аллаху, его рука с ножом повисла в середине удара. Я в карате порезал его запястье, вырвал руку с ножом и тыльной стороной перерезал горло от уха до уха.

Он упал на колени, задыхаясь, пытаясь восстановить повреждение руками. Артериальная кровь хлестала между его пальцев. Эль-Феддан упал, его тело содрогнулось, его пятки начали топтаться. Если не считать звуков его смерти, царила абсолютная тишина. Осман пристально смотрел, как его чемпион отправляется в рай.

Обычно во время боя быков тореадору, который забивает быка насмерть, награждают

уши. Я подумал об этом, но потом решил, что достаточно сильно воспользовался своей удачей. Вместо этого я подошел к столу, смахивая пот с глаз, и положил на него окровавленный нож. «Пусть тысяча гурий приведет его к отдыху», — сказал я.

Исход поединка потряс старого Османа. Его сыновья все были за то, чтобы прикончить меня тут же. Он заткнул их. Эль-Феддан лежал в огромной луже собственной крови, мухи нападали на него, канюки уже кружили. Оборванная рота солдат молча стояла в ожидании команды своего предводителя. Ганс не мог отвести глаз от мертвеца, а Эрика не могла отвести глаз от меня.

Шейх встал и посмотрел на меня. «Ин-ллах, ты мужчина, шпион-янки, большой человек. Если бы все было иначе, я мог бы использовать тебя. Я подумаю, прежде чем решу, что делать». Он повернулся к бородатому офицеру, стоявшему со скрещенными руками в конце стола. «Поместите их в камеры!»

«То, что о ней?» правый сын указал.

Отец проигнорировал его. «Двое мужчин в одной камере, женщина отдельно».

Я легко выдохнул. Если бы его реакция была иной, он был бы моим заложником с ножом у его горла. Я зажал клинок эль-Феддана, и он воткнулся в задний карман.

Войска начали отходить. Был отдан приказ убрать труп. Дуза стоял в стороне, стараясь держать язык за зубами. Когда мне разрешили надеть рубашку, я позволил свисать хвостам, которые скрывали рукоять ножа.

Охранник из шести человек окружил нас троих и увел нас обратно в здание.

«Боже, если я доживу до ста лет, — вздохнул Ганс, — я не надеюсь снова увидеть что-то подобное».

«Заткнись!» — сказал командир отделения по-арабски.

Они поместили Эрику в первую камеру прямо напротив караульной. «До скорой встречи, дитя», — сказал я. «Поддерживайте настроение».

«Я попробую», — прошептала она.

Они засунули нас в камеру, которую я занимал раньше. Как я и предполагал, они связали нам руки и ноги и оставили нас в вонючей темноте.

Ганс начал бормотать.

Я перебил его. «Как сказал другой мужчина, заткнись, старина».

Он остановился посреди крика.

«А теперь ответь мне на вопрос, сможешь ли ты управлять DC-3 со мной в качестве второго пилота?»

«Дакота? Конечно, но...»

«Хорошо. У нас есть дела». Я рассказал ему о ноже, и мы маневрировали, пока не встретились спиной к спине. Как механик, его пальцы были ловкими и уверенными. Он вытащил лезвие из моего кармана с первой попытки, и шнуры из пальмового волокна на моих запястьях пропилили за пару минут. Нам пришлось работать быстро по нескольким причинам. Если бы кто-то внезапно понял, что нож эль-Феддана пропал, у нас бы быстро появилась компания.

«Я полагаю, у тебя тоже есть ключ от замка». - прошипел Ганс.

«Нет, у тебя есть. Я хочу, чтобы ты начал кричать».

«Змея?»

«Это мой мальчик. Какой бы вердикт ни вынес Осман, он хочет, чтобы мы были в хорошей форме, когда он его вынесет. Если мы умрем от укусов змей, наши надзиратели

тоже будут мертвы. По крайней мере двое из них прибегут. Я хочу, чтобы вы сели в углу спиной к стене, руки за спиной, веревка вокруг лодыжек. Вы начинаете кричать и не останавливаетесь, пока они не зайдут. После этого не двигайтесь и не делайте ничего, пока я вам не скажу. Понял?»

«Да, конечно, приятель, как хочешь».

«Начну кричать». — сказал Ханс, и по тому, как он продолжил, я начал задаваться вопросом, не попали ли мы в кучу змей. Из-за его воплей я услышал приближающуюся охрану.

Ключ был в замке, задвижка выдернута, дверь распахнулась. Номер один с заряженным АК-47 наготове, свет за его спиной заливал камеру. В тот момент нож Эль-Феддана убил его. Его жертва ещё не упала на пол, пока я не взял за спину другого. Я ударил его головой о стену, развернул и сломал ему шею ударом карате.

«Снимите их джеллабы и наденьте одну из них, кефию тоже», — приказал я, быстро оглядывая коридор.

В поле зрения никого не было, и я бросился бежать. В одной руке у меня был Пьер, в другой — АК. Мне не хотелось его использовать по очевидным причинам. Это было шоу Пьера. Один запах его духов — и это был последний запах.

Когда я добрался до караульной, один из тюремщиков начал выходить, чтобы провести расследование. У него было время открыть рот. Ствол автомата Калашникова отбросил его назад и отключил любой голосовой отклик. Пьер приземлился на стол с открытым клапаном, где сидели остальные трое. Я закрыл дверь. С другой стороны послышалось слабое царпанье. Это все.

Я сосчитал до десяти, выпустил воздух из легких, а затем сделал глоток. Я вошел и закрыл за собой металлическую дверь. Пьер лежал на полу и смотрелся как грецкий орех. Его жертвы были крупнее. У второго, который я обыскал, были ключи.

В Эрике было много вещей, которые мне нравились. Во-первых, она могла выдержать это и сохранить равновесие. К тому времени, как я вывел ее из камеры и направил в нашу, я дал ей план, и она была готова к переезду.

«Я знала, что ты придешь», — все, что она сказала. Потом она смотрела в коридор, пока я надевал джеллабу и куфию, и мы были готовы выехать.

План был прост. Я не знал, где был Осман, но мы с Гансом собирались вывести Эрику из этого места, как если бы мы это сделали. Мы прошли по коридору и поднялись по лестнице, настоящий военный эскорт. Я показал Гансу, как стрелять из АК с предохранителя и стрелять автоматически. Как автомат Калашников на самом деле является пулеметом.

Когда мы подошли к входу, я заметил, что там было намного темнее, чем раньше. Когда я приоткрыл дверь, я понял почему. Голубое небо почернело. Нас ожидала облачная облачность. Аллах действительно был милосерден. Я видел полдюжины солдат, направлявшихся в укрытие в левом крыле здания.

«Мы спускаемся по ступенькам и прямо через ворота», — сказал я. «Если Ситроен не пойдет, мы попробуем один из джипов.

Если нет транспорта, мы уплывем с горы».

Сильный раскат грома заставил Эрику подпрыгнуть.

«Извини, что мы не взяли зонтик», — улыбнулся я ей. «Пойдем, пока не пострадали от града».

Когда мы вышли за дверь, ветер опоясал нас. Не было времени любоваться видом, но я

увидел, что по долине к нам приближается шторм. Небо внизу было бледно-желтым, а сверху чернила * рассыпались неровными полосами молний.

Когда мы прошли через ворота, внутрь бежали новые люди. Они бросили на нас любопытные взгляды, но слишком торопились, чтобы избежать надвигающегося потопа, чтобы сделать это быстрее.

Ситроен исчез, как и джипы, а это означало, что Осман и компания переехали в другое место. Это были хорошие новости.

Ганс сказал плохие слова. «Как, черт возьми, мы собираемся отсюда выбраться?»

«Этот грузовик». Я указал на большую машину, спускающуюся по горной дороге. К тому времени, как я был на расстоянии оклика, я увидел, что водитель планирует остановиться и переждать бурю. Мудрец. Его грузовик представлял собой открытую платформу. Измученный и в синяках, он не мог справиться с огромным количеством валунов, которые таскал.

Я помахал ему, чтобы он остановился, когда раздался гром. Он нервно ухмыльнулся мне, пока мы проходили ритуал. «Друг, — сказал я, — ты отвезешь нас в Будан».

«Несомненно, капитан, когда шторм пройдет».

«Нет, сейчас. Это очень срочно». Я подал Эрике знак обойти такси и залезть в машину. «Это приказ».

«Но ведь у вас есть джипы, там, за стеной!» он жестикулировал.

«Не хватает бензина». С выгодной позиции на дороге я увидел, что мы пропустили джипы, потому что их занесли внутрь и припарковали в конце здания. Они имели в виду возможное преследование.

«Но... но буря!» — возмутился водитель. «И нет места!» он замахал руками.

«Вы с Шиеком Хасаном Абу Османом?» Я поднял ствол АК, и улыбка исчезла.

«Да, да! Всегда!»

Раздался гром, и ветер утих. Я почувствовал первые сильные падения. «Ганс, найди к Эрике. Когда мы спустимся с горы, пусть он повернет на первом перекрестке».

«Где ты собираешься быть?»

«Я приму столь необходимую ванну в каменной кучке. А теперь иди!»

К тому времени, как я перелез через заднюю дверь, дождь начал лить. Я устроился среди камней, когда грузовик включил передачу и выехал на дорогу. Я знал, что через несколько минут видимость упадет до пятидесяти футов или меньше. Я не боялся, что меня забьет до смерти ледяной водой, но, несмотря на шанс арьергарда, я был готов принять наказание.

Наш побег занял не более пяти минут. Благодаря погоде и этому грузовику все прошло гладко. Однако я не думал, что мы так легко уйдем, и был прав.

Грузовик только что проехал первый широкий поворот от плато, когда из-за ударов грома и грохота наводнения я услышал вой сирены.

Дождь превратился в ослепляющий поток, пронизанный ослепительными вспышками молний. Те, кто находился в преследующем французском джипе, имели преимущество, находясь под прикрытием. У меня было преимущество неожиданности.

Наш водитель ехал на низкой передаче, медленно двигаясь вниз по склону, и джип Панара быстро подъехал. Я подождал, пока он вот-вот развернется, чтобы опередить нас, прежде чем я вызвал две очереди на его передние колеса. Я попал в грязь.

Я заметил смутное пятно на лице водителя, отчаянно пытающегося исправить

вращающийся занос автомобиля. Затем он вылетел с дороги и упал в пропущенную дождем канаву. В ярком свете молнии я увидел еще двоих, похожих на летящих на нас джипах. Ведущий установил пулемет 50-го калибра.

Пулемет открылся одновременно со мной. Задняя дверь лязгнула, и камни вокруг меня запели с рикошетом. Моя цель была более прямой. Пулемет остановился, но сквозь завесу дождя я увидел второго человека, поднимающегося за ружьем. Я пошел за водителем, и автомат Калашникова щелкнул пустым. У меня не было запасных патронов.

Второй стрелок потянулся за шинами, что дало мне шанс перебросить валун через дверь багажника. Это была большая зверюга, и если бы ее не расположили так, чтобы я мог использовать ее при помощи винтовки, я бы никогда не поднял ее.

Джип находился слишком близко, и наводчик бросал свинец по всему ландшафту, а водитель пытался уклониться от того, что он, должно быть, видел. Его цель была не лучше, чем у человека с пистолетом. Он ударился в валун, и Panhard буквально раскололся пополам, выбросив наездников, как тряпичных кукол.

Мы тоже были не в такой хорошей форме. При всей своей стрельбе наводчику удалось в что-то попасть, и когда я увидел, как он мчится в полете, я почувствовал, как кузов грузовика начал раскачиваться. Водитель тоже почувствовал это и боролся с заносом. Я знал, что если я упаду с ношей, меня не нужно будет хоронить. Я потерял равновесие, но прыгнул за край двери багажника. Я схватился за него, когда кузов грузовика опрокинулся и поехал боком по дороге. Как бы медленно мы ни ехали, вес груза придал движению инерцию. Результат мог быть только один.

У меня была одна нога за бортом, когда он начал переворачиваться. Наклон дал мне рычаг, необходимый для того, чтобы оторваться. Я ушел в прыжок назад и приземлился в грязь мягкого плеча. Даже когда я ударил, я увидел, как фургон перевернулся. Звук, который он издавал, был на одном уровне с грузом. Груз, ослабевший на спуске, рухнул лавиной. Все, что имело значение, — это кабина грузовика. Он был освобожден от груза. Либо Аллах, либо водитель не дали ему выйти из-под контроля. Он остановился на противоположной стороне дороги в дренажной канаве, вода из ручья хлынула на его передние колеса.

Я выбрался из ила и побежал к нему. Краем глаза я увидел, как третий джип медленно маневрирует сквозь обломки своего близнеца. Я добрался до кабины и распахнул дверь. Все трое тупо посмотрели на меня. Не было времени для разговоров. Я схватил АК на коленях Ганса.

«Привет!» Это все, что ему удалось, и я понял, когда я развернулся в поисках быстрого укрытия, он меня не узнал.

Видимость пятьдесят футов? Было не больше двадцати. Дождь был моим союзником. Последний Панар осторожно прошел сквозь него. Те, кто находился там, видели разрушение второго джипа и крушение грузовика — по крайней мере, в той степени, в которой они могли видеть что-либо в деталях. Они не видели меня лежащим в луже у канавы. Они проползли мимо. Я приподнялся и пошел по следам джипа на слепой стороне. Он остановился недалеко от кабины.

Их было всего двое. Они вышли, с АК наготове. Я подождал, пока они не окажутся между такси и джипом, прежде чем крикнуть на них.

«Бросьте оружие! Двигайся, и ты мертв!» Вспышка молнии озарила нас в залитом натюрмортом. Я подождал, пока гром не стихнет, чтобы рассказать им больше. «Бросьте оружие перед собой!»

Тот, что слева, сделал это быстро, надеясь развернуться и прижать меня. Вместо этого я пригвоздил его, и он оказался на вершине своего оружия. Мужчина справа сделал, как ему сказали.

«Перейди дорогу и продолжай идти, пока не достигнешь долины». Я заказал.

Он не хотел этого делать. «Но меня унесет в воду!»

«Сделай свой выбор. Быстро!»

Он пошел. Я знал, что он далеко не пойдет, но он пойдет достаточно далеко. Я наблюдал за ним, пока он не исчез под дождем. Затем я вернулся в такси.

Вода в канаве поднималась, и ее сила раскачивала нос. Я распахнул дверь и сказал: «Давай, убирайся оттуда, пока не пересекли Ниагрский водопад».

«Мой грузовик! А мой грузовик!» водитель причитал.

«Скажите своему благодетелю, Хасану Абу Осману, чтобы он купил вам новый. Идемте, вы двое, — сказал я по-английски, — мы не хотим пропустить наш рейс».

К тому времени, как мы спустились с горы, самый сильный шторм прошел. Panhard давал нам официальное прикрытие до тех пор, пока нас не останавливали на КПП. Нам повезло, потому что ливень загнал всех внутрь. Я беспокоился о затоплении дороги, но она была построена с учетом этой мысли. Дренажные вали с обеих сторон были широкими и бурными.

И Эрика, и ее отец молчали обо мне. Отсроченный шок с одним шоком поверх другого. Если вы не обучены этому, он может превратить вас в тыкву.

«Это был напряженный день», — сказал я. «Вы отлично справились — осталось пересечь еще одну реку».

«Как мы заберем отсюда этот самолет?» В своей галлабии Ганс выглядел как нечто из Бо Честе, а у меня была вся привлекательность груди мокрого белья.

«У нас не должно быть особых проблем», — сказал я, не желая, чтобы они снова напряглись. «Пилоты были взяты в плен. (Я не добавил, и, вероятно, расстреляны). Эта машина — служебная». Я похлопал по рулю. «Это не будет выглядеть подозрительно, когда я приеду на поле и припаркуюсь рядом с самолетом. Вы встаете в кабину и начинаете движение. Эрика, садись на борт и расслабляйся. Я вытаску стопра и позабочусь о всем остальном».

«Вы получили то, для чего пришли сюда?» Она сказала это очень тихо, глядя прямо перед собой.

Прямой ответ был отрицательный. Все это было бумажной погоней. Из этого вышел только один осязаемый факт. Дуза. В качестве двойного или тройного агента его интерес к возможной осведомленности Ханса Гейера о катастрофе был чрезмерно очевиден. Да, приведите его на допрос. Застрелить его, да. Но проверить его так, как он сказал, было совсем другим.

«Ганс, — сказал я, — что насчет тебя, ты получил то, за чем пришел?»

Он сел прямо, возвращаясь к жизни. «Боже, да! Я забыл! Я был прав, я нашел это! Я...»

«Хорошо, хорошо», — засмеялся я. «Расскажи мне об этом, когда мы выберемся из этого садового места».

«Но я всегда был прав! Я чертовски хорошо знал, как они это делают!»

«Хорошо. Впереди аэропорт. А теперь обратите внимание. Если я не скажу вам иначе, даже если нас остановят, план остается в силе. Заберитесь на борт и заставьте моторы работать. Думаете, у вас получится?»

«Да, да, конечно».

«Еще один вопрос, может ли Осман поставить что-нибудь, чтобы нас сбить?»

«Нет, здесь нет бойцов. Лучшее, что у них есть, — это слабая охрана».

«Если дела пойдут плохо, не начинай подниматься, пока я не сделаю этого».

Я открыл окно. Дождь утихал, но все же это было что-то более сильное, чем послеобеденный душ. «Кто из вас родился под знаком Воды?» Я сказал. «Я думаю, она на нашей стороне».

«Я тоже так думаю», — сказала Эрика. «Кто ты?»

«Скорпион.»

«Не эпоха Водолея». Она слабо улыбалась.

«Твоя улыбка — лучший знак из всех... Ладно, поехали».

Мы ехали по кругу, шины поливали водой, шипя на асфальте. За пределами терминала никого не было. Я ехал по дорожке, ведущей к воротам. Поперек него была цепочка из звеньев. Его щелчок затих в ударе грома.

Башня аэропорта возвышалась над терминалом. Его вращающийся маяк был в действии. Наверное, дежурит пара операторов. Я повернулся к трапу и медленно проехал мимо фасада здания, прижимаясь к его выступу, чтобы меня не заметили сверху.

Стеклянные окна терминала были залиты дождевым стеклом, но я мог видеть движение позади них. «Место полно солдат!» Ганс ахнул.

«Нет проблем, они держатся подальше от сырости. Помните, мы выйдем так, будто мы на их стороне».

Я подошел к концу здания и сделал поворот. Из-за дождя самолет не находился под охраной, что стало для нас очередной передышкой. Он стоял один, ожидая.

«Ганс, если начнется стрельба, запусти двигатели и уходи отсюда. В противном случае подожди, пока я присоединюсь к тебе в кабине».

«Дайте мне пистолет с джипа, — сказала Эрика, — я могу вам помочь».

«Ты можешь помочь мне в кабине», — сказал Ханс.

«Дверь кабины закрыта, значит, она заперта?»

«Нет, там нет внешнего замка». Ганс вздохнул.

Я отскочил от стены здания и приподнялся параллельно фюзеляжу, но достаточно далеко, чтобы хвост мог проскользнуть мимо джипа.

«Хорошо, друзья», — улыбнулся я им. «Вернемся к Ламане. Ганс, открой дверь и входи. Не торопись, веди себя естественно. Я скажу тебе когда, Эрика». Я позволил двигателю поработать на холостом ходу.

На мгновение, наблюдая за Гансом, я подумал, что он ошибался, говоря, что дверь кабины не заперта. Он не мог открыть его. Эрика втянула воздух. Затем, повернув и потянув, он вытащил его. Оказавшись внутри, он повернул дверь и показал большой палец вверх.

«Хорошо, Эрика, иди, как будто это была дневная прогулка под дождем».

Когда она поднялась на борт, я ждал, наблюдая за реакцией терминала. Если бы это превратилось в перестрелку, я бы использовал джип, чтобы отвести погоню. Небо прояснилось над горами на севере и западе, дождь перешел в морось.

Мальчики скоро выйдут подышать воздухом.

На каждом самолете есть внешние замки для рулевых поверхностей, чтобы при таком ветре, как у нас только что были сигнализация, руль высоты и хвост, не оторвались, и самолет не перевернулся. Их называют штифтами, по три на хвостовой части и по одному на

каждое крыло. Первого я как раз выпустил на хвост, когда прибыла компания.

Их было трое, и у них были наготове АК.

«Братья, — крикнул я, махнув рукой, — вы можете помочь?»

«Мы не можем летать», — ответил один из них, и другие смеялись.

«Нет, но вы можете помочь тем, кто должен. Полковник очень спешит».

К тому времени, как они проехали, у меня уже были пальцы с хвостовой части. «Крыло там, — я поднял замок, — просто сдвиньте его».

Когда они собрались для этого, я перешел в другое крыло и снял тревогу. Когда я обошел хвост, у них был замок в руке. «Да прославит тебя Аллах», — сказал я, принимая ее.

«Если бы вы летели в ту бурю, вам потребовалось бы больше, чем хвала Аллаху», — сказал самый крупный из них, глядя на мое мокрое состояние.

«Я летел в нем, но без крыльев». Я вывернул немного воды из рукава, и мы все засмеялись, когда я отвернулся от них и направился к джипу. Я сбросил груз в спину. У меня была одна из наплечных петель АК. Я проделал то же самое с его близнецом, а третий нес в руке. Моим последним ходом в джипе было отрезать выключатель и положить ключ в карман.

Трио все еще было у крыла, с любопытством наблюдая за моим приближением, но не совсем подозрительно.

«Братья, — сказал я, — не мог бы кто-нибудь из вас попросить механика в ангаре принести бутылку с огнем, чтобы мы не полетели, пока не будем готовы?»

Они не были уверены в себе насчет самолетов или бутылок с зажигательной смесью, и когда один из них начал уходить, они все решили уйти.

«Десять тысяч спасибо!» — позвал я, поднимаясь на борт.

Ганс избавился от арабских костюмов и, сгорбившись, сидел в кресле пилота, проходя последнюю проверку кабины. Эрика сидела на сиденье второго пилота, подняв руку, чтобы активировать выключатель питания.

«Все готово?»

«Когда вы.» Он кивнул.

«Вы настроены на частоту башни?»

«Да уж.»

«Дай мне микрофон, и пошли отсюда».

Он вернул его обратно. «Заряжайся», — сказал он Эрике, и кабина наполнилась нарастающим воем активизатора.

Его правая опора вращалась, а левая начинала вращаться еще до того, как башня ожила. «НАА-четыре — один — пять! Немедленно сообщайте, кто на борту!»

«Башня Будан, это полет полковника Дуза». Это остановило его на секунду, и когда он вернулся, Ганс уже рулил.

«Четыре-один-пять, у нас нет разрешения на полет полковника Дузы. Кто вы? Каков ваш план полета?»

«Буданская башня, повторяю, я не слышу вас».

«Четыре-один-пять!» его голос поднялся в регистр: «Вернись на линию полета и доложи команде аэропорта!» Я рассчитывал, что Осман не будет иметь в своем зверинце операторов диспетчерской вышки. Человек на пульте либо добровольно перешел на другую сторону, либо спас свою шею. В любом случае, он был не в лучшей форме. Он начал кричать. — «Вернись! Вернись!»

Мы ехали на взлетно-посадочной полосе параллельно взлетно-посадочной полосе, двигаясь против ветра. «Ганс, — сказал я, услышав сирену, завывающую двигателями, — если ты сможешь заставить эту птицу лететь не в том направлении, я бы не стал беспокоиться о правилах полета».

Он действовал, сдвигая дроссели до упора, наклоняясь вперед, как будто его движение могло оторвать нас от земли. Голос в башне кричал: «Мы будем стрелять по тебе! Мы будем стрелять по тебе!»

Я начал задаваться вопросом, будет ли в этом необходимость. Дросселям больше некуда было деваться. Винты были на низком шаге, смесь была аварийной, а двигатели работали на полную мощность. Но мы не летели. Пальмы на краю поля росли до невероятной высоты. Эрика наклонилась, положив руку на рычаг переключения передач. Она смотрела на своего отца, который, казалось, застыл на месте. Я стоял позади них, приглушая отчаянный голос оператора башни, не мог слышать стрельбу сквозь рев «Пратт-Уитни».

«Готовься!» — рявкнул Ганс. Я был уверен, что мы не оторвались от земли, но Эрика не спорила, и, пока она делала движения, Ганс вернул коромысло, и мы начали цепляться за верхушки деревьев. Из-за шума двигателей я слышал, как они скребли по брюху самолета.

Поднявшись в воздух, он сдвинул вилку вперед, отрегулировав дроссель, стойки и смесь. Потом вздохнул. «Человек, никогда не проси меня попробовать это снова!»

В микрофон я сказал: «Башня Будан, это NAA, четыре-один-пять. Снова и снова».

На высоте десяти тысяч футов мы были заперты в завесе тумана. Я отодвинул сиденье второго пилота назад и достал сигареты. «Вот, приятель, — сказал я, — ты заработал свою зарплату».

Занятый настройкой автопилота, он криво улыбнулся мне и сказал: «Это был какой-то день».

«Кофе Эрики должен помочь. Есть ли еще место, где можно приземлиться, кроме Ламаны?»

«Я думал об этом». Он взял сигарету, а я держал зажигалку. «К востоку от города есть старая полоса. Они использовали ее для тренировок. Может, я смогу нас туда посадить, но что потом?»

«Когда мы подойдем ближе, я организую транспорт».

Он наклонил ко мне голову, прищурившись. «Я бы ни разу в это не поверил. В любом случае, чего ты ищешь?»

«Вы давно хотели рассказать мне о катастрофе Менданике. Сейчас хорошее время. Как это произошло?»

Это его застало врасплох. «Ладно, теперь я расскажу это тебе, медленно... в секции носового колеса DC-6B есть шесть цилиндров с СО-2, по три с каждой стороны, по одиннадцать целых шесть десятых галлонов материала в каждом. Что ж, если у вас загорелся двигатель, грузовой или багажный отсек, вы запускаете это из кабины, и все шесть из них приступают к работе и тушат огонь. Теперь система работает автоматически. Газ по шлангам, идущим от баллонов, СО-2 под давлением переносится в любую точку, указанную пилотом. Вы знаете о СО-2?»

«Он без запаха. Дышать им плохо. Его нельзя отследить в кровотоке».

«Верно. Подыши достаточно, это убьет тебя, черт возьми. Теперь, если бы кто-то сделал так, чтобы газ от этих СО-два оказался в кабине, а экипаж не знал об этом, экипаж заснул довольно быстро. Ты слышишь меня?»

«Я задерживаю дыхание».

«Хорошо, теперь это требует некоторых действий, потому что, как я уже сказал, система работает автоматически, и если кто-то совершит ошибку и выпустит часть этого СО-2, кабина будет отключена от дыма. Хорошо, в В секции носового колеса есть микровыключатель на двадцать восемь В. Он подает ток на индикаторную лампу в кабине, которая показывает, когда включена передача. Теперь, если бы я провел провод от этого переключателя к электрическому соленоиду на Цилиндр номер один на каждом ряду, когда переключатель срабатывает, он высвобождает СО-два в обоих, что автоматически запускает другие четыре цилиндра. Вот как работает система, номер один идет, они все идут. Все еще следите за мной?»

«Как это вызвать?»

«Ах, в этом вся прелесть. Провод от соленоидов прикреплен к выключателю с двумя выводами и спусковым крючком. Любой механик может сделать его. Вы прикрепляете его к резиновой подушке носового колеса, чтобы, когда шестерня была поднимается, и носовое колесо убирается в корпус, оно задевает выключатель и взводит его».

«И когда шестерня опускается, она срабатывает».

«Вы поняли это! Но это еще не все. Когда этот переключатель установлен, все соединения от кабины до системы пожаротушения, за исключением соединения с носовым грузовым отсеком, должны быть отключены».

«Это большая работа?»

«Нет. Десять минут с помощью плоскогубцев, и готово. Один человек в переднем колесе может сделать всю работу менее чем за двадцать минут».

«И когда он закончил, что у тебя есть?»

«У вас есть надежный способ прикончить всех на летной палубе во время захода на посадку. Самолет взлетает, включается шасси, носовое колесо взводит спусковой крючок. Самолет готовится к приземлению, и не имеет значения где, понижается шестерня, и когда переднее колесо опускается, спускается спусковой крючок».

Электрический заряд высвобождает СО-2 в цилиндре номер один, а остальные зажигаются автоматически. Таким образом, в носовой грузовой отсек помещается около восьми галлонов СО-2. Он находится под кабиной экипажа. Он поднимается через вентиляционные отверстия, которые были закорочены, поэтому они не закрываются автоматически. Как ты и сказал, запах не чувствуется. Через три минуты после того, как вышла из строя передача, экипаж готов».

«Похоже, вы это уже пробовали».

Он усмехнулся, кивая. «Правильно, мы попробовали. Только это было после крушения. Мы пытались доказать, как произошла еще одна авария, но нас никто не слушал, и мы не могли достать обломки. Они закопали его и забрали. под охраной. Если бы я мог заполнить...»

«Является ли система пожаротушения в DC-6 специальной для него?»

«Есть и другие, в значительной степени похожие на него, но оба самолета были DC-6B, и когда я сразу услышал подробности, я подумал, что это может быть повторение. Этот полет тоже был секретным, мне точно понравился самолет Менданике. Погода была ясной, все нормально, и самолет делает делает стандартный заход на посадку и летит прямо в землю».

Было три группы следователей, и лучшее, что они смогли придумать, это то, что, возможно, команда заснула. Мы знали команду, и мы знали, что они не из тех, кто это делает, поэтому пара из нас начала собственное расследование, и это то, что мы придумали».

«Вы нашли доказательства того, что именно так разбился Менданике?»

«Черт, да! У меня было чертово доказательство! Дуза и эти ублюдки забрали его у меня. В системе четыре направляющих клапана. В каждом есть обратный клапан, понимаете? Он сдерживает вещи, пока вы не будете готовы позволить поток СО-2. Уберите обратный клапан, и весь газ пойдет по линии. Я обнаружил направляющий клапан для переднего отсека. Обратный клапан пропал с него, но не с трех других. Эти клапана...» Он всплеснул руками.

Я откинулся назад, глядя на красноватую дымку. Безусловно, это был наивный метод саботажа. «Когда Дуса допрашивал вас, вы признались, что знаете, как была проделана работа?»

«Да, конечно. Что еще я мог сделать? Эрика была...»

«Но это его не удовлетворило».

«Нет. Он хотел знать, кто это сделал. Как, черт возьми, я должен это знать?»

«Он спрашивал тебя об этом еще раз сегодня, когда тебя забрали?»

«Нет. Я не видел его, пока его головорезы не подняли меня на гору».

«Это первое крушение, которое вы расследовали ранее, произошло ли это здесь?»

«Неа.» Он снова улыбнулся. «Это была большая новость, чем эта. Это было, когда я был в Конго, прежде чем он стал Заиром. Я был в Леопольдвилле, работал на Tansair. Тот самолет звали Альбертина, а парень по имени Даг Хаммершельд был ее пассажиром номер один. Конечно, это должно было быть раньше вашего времени.»

Я не отреагировал. Я позволил ему продолжать бессвязно. Это была моя вина, что я не извлек от него информацию раньше. Я протянул руку и начал настраивать шкалу частот. «Вы рассказали Дузе о катастрофе с Хаммершельдом?»

«Нет... Нет, я так не думаю».

Я закрыл глаза и вспомнил: Катанга, отколовшаяся провинция Конго. Моше Чомбе, ее лидер, сражается против войск ООН. Британская болячка. Советские власти беспокоены тем, что их мальчик Лумумба сбил их с ног. Хрущев уже приходил в ООН раньше и предупреждал Хаммаршельда, что ему лучше уйти в отставку. Хаммершельд уехал в Конго тушить пожар. Улетает на секретную встречу с Чомбе в Ндоле. Как и Менданике, прилетевший к Осману. Самолет падает при посадке. Вердикт — приговора нет. Причину аварии так и не нашли. Ошибка пилота была лучшим, что они могли придумать... Пока не появился Ханс Гайер. Вопрос: Какое отношение имеет древняя история к украденной ядерной бомбе? Ответ: Пока ничего.

«Достаточно ли мы близки, чтобы связаться с друзьями в Ламане?» Я сказал поправить наушники.

«Попробуйте. Но что вы думаете о моей истории?»

«Вы можете продать ее за миллион долларов, но я бы подождал, пока не вернусь в Хобокен. Теперь дайте мне расчетное время прибытия, и я думаю, что вам с Эрикой лучше запланировать провести некоторое время в посольстве, пока мы не сможем перевезти вас в более здоровый климат».

«Да, думаю, пора двигаться дальше, но, черт возьми, этот ублюдок Дуза на другой стороне».

«Не рассчитывай. У этой полосы, на которую мы собираемся приземлиться, есть название?»

«Раньше назывался Кило-Сорок, потому что это сорок километров от Руфы».

«Хорошо, расчетное время прибытия».

«Скажи 18.30. Кого ты собираешься вызывать, Посла?»

«Нет, его босса». Я поднял микрофон. «Чарли, Чарли, это Пайпер, это Пайпер». Я повторил звонок трижды, прежде чем вернулся статический ответ.

Свино-латынь — это устаревший детский язык, в котором вы ставите последнюю часть слова перед ним, а затем добавляете ай, вроде, илкай умбай — убей бездельника. Он отлично работает там, где его использование неизвестно. Вы говорите открыто — и ваше сообщение краткое. Я был уверен, что Чарли из посольства сможет переводить.

Я дал ему дважды и получил ответ, который хотел.

«Илокай ортыфай — eeneightay irtythay, — сказал я, — килограмм сорок, восемнадцать тридцать».

Ответ был: «Иадингрей, ояя, удлей и ушная глина — читают вас громко и отчетливо».

«Разве ты не такой навороченный?» — усмехнулся Ганс. «Я не пользовался этим с тех

пор, как был в Икерсне».

«Будем надеяться, что никто другой тоже».

То, что я хотел послать вместо того, где и когда сигналом, было призывом к АХ передать свой файл о катастрофе Хаммершельда в сентябре 1961 года. Дело давно прошло, но я однажды видел на нем файл, и я знал, что он был в списке. под специальной зеленой картой, которая означала — «Вероятное убийство». Но даже на свиной латыни я не мог рискнуть. Дуза хотел знать, знал ли Ганс, кто подорвал самолет Менданике. Если бы между этой аварией и аварией почти пятнадцать лет назад существовала связь, то появление имени Хаммершельд на открытой радиочастоте в любой форме не могло быть случайным. В технике уничтожения обоих самолетов не было ничего из стран третьего мира или бесхитростной техники. Это было первым признаком того, что в NAPR может быть кто-то с техническими знаниями — вроде того, что было связано с кражей Coskeye и ДПЛА.

«Ганс, во время крушения Хаммершельда, ты хоть представлял, кто за этим стоит?»

«Нет. Было много персонажей, которые хотели избавиться от старого Дага. Самолет долго не охранялся, прежде чем взлетел. Любой механик...»

«Любой механик мог это сделать, но кто-то должен был сначала выяснить это. Вы когда-нибудь видели кого-нибудь в Ламане, которого вы знаете из времен Конго?»

«Если есть, то я их не видел. Конечно, это было давно. Эй, а ты куда?»

«Поставить еще кофе и проверить Эрику».

«Боже, можно мне выпить! Но я соглашусь на кофе».

Эрика сидела на диване, свернувшись калачиком на одеяле. Я начал отходить от того места, где она лежала, когда ее рука обвилась вокруг моей ноги. Она открыла глаза и усмехнулась. «Я хотел, чтобы ты пришел».

«Тебе следовало нажать кнопку вызова».

Она скинула одеяло. В бюстгальтере и трусах бикини она вылечила бы чьи-либо воспаленные глаза — просто для начала. «Я хочу, чтобы ты сделал мне одолжение...»

Я стоял и смотрел на нее. Улыбка исчезла, голос звучал у нее в горле. «Не думаю, что у нас много времени», — сказала она, поднимая руку вверх по моей ноге.

Я оказал нам обоим услугу. В конце концов, времени было мало. Я выскользнул из собственной одежды, а она выскользнула из того маленького, что было на ней. Я осторожно лег на нее на кушетке, и в мгновение ока наши тела стали единым целым, когда мы двигались вместе, сначала медленно, затем еще более настойчиво, пока мы оба не задрожали в союзе, согнулись вместе...

После того, как я снова уложил ее, она открыла вялый глаз и положила руку мне на затылок. «Как вы думаете, я когда-нибудь узнаю, кто вы?»

«Когда у нас будет возможность, я вам скажу». Я сказал. «Хочешь кофе?»

«Это будет хорошо». Она усмехнулась, причмокнула и закрыла глаза.

Я приготовил кофе.

Когда мы приблизились к Кило-Сорок, Ганс потерял высоту и изменил курс. Мы вошли в изгородь, надеясь на вершины дюн, не только для того, чтобы уйти от радиолокационного контроля Руфы, но и чтобы скрыть возможное визуальное наблюдение.

Ганс был так же хорош в качестве почтового голубя, как и в качестве механика, потому что внезапно мы летели над полосой бетона, занесенного песком. Я заметил полосу после того, как увидел припаркованный рядом Land Rover. С подвески двигателя развевался американский флаг. Рядом с ним два человека наблюдали за нами.

Я наблюдал за авиадиспетчером Руфы, и когда Ханс пролетел мимо, чтобы проверить состояние взлетно-посадочной полосы, я услышал знакомый голос. Это был Дуза, едва слышный голос. Он назвал себя и позывные Бич-близнеца. Он предупредил Руфу, чтобы тот выслеживал нас и сбивал нас, если мы не подчинимся приказу приземлиться. Если нас заберут живыми, нас задержат до его прибытия.

«Это может быть немного грубо», — сказал Ханс. «Может, тебе лучше вернуться и посидеть с Эрикой на случай, если эти трещины больше, чем они выглядят отсюда».

«Просто опусти ее, приятель, я займусь механизмом и закрылками по твоей команде». У него было достаточно, чтобы подумать, и я не сказал ему, что у нас может быть компания.

Он вел старую птицу к посадочной полосе с достаточной мощностью, чтобы он мог снова быстро взлететь, если обнаружит, что полоса слишком разорвана или смещена.

Когда мы подъехали к ухабистой остановке на полпути к размытой взлетно-посадочной полосе, я сказал: «Ганс, ты настоящий профи. А теперь отключи переключатели и давай убираемся отсюда».

Эрика уже была у двери каюты, открывая защелку, когда я шел по проходу. «Не оставляй ничего, что принадлежит тебе, дорогая», — сказал я.

«Я не так много принес». Она улыбнулась мне. «Что теперь?»

«Теперь мы едем, а не летим».

«Куда угодно с тобой», — сказала она, и мы распахнули дверь.

Саттон стоял внизу и смотрел на нас, за ним капрал Симмс.

«Рад, что ты смог это сделать», — сказал я, спрыгивая вниз. Я держал руку за Эрику.

«Нам лучше двигаться», — сказал он, глядя на нее.

Когда мы сели в Land Rover, свет разгорался быстро, что было одним из хороших слов о вечерних сумерках в пустыне.

«Я не думаю, что тебя заметили». Саттон повернулся к нам лицом, чтобы снова исследовать Эрику.

«Это мисс Гайер и мистер Гайер», — представился я. «Их нужно будет разместить в посольстве на данный момент».

«Они могут захотеть быстро улететь отсюда. Я объясню позже. Какая ситуация в Ламане?»

«Примерно, как мы и ожидали, на похоронах поднялось много шума, толпа у посольства. Сейчас все тише. Я полагаю, вы знаете, что Осман забрал Будан. Тасахмед строит планы вернуть его. Кажется, здесь он все твердо контролирует».

«Что-нибудь происходит снаружи?»

Он отвел взгляд от Эрики. «Ничего общего не известно», — твердо сказал он. Был

очевидно, что его собственная штаб-квартира проинформировала его, вероятно, из-за той вони, которую он поднял по поводу моего присутствия на месте происшествия. Но что бы он ни знал и что бы ни думал, меня интересовал только один момент. Тот, кто украл «Петушок» и ДПЛА, еще не объявил об этом публично.

Мы ехали по тому, что когда-то было подъездной дорогой. В сумерках капрал вытащил вездеход по крутому склону и выбрался на лучшую дорогу. Я спросил. — «Капрал, вы можете послушать Руфу на этой штуке?»

«Да, сэр. Мы наблюдали за ними», — сказал он, его рука переместилась к шкалам настройки на приемнике на пьедестале. Раздался голос, говоривший по-французски, а затем повторявшийся по-арабски, предупреждая бойцов, чтобы они высматривали нас к югу от Ламаны.

«Похоже, вы прибыли как раз вовремя», — попытка Саттона высохнуть была слегка влажной.

В посольстве именно Паула провела Эрику и ее отца куда-то, где была горячая вода и еда. Она также сообщила мне, что я получил специальное приглашение взять интервью у мадам Менданике в Президентском дворце завтра в четыре часа дня. Оказалось, что Шема искала ответную встречу.

Потом я остался наедине с Саттоном. «Ты мог бы сказать мне, — сказал он, его тон указывал на то, что все было бы иначе, если бы я сделал это. — Конечно, я думаю, что нахождение Петушка где-нибудь в радиусе тысячи миль отсюда — чистая чепуха».

«Тогда какой смысл тебе говорить?»

«Нет абсолютно никакой связи между смертью посла Петерсена и кражей», — сказал он. «У нас есть грузовик, и полиция нашла водителя. Он во всем признался. Это была чертова глупая авария».

«Жизнь полна ими, не так ли. Спасибо, что подобрали нас». Я отвернулся и поднялся по лестнице, направляясь в комнату связи.

Чарли Нил оставил меня одного в звукоизолированной кабине со скремблером, а сам пошел устанавливать правильное соединение. Скремблер — великое изобретение. Он работает в электронном виде, превращая ваши слова в непонятные, а затем выплевывая их на другом конце, как новенькие. Скремблер имеет один недостаток. Если их отслеживает третье лицо, слова могут быть расшифрованы в пути с помощью еще более простого электронного устройства. Таким образом, очень многие государственные секреты стали известны очень многим. Противодействием этому является наличие постоянно меняющегося кода внутри скремблера. Это делает невозможным контролируемый перевод. По крайней мере, пока.

У АХ был такой код, и, дав Чарли Нилу особую последовательность набора, я знал, что Хоук и я будем разговаривать конфиденциально, хотя и долго, из-за длинных пауз, необходимых для скремблирования.

Я не тратил время на приветствия. «Катастрофа Хаммаршельда». Я сказал. «Выводы относительно мотивации и индивидуального участия».

Даже через скремблер голос Хоука обладал такими же драйвовыми качествами. «Запрос проверяется. Между тем, нет никаких положительных указаний из каких-либо источников относительно местонахождения пропавшего оборудования. Немецкая пресса сообщила о слухах об исчезновении. Бундесвер и SHAPE опровергли это. Кремль угрожает обнародовать объявление в 12.00 по Гринвичу завтра, если проблема не исчезнет. решено».

Он перестал говорить; и я сидел, ничего не говоря, ожидая, что он ответит на мои вопросы. О хищении ядерных материалов — о его растущей возможности — написано много. Также было написано, что мы на Западе настолько привыкли к террористическим действиям, что угроза ядерного шантажа будет просто рассматриваться как следующий шаг в растущем масштабе насилия. Я не купил это.

Сделанное Кремлем заявление станет смертельным психополитическим ударом для НАТО и США. Это вызовет всеобщее возмущение. И единственное, что решало, это вопрос о том, у кого был Петушок и куда он был направлен. В результате может возникнуть ядерная конфронтация, в результате которой все остальное будет казаться незначительным.

Голос Хоука прервал мои мысли, вызванные скремблером. «Заключение АХ о катастрофе в Хаммаршельде было возможным саботажем с использованием необнаруживаемого газа. Механических доказательств не обнаружено. Подозрения сосредоточены на докторе Корнелиусе Мертенсе, гражданине Бельгии. Мертенс, долгое время работавший в КГБ, специализирующийся в технических областях, одновременно выполнял функции службы безопасности Организации Объединенных Наций офицер. Мертенс не склонен к дисциплине.

Возможно, он действовал самостоятельно в Конго. Сообщается, что он был убит в Египте во время войны 67-го».

Когда Хоук передал отчет, мои надежды открыли глаза. Он снова был закрыт. Я сидел с закрытыми глазами: «Насколько точен отчет о его смерти?»

Я ждал. «Известно, что он находился в штаб-квартире Мухабарата в Порт-Саиде. Здание было взорвано, выживших нет. С тех пор Мертенса не видели».

Это было похоже на тупик. У меня был последний туз. «Был ли доктор Отто ван дер Меер в Египте во время войны 67-го?»

Это было самое долгое ожидание. Когда Хоук снова заговорил, даже поверх скремблера наждачная бумага была более светлой. «Утвердительно в отношении ван дер Меера. Он был там в июне. Сообщалось, что он заболел. После войны его никто не видел, пока он не появился в сентябре в Алжире».

«Я буду поддерживать связь», — сказал я.

Пока я принимал душ и брился в квартире Саттона, водитель посольства вернул мой Fiat в целостности и сохранности. На все вопросы ему давали правильные ответы, но некому было их задать.

Саттон очень хотел все узнать и очиститься от прошлых грехов. Все, что я хотел от него, — это карта города. Пока я ее изучал, зазвонил телефон. Это была Паула. Ужин был бы готов, если бы мы были голодны. Мне не хотелось отказываться от удовольствия. Я сказал Саттон извиниться. Потом я ушел с места. Я устал от людей на моем пути, официальных или иных. Когда у меня есть работа, я предпочитаю делать ее в одиночку.

Вилла Ван дер Меера находилась на улице Флажей, в нескольких кварталах от центральной площади. Я снова припарковался перед зданием полиции. Я хотел испытать атмосферу Ламаны на следующий день после больших похорон. «Тихо» было подходящим словом. Войска ушли. Охранники милиции бездельничали в арке, курили сигареты и болтали. Они бросили на меня только взгляд. Похоже, Тасахмеда беспокоил только гнев Шемы, а в Будане — оккупация Османа. Первую ему хотелось приручить, а другого он сможет поймать, когда будет готов.

Я пересек парк в тускло освещенной темноте, зная, что, если это увлечение приведет только к соевым бобам и хлопку, мне придется подать сигнал Хоуку о неудаче и уйти. То, что Мертенс мог быть дублем ван дер Меера, было вполне возможным. Маскировка и покраска кожи — не проблема для профессионала. Также можно получить опыт в сельском хозяйстве. Поскольку Африка и ООН были их совместными районами операций, Мертенс вполне мог имитировать ван дер Меера, и если бы ван дер Меер умер в результате несчастного случая или по указанию во время Шестидневной войны, принятие его личности было бы настоящим переворотом со стороны Мертенса. Никто не мог и мечтать о лучшем прикрытии.

Улица Флажи была в темноте, и на воротах ван дер Меера не было света. Пришлось снова перелезть через стену. Но сначала, чтобы защитить руки от битого стекла, я накинул пальто. Я сделал неплохой улов. Вытряхнув его, я проверил Вильгельмину и Гюго, обрадовавшись, что близнец Пьера живет в доме. Затем я вскочил на корточки.

Другая сторона стены была такой же темной. На вилле не было света. Было рано ложиться спать. Доктора не было дома. Больше никого не было. Место было заперто и закрыто ставнями, как египетская гробница, окна наверху были запечатаны так же, как и внизу. Глушитель, спрятанный во внутреннем кармане руки, плотно прилегал к Вильгельмине. Один выстрел в замок заднего входа, и я оказался внутри.

Воздух был тяжелым, как темнота. Некоторое время видимо никого не было дома. Тонкий луч моей вспышки улавливал мебель, коврики, гобелены, артефакты. Это была большая центральная комната, усеянная пуфами. К нему примыкала столовая, затем холл, а за ним — кабинет доктора. Вот где я попал в грязь.

Стены были уставлены книгами, но меня задержал массивный стол в центре комнаты. Луч моей вспышки играл на миниатюрах из папье-маше. Это была не модель экспериментальной сельскохозяйственной станции, а масштабная экспозиция руин Портариуса.

В информационных материалах, которые Хоук дал мне изучить, было упоминание о

руинах. Менданике закрыл их для публики четыре года назад после аварии во время светового и звукового представления, когда колонна упала и убила пару в аудитории. В то время, когда я прочитал этот пункт, меня отошла мысль о том, что инцидент вряд ли казался достаточно важным, чтобы закрыть руины и тем самым отрезать одну из немногих туристических достопримечательностей Ламаны. Теперь я мог винить себя за то, что не заиклился на непонятном моменте. Неизвестно, как проходили римские гонки на колесницах жарким субботним днем.

Я рискнул и включил лампу. В его сиянии Портариус раскинулся во все свое время изношенном великолепии. Это была крупная городская колония, основанная после падения Карфагена.

На пике своего развития город был домом для тридцати тысяч римлян и их рабов. Теперь его модель лежала передо мной — демонстрация сломанных стен, колонн и узких улиц — место, полное очень древних призраков и, возможно, одного очень современного ядерного оружия и его ракеты-носителя. Какое благородное место, чтобы спрятать его, взобраться на него и запустить! Его можно было легко замаскировать, чтобы он выглядел как другая колонна или арка. Спутниковые камеры не смогли бы его обнаружить.

Ни в комнате, ни среди книг, ни на богато украшенном столе не было ничего, что указывало на то, что археология была увлечением доктора ван дер Меер, урожденного Мертенса. На стене была хорошая карта, показывающая, что Портариус лежит в 30 километрах — примерно в 18 милях к востоку от Ламаны, и что еще в 60 километрах к югу от Портариуса лежит Пакар. После такого большого количества ничего не подходящего все подходило идеально: отобранная команда командос Доктора прибывала к Ламане по два и по три за раз, направляясь на Пакар, а затем на Портариус. В цепи моих мыслей зазвенел предупреждающий звонок.

Я выключил лампу и остановился в темноте, прислушиваясь к скрежету — четвероногому, а не двуногому. Но с тех пор, как я добрался до логова, бега не было. Я закрыл дверь кабинета при входе. Я стоял сбоку от него с Вильгельминой в руке. Сквозь два закрытых ставнями окна в комнате не могло быть видно никакой борьбы. Прежде чем я вошел сзади, я не заметил никакой проводки, сигнализирующей о тревоге. Тем не менее, с таким профессионалом, как Мертенс, я мог бы споткнуться о чем-нибудь, способном предупредить Варшавский договор.

У меня не было настроения стоять и дышать пылью и перегретым воздухом, ожидая ответа. Я подошел к ближайшему окну. Ставни были металлическими опускаемыми с жалюзи. Они были прикреплены к кольцам с обеих сторон простой защелкой. Я положил люгер в карман и расстегнул их. Я позволил затвору подняться, прижимаясь к его пружине, чтобы он не закрутился. Стоя спиной к двери, мне чертовски не нравилась ситуация; Я сделался идеальным силуэтом для тренировки по стрельбе. У окна была ручка, и я повернул ее почти сразу, как только поднял ставни. Потом все кончилось.

Я не бы Killmaster N3 из-за отсутствия чувствительности. Именно эта скрытая чувствительность — пятое, шестое или седьмое чувство — сохранила мне жизнь. Когда я побежал к стене, все мои чувства вспыхнули красным. Они не могли спасти меня, но предупреждение было достаточно ясным, и когда внезапно все место стало похоже на стадион Кеннеди во время начала матча, я знал, что мои инстинкты в хорошей форме, даже если мое будущее было под сомнением.

Я развернулся и свернулся за единственным доступным укрытием — величественной

пальмой. На спине я выстрелил в два ближайших источника света на стене, а затем погасил ближайший на крыше. Моя меткая стрельба выглядела так, как будто затмевала свет паутиной. Их было слишком много.

В мегафон по-французски прогремел голос. «Выкиньте пистолет и лицом к стене!»

Автоматическая стрельба прервала команду, расколов ствол пальмы в нескольких футах над моей головой. Стрельба велась с зубчатого парапета виллы. За ним последовала еще одна очередь из кустов перед домом. Большая часть пальмы пострадала. Третий, этот из задней части дома, попробовал. Если они так и станут стрелять, то дерево убьют.

Они посадили меня в коробку. Даже если бы я смог перелезть через стену, там бы кого-то ждал. ловушка была тщательно настроена. Единственный вопрос заключался в том, знали ли они до или после того, как я вошел в дом, что я пришел позвонить.

Я получил свой ответ достаточно быстро. «Мсье Картер, вы умрете через минуту, если не подчинитесь!»

Это действительно заставило меня повиноваться. Не из-за угрозы, что я умру, если я этого не сделаю, а потому, что кто-то знал, кто я. И единственным, кто должен был знать об этом во всей NAPR, был Ник Картер.

Неохотно я выбросил Вильгельмину на холодный свет и подошел к стене, как человек, который был уверен, что вот-вот столкнется с ней.

«Положи руки на стену и наклонись!» пришла команда.

Я долго ждал, скорее всего, из-за психологического воздействия, которое это должно было на меня оказать, прежде чем я услышал приближающиеся шаги. Чья-то рука вцепилась мне в волосы и дернула за голову. Я мельком увидела армейские ботинки и оливково-зеленый рукав, прежде чем мне на глаза попала повязка. Чья-то рука умело ласкала мое тело в поисках спрятанного оружия. Он не нашел Гюго или Пьера, но я лишился возможности бороться. Мои руки были отведены назад, запястья связаны. Затем, держа руки с каждой стороны, меня толкали вперед. Идея, казалось, заключалась в том, чтобы направить меня на пути всего, что заставит меня споткнуться и ушибить голени. Полосы препятствий закончились, как я и предполагал, когда я сидел на заднем сиденье машины, а два моих врага с каждой боковой стороны.

Потом все прекратилось.

Я запрокинул голову, вдыхая ночной воздух.

Потом я спросил. — «Сколько миль до Портариуса?»

«Заткнись», — сказал один из моих охранников.

«Достаточно далеко для поездки в один конец», — ответили спереди.

Я совсем не возражал против поездки в один конец. Окно было опущено, с моря дул ветерок, а где-то там патрулировал авианосец. Все, что мне нужно было сделать, это активировать кнопку самонаведения, прикрепленную к моей правой ноге за коленом, и я мог достаточно быстро привести шестьсот десантников. Но на данный момент я был доволен игрой.

С самого начала было очевидно, что кража не планировалась за ночь. Скорее, четыре года работы — с тех пор, как Менданике закрыл Portarius из-за инцидента, который не был случайностью. Возможно, Мертенс, выдавая себя за ван дер Меера, убедил Менданике, что он хочет использовать руины для какой-то другой цели, кроме нынешней. С этого момента Мертенс делал свои приготовления за тройным прикрытием своей личности, развалинами и безнадежным состоянием.

В его кольцо входили агенты в Касто и Хидельберге. В противном случае у него не было бы возможности узнать, что, хотя «Петушиный глаз» является самым смертоносным тактическим ядерным оружием в арсенале НАТО, он также является наиболее уязвимым. Все другие ядерные боеприпасы имеют систему двойного ключа, которая защищает от такой кражи.

В 1970 году мятежные элементы в греческой армии попытались захватить бункеры недалеко от Салоник, где хранилось тактическое ядерное оружие. Их остановила эскадрилья истребителей ВВС Греции. Даже если бы они завладели ядерным оружием, они были бы бесполезны для них и никому не угрожали бы. У них не было бы второго ключа.

С Соскеуе все иначе. Его интегральная схема и авионика таковы, что любой, кто схватит его черный ящик и поймет его работу, может взорвать его. По этой причине «Петушок» находился под особой охраной. То, что Мертенс смог поразить охранников, показало, насколько ловкими были он и его товарищи по игре.

Бедный старый Менданике или узнал горькую правду, или похолодел, когда Петушок оказался на его родной земле. В отчаянии он предупредил посла Петерсена. Хотя у меня не было всех деталей, я видел, что Дуза и Тасахмед участвовали в сделке. Их работа заключалась в том, чтобы поддерживать фронт и удерживать на нем внимание общественности. Шема не представлял угрозы. Она идеально подходила для создания мифа о контрперевороте. Только Ханс Гайер представлял угрозу, и именно благодаря ему я сидел на заднем сиденье машины, скованный, как цыпленок, на моем пути к славе, которая когда-то принадлежала Риму.

В конце концов, это была пара долгих дней. Я решил, что немного поспать мне нужно. Меня разбудило то, что я почувствовал неровную землю и ночной холод.

Машина остановилась. Голоса говорили быстро, шепотом. Мы двинулись дальше. Удары прекратились, и я понял, что мы спускаемся. Ветерок, шум моря утихли. Эхо, отбрасываемое машиной, говорило, что мы находимся в закрытом помещении. Мы снова остановились. На этот раз двигатель был выключен. Двери открылись. Более приглушенные голоса, двое говорят по-немецки, один говорит: «Не теряйте время зря».

Охранник справа от меня толкнул меня влево. Тот, что слева от меня, держал меня за воротник. Мне удалось удержаться от удушья. Гудел генератор. Металлическая дверь лязгнула. У него был корабельный звук. Была еще прогулка. Я чувствовал циркуляцию

прохладного воздуха. На Portarius были установлены обновления.

Послышалась быстрая команда, и я сел. Рука на моем воротнике легла на повязку на глазах. Я моргнул в внезапном свете, пытаясь сфокусировать взгляд.

Их трое сидело за столом напротив меня. Пара по обе стороны от старшего казалась незнакомой, и в тусклом свете они больше находились в тени, чем их начальник. Также в тени позади них была высокая хвостовая часть DC-7. Это был подземный ангар, и я был рад, что не поехал охотиться на самолет в Руфе. Стены с обеих сторон были металлическими, но навес наверху был камуфляжным. Без сомнения, за ним должна быть замаскированная взлетно-посадочная полоса, но мне было интересно, почему спутниковые датчики не обнаружили ее.

«Вы находите это впечатляющим?» — спросил мой хозяин.

«Как вы это называете, поздние римляне или братья варвары?»

«Я должен сказать, что ожидал тебя раньше», — проигнорировал он мой комментарий.

«Я приехал, как только смог, но думаю, вам придется обсудить задержку с полковником».

Он тоже проигнорировал это. «Вы знаете, что чуть не проиграли мне пари. Ненавижу проигрывать ставки. Разве это не так, доктор Шредер?»

Слева от него был доктор Шредер с круглым жестким лицом и серой короткой стрижкой. «Да», — был его ответ.

«Скажите, как вас зовут, ван дер Меер или Мертенс?»

«Ха!» он стукнул ладонью по столу. «Хорошо! Я сказал тебе, я сказал тебе!» — взволнованно сказал он своим приятелям. «И это одна ставка, которую я выиграю, доктор Вилья. Я сказал, что он узнает».

Доктор Вилья, более худой тип с усами, хмыкнул.

«Вы говорите, как человек, играющий в азартные игры», — сказал я.

«О нет, я никогда не играю в азартные игры. Я ставлю только на определенные вещи. Как и я ставлю на вас, мистер Картер. Я действительно думал, что вы будете здесь завтракать».

«Ну, у вас была возможность пригласить меня».

«Я хотел, но вчера было слишком рано. Ты испортил мне день, и было много дел».

«Лучше быть тщательным».

«Точно!» Он моргнул и потянул за нос. «Как один профессионал перед другим, я уверен, вы согласитесь, что это черта, которая имеет значение. Я знаю своих коллег и могу подвести итог успеху нашей деятельности — нашей миссии», — он протянул руку в благословении. «через тщательность. Разве это не так, господа?»

Они пробормотали в ответ. «Да, тщательность. Вы знаете, мистер Картер, почему большинство ограблений банков, независимо от того, насколько хорошо они спланированы, заканчиваются неудачей? Ограбление может быть отлично выполнено, но это постфактум — после него!» он поднял палец, читая лекцию, «где вещь разваливается. И причина, конечно же, в неспособности быть тщательным в общем планировании — как постфактум, так и до него». Он мило улыбнулся. «Вы знаете, как долго у нас эта операция находилась на стадии планирования?»

«Около четырех лет плюс-минус пара месяцев».

«Отлично! Отлично! Вы понимаете, о чем я?» Он обратился к своим безмолвным партнерам, а затем снова повернулся ко мне. «Когда первая фаза была завершена, мы знали,

что находимся в критическом семидесятидвухчасовом периоде. Высвободившийся материал должен был быть доставлен сюда без обнаружения. И, оказавшись здесь, мы должны были убедиться, что он не был обнаружен. основательность, мистер Картер».

«Я знал, что где-то для меня должно быть место».

«Мы знали, что на Западе есть одна организация, от которой мы можем ожидать неприятностей. АХ, а от АХ — Ник Картер. Да ведь у нас на вас досье такой же толщины, как Война и мир».

«Я надеюсь, что это тоже читается».

«О, в некоторых отношениях лучше». Он использовал свои пальцы. «Западногерманский BND — это смех. ЦРУ потеряло свою операционную способность из-за разоблачения и использования тех идиотов, которых они отправляли сюда. МИ-6 занята в Ольстере и на Кипре. Французская и итальянская SID связаны с замороженными террористами и так далее, и так далее. Только АХ и от АХ вы сами — вот как мы это читаем, и нам не нужен был компьютер, чтобы сообщить нам об этом».

«Могу я встать и поблагодарить вас за панегирик?»

«В этом нет необходимости. Поскольку ваша организация гордится своим превосходством, мы, мистер Картер, тоже гордимся собой. Как я уже сказал, мы ждали вас».

«Если вы ждали меня, почему вы пытались убить меня в Риме?»

Мертенс нахмурился: «Это была ошибка, и я прошу прощения. Нашего начальника станции в Риме предупредили, чтобы он следил за вами. Из-за чрезмерного рвения он неверно истолковал свои инструкции. У него не было возможности узнать, что вы играете роль в нашем организационном плане. Даже в этом случае его действия были непростительны, и его больше нет с нами. Я приехал из Ламаны, чтобы присоединиться к вам по возвращении. Итак, теперь вы понимаете».

«Нет, не знаю. Если бы Дуза добился своего, я бы вернулся в Рим через Каир».

«Дуза иногда дурак. Он недооценил твои способности, но поверь мне, ты бы не поехал в Каир, ты бы пришел сюда. Вместо этого ты отправился в Будан в погоне за диким гусем».

«Вы подходите под описание», — сказал я, наблюдая, как исчезла застывшая ухмылка.

«Вполне. Что ж, пора двигаться дальше». Он кивнул охранникам позади меня.

Пока он продолжал, я подумал, что прижать заднюю часть ноги к стулу и включить сигнал самонаведения. Я решил подождать по двум причинам. Он рассчитывал использовать меня, а это означало, что казнь прямо сейчас не входила в планы, и я был готов подыграть, пока не увижу «Петушок» во плоти.

Охранники поставили меня на ноги. Мертенс и его коллеги-доктора были так же одеты в аккуратную зеленую боевую форму. Их сапоги были отполированы до блеска. Выглядело так, будто Мертенс и компания были замешаны не только в ядерном оружии.

Шредер стоял на голову выше двух других. Дуэльные шрамы на его щеках, плоское прусское лицо — вычтите тридцать лет, и вы захватили СС на восточном фронте, реструктурировали, вернули в Восточно-Германскую Демократическую Республику, чтобы возглавить террористический отряд МБС, а затем в Африку для того же, и, как сказал бы мой разговорчивый хозяин, «и так далее, и тому подобное».

Другой, Вилли, родом из того же места морщинистое, узкое замкнутое лицо с блестящими черными глазами. У него был вид заядлого инквизитора, из тех, кто сам сгорает, чтобы сжечь тебя.

«Мои запястья, — сказал я, — им было бы лучше развязать».

«Я сожалею об этом, мистер Картер, — грустно прозвучал Мертенс, — но, как я уже сказал, мы планируем тщательно, и мы планируем обезопасить вас, насколько это возможно. Мы не недооцениваем ваши способности».

Он сделал жест, когда один из охранников отошел от меня к металлической двери и повернул ее круглую ручку. Дверь распахнулась, и я увидел пространство, которое производило впечатление футбольного поля со стадионом. Зрители стремились к чему-то более тонкому, чем свиная кожа. Это был городской колизей. Мы вышли на то, что когда-то было подземельями и клетками под полом амфитеатра. От древней кладки остались только каменный пол и окружающие стены.

Была луна, и в ее свете я мог видеть сетчатую маскировочную сетку над головой, а над ней — круглые руины самого Колизея. В центре очищенной области подземелья был пропавший «Петушок». Он устанавливался на ДПЛА. Оба сидели на стартовой рампе наклоненной под очень низким углом.

Мы двинулись к стартовой рампе. Это было идеальное убежище. Ни спутник, ни камеры SR-71 в космосе никогда не заметят его — по крайней мере, пока он не будет запущен. Это было, конечно, иронично — здесь, в руинах, было идеальное устройство для создания руин.

«Ну, мистер Картер, что вы думаете?» — сказал Мертенс.

«Я озадачен».

Он остановился. «О, как это?»

«Вы говорили о тщательности. Даже в темноте я вижу это вокруг себя, даже для снайперов, которых вы там разместили. Это не имеет смысла».

«Правда? Вы слышите, что он говорит товарищам? Что не имеет смысла?»

«То, что вы говорили о людях, которые планируют ограбления, а затем терпят неудачу при побеге, я бы сказал, что вы совершили ту же ошибку».

«Вы бы? Хорст, Хосе, где мы сделали ошибку?»

«Первая ошибка, — говорил Шредер по-немецки, — заключалась в том, чтобы привести его сюда».

«О, не начинай это снова, — отрезал Вилья, — просто потому, что ты слишком глуп, чтобы понять...»

«Джа! Я понимаю достаточно хорошо. Если бы не моя команда, эта ракета не сидела бы там. Если бы...»

«Ваш командос! Это я планировал, чтобы...»

«Джентльмены! Джентльмены!» Голос Мертенса заглушил ссоры. «То, что перед нами, — результат наших совместных усилий. Нет необходимости спорить и нет времени. Но наш гость говорит, что мы сделали ошибку, и я, например, хотел бы знать, в чем мы ошиблись. Скажите нам, Мистер Картер».

Хотя в тот момент я не мог этого сделать, я был готов нажать кнопку самонаведения на тыльной стороне ноги. Я нашел то, что меня послали найти, но все, что я мог сделать на данный момент, — это искать выход. «Пока вы не запускаете эту птицу, — сказал я, — она хорошо спрятана. Как только вы это сделаете, НАДЖ или Шестой флот собьет ее. Вы будете в мешке, прежде чем попадете в цель.»

«Это никогда не годится, не так ли? Ой, нет. Хорошо, посмотрите внимательно, мистер Картер. Я хотел, чтобы вы увидели, что вы будете помогать запускать. А пока еще многое предстоит сделать».

Они вернули меня внутрь, но не в ограждение DC-7, а в комнату на противоположной

стороне стартовой площадки. Я был в нескольких центрах управления полетами. Я видел электронные консоли и их системы наведения, их телеметрию наблюдения. Я не видел ничего более изощренного, чем то, что Мертенс и группа собрали в недрах Портариуса.

В комнате было с полдюжины техников, все в такой же элегантной форме, как и их начальство. Двое сидели у модуля управления и просматривали контрольный список. Когда мы вошли, они все обратили внимание, и Шредер их успокоил.

«Я хотел, чтобы ты тоже это увидел». Мертенс просиял. «Теперь нам пришлось адаптировать наше собственное управление к черному ящику „Петушиного глаза“. Непростая задача, мой друг, но благодаря талантам, которых мы собрали здесь, мы приближаемся к обратному отсчету».

«Андре, могу я прервать на минутку. Думаю, нашему гостю не помешает короткий инструктаж. Можно нам взглянуть на цель, пожалуйста?»

У Андре были бесцветные глаза и длинные гибкие пальцы. Один из них нажал две кнопки на панели слева от него. Сканирующий экран ERX с блокировкой Mark 7 покрыл стену. На нем с исключительной четкостью лежал вид Черного моря. Узлом в нем был Крымский полуостров в форме ромба. Железнодорожная ветка от Днепропетровска была шнурком, идущим через ушко Джанкой на Севастополь.

Севастополь — это больше, чем штаб Советского Черноморского флота, он находится на южной морской границе СССР, как Мурманск на севере.

У Адмирала Егорова в северном флоте может быть на сотню больше кораблей, чем у адмирала Сысоева в его черноморском командовании, которым он снабжает Средиземное море, но с шестью ракетными крейсерами класса «Крест», 50 эсминцами «Кашин» и почти таким же количеством подводных лодок класса Y, он не будет колебаться.

Сканер приблизился к Севастополю крупным планом. Мне он не нужен. Я был там. Это определенно была цель для кого-то с ядерными амбициями.

«Вы узнаете это?» Мертенс фыркнул.

«Неясно. Кто-то сказал мне, что его радар непробиваемый».

«Кто-то сказал тебе неправильно. Разве это не так, Андре?»

«Да сэр.»

«Андре, покажи нашему гостю намеченный курс».

Андре нажал еще несколько кнопок, и мы стали смотреть на весь Средиземноморский регион от Ламаны на восток, включая Италию, Грецию, Турцию и Черное море. Зеленая линия протянулась почти прямо до Ионического моря между Китерой и Антикиферой, между Пелопоннесом и Критом. Там линия пролегла через острова Киклады в Эгейском море. Она проходила к северу от Лемноса и к востоку от Самофракии. Она обогнула узкий проход через Дарденеллы и, пройдя по суше к югу от Александропалиса, пересекала турецкую территорию, направившись к северу от Хаяболу, выходя в Черное море около Даглари. Оттуда она шла прямо в Севастополь.

«Очень прямо и по делу», — сказал Мертенс. «О, я знаю, о чем вы думаете. Радар уловит то, что не удалось обнаружить спутниковым камерам. ДПЛА движется не так быстро, и это сделало бы все это пустой тратой времени. Разве это не так?»

«Вам слово», — сказал я, желая получить все.

«Конечно, радар уловил бы наши небольшие усилия... если бы ему было что улавливать. Высота, мистер Картер, высота. Как вы видели, наша ракета будет перемещаться над водой на небольшом от нее расстоянии. Мы запрограммировали его на постоянную высоту в

тридцать футов. Когда он пересекает землю, он будет следовать контуру земли, деревьям, ущельям — что угодно, и его высота не будет меняться. И, как вы хорошо знаете, радар не будет сканировать ее на такой низкой траектории».

Я увидел Севастополь с его узким лиманом, окружающие его скалы, изрезанные веерами-детекторами. Проклятье было в том, что любая ракета должна иметь угол на траектории. «Петушок», установленный на ДПЛА, не нуждался в этом. Это и было целью его кражи. Он мог войти почти в нулевую точку, прямо как стрела.

«Я ответил на все ваши вопросы?» Он снова сиял.

«Все, кроме одного. Почему вы все так хотите начать Третью мировую войну?»

«Вот почему вы здесь, мистер Картер, чтобы предотвратить это! Подумайте о жертвах, которые вы принесете человечеству. Пойдемте, у меня есть еще кое-что, что я хочу показать вам до начала программы. Спасибо, Андре.»

В диспетчерской также была блокировка дверей. Она была построена с учетом защиты от взрыва. В этом не было бы особой нужды запускать ДПЛА с грузом JP-4. Возможно изначально Мертен планировал поднять межконтинентальную баллистическую ракету.

Они вели меня из центра управления полетом по неосвещенному каменному коридору, используя фонарики. Мы поднялись по старинной лестнице и оказались среди руин. Там луна стала нашим проводником. Мы шли по тому, что должно быть главной улицей, пока не пришли к одноэтажному комплексу современной постройки. Во время прогулки я заметил охранников, стоящих на высотах.

«Что ж, — сказал Мертенс, — я уверен, что вы извините доктора Шредера и доктора Вилья. Вы увидите их позже, но сейчас у них есть дела, и у нас тоже».

Мне не терпелось сесть по одной причине. Прижавшись спинкой стула к ноге, я мог бы увеличить население Портариуса на шестьсот человек. Обычно я делаю свою работу, и подкрепления нет. Но это было необычно, и Хоук отдал мне приказ. Проблема была в том, что мне не удалось сесть.

Внутри комплекса не горели огни, что было еще одним признаком планирования. Наши камеры слежения Samos достаточно мощные, чтобы уловить блоху на мяче для гольфа с расстояния пары сотен миль. В обычном режиме спутник улавливал огни в руинах. В этой нестандартной ситуации фотоинтерпретатор примет к сведению и передаст информацию.

Мертенс пошел по коридору в свой рабочий кабинет. Там был стол и несколько стульев, но вся комната представляла собой беспорядочную кучу частей и частей электронного оборудования.

«Я должен извиниться за беспорядок», — сказал он.

«Вы, должно быть, были аккуратнее этого с Хаммаршельдом». - сказал я, ища пустой стул, но не видя его.

Он смотрел на меня секунду, а затем усмехнулся. Он сидел за своим столом, возился со своими бумагами.

«Сколько вас в этой штуке?» — спросила я, подходя к столу, собираясь сесть на него. «Или это государственная тайна?»

«От вас нет ничего секретного, мистер Картер». Он поднял какие-то бумаги. «С вами нас ровно пятьдесят один. Все мы здесь готовы к запуску. Когда пыль, так сказать, уляжется, мы перейдем к следующему этапу. Теперь я собираюсь прочитать вам ваше участие в программе. Вы запишете это на пленку, и мы увидим, что это будет передано в надежные руки для мирового вещания. Вы будете знамениты». Он ухмыльнулся. Выражение лица

напомнило мне гиену, оторвавшуюся от чужой добычи.

«Люди мира!» он читал как диктор третьего сорта: «организация, ответственная за ядерное разрушение российского порта Севастополь, называется АХ. АХ — это специальное шпионское агентство правительства США, занимающееся убийствами и свержением правительств. Его директор и начальник операций — Дэвид Хоук. Кража ракеты „Кокай“ и ее ракеты-носителя, а также их наведение были осуществлены „Хоуком“. Я, Ник Картер, помогал в выполнении миссии. Я сделал это в знак протеста. Я буду мертв к тому времени, когда эти слова транслируются. Я отвечаю за убийства АХ».

«За этим актом ядерного геноцида стоит двойкий план. За разрушение Севастополя будет возложена ответственность на Китайскую Народную Республику. В возможной ядерной войне и последующих мировых потрясениях Хоук при поддержке Пентагона планирует захватить власть в Соединенных Штатах. Нет времени сообщать подробности. Моя последняя надежда, что мои слова будут услышаны повсюду!»

«Ну, — он поднял глаза, человек, который только что произнес программную речь, — как это звучит?»

«Штрихи. Синтаксис тоже не слишком точный».

«Ааа, но подумай о влиянии».

«Это будет похоже на разбитое яйцо», — сказал я.

«Больше похоже на яичницу, мистер Картер, или, может быть, на вареного гуся?»

«Как бы вы ни подали его, никто не купит».

«Ха! Севастополь опустошен. Мир стоит на грани разрушения. Подумайте только о последствиях вашего признания в Соединенных Штатах. Во-первых, оно покажет, что за этот ужас несет ответственность секретное подразделение разведки вашего правительства. Он проинформирует американскую общественность о шпионском агентстве, о котором никто не знал. В-третьих, ввиду растущего отсутствия общественной поддержки, это приведет к сбою вашей системы!» Он ударил кулаком по столу, и на мгновение в его выпученных глазах блеснуло безумие.

«О, уверяю вас, мистер Картер, мы все продумали, мы давно запланировали этот момент. Видите ли, в этой организации мы все обязаны стремиться к одной и той же цели. Вы можете догадаться, что это такое?»

«Присутствовать при собственной казни».

Он противно ухмыльнулся. «Вашей стране не хватает силы духа, чтобы казнить кого-либо. Наша цель — разрушить вашу невыносимую систему. Посеять анархию... а затем при надлежащей поддержке собрать осколки и правильно их сформировать». Он сжал кулак, и свет вернулся.

«Приветствую Цезаря». Я отступил назад и сел на стол, но один из охранников оттолкнул меня.

Он вел себя так, как будто не слышал меня. «Что там говорит ваша морская пехота — несколько хороших людей? Ну, наши немногие лучше, чем кто-либо другой. Каждый человек профессионал в своей области, знает, что ему делать, как это делать, и с определенной целью. Цель, которая имеет значение в конце. Я покажу вам, что я имею в виду».

«Скажите мне, Тасахмед один из ваших пятидесяти профессионалов?»

«Генерал — союзник. В обмен на его сотрудничество мы избавились от Менданике. Его награда — NAPR, а наша — тихо уйти в нужное время». Пока он бурлил, он установил кинопроектор и продел в него пленку. Он поставил его на стол, и он нацелил его на стену.

«Вы не представляете, как долго я ждал вас здесь, мистер Картер. Вы тоже профессионал, но даже если бы не был, я уверен, вам было бы интересно, как мы достигли такого много знаний о АХ и о себе. Тщательность. Вот увидишь».

Я видел, но прежде мне пришлось послушать больше. «В сегодняшнем мире медицинских технологий нет человека, которого нельзя было бы заставить работать так, как нужно. Однако в некоторых вещах я старомоден. Игла от гипердермии слишком проста. Я предпочитаю использовать физические средства для достижения психологических целей».

«Вы предоставляете места для фильмов?»

«Не в этом случае. Я бы предпочел, чтобы ты встал. Ваш комфорт не входит в мои интересы». Он сделал жест, и охранники повернули меня так, чтобы я смотрел на стену, которая служила ширмой.

Он щелкнул выключателем. «Я уверен, что ты узнаешь старого друга», — зажужжал проектор.

Он был прав. Я бы узнал Джо Бэнкса, если бы он был замаскирован под гориллу. Я N-3 в иерархии. Он был N-6, пока не исчез в Триполи около четырех лет назад. Хоук сказал мне, что Джо кое-что узнал случайно. Авария закончилась смертельным исходом.

Однажды вечером он покинул отель, в котором жил с блошиными мешками, и исчез. Никаких следов. И теперь я знал, куда его завел ветер.

Пока я не посмотрел фильм Мертена, в котором он был показан, мое отношение к нему было просто хладнокровным. Я убью его, как только смогу. На полпути к его постановке мои зубы сомкнулись так сильно, что мышцы челюсти были готовы взорваться. Я чувствовал пот на шее, привкус желчи в горле и белый огонь, пылающий в каждой поре.

Я никогда не видел, чтобы убийство человека снимали заживо. Я наблюдал, как это случилось с Джо Бэнксом, приколотым, как бабочка, к доске. Я наблюдал, как Мертенс направляет двух головорезов, ножи для снятия шкуры колотят его, как окровавленный виноград. Я видел, как Мертенс практически исходил слюной из-за агонии Джо.

Пленка началась, но я закрыл глаза. Я должен был думать, и я не мог этого сделать, глядя, как жизнь рвется и вырывается из старого друга. Стоя или лежа, я не мог нажать кнопку самонаведения со связанными руками. Попытка заставить Хьюго освободить мои запястья займет слишком много времени и привлечет внимание моих наблюдателей. Мне нужно было подобрать что-нибудь твердое.

Я слышал, как продолжает бессвязно Мертенс. «Знаешь, в конце концов он согласился рассказать нам все — если бы мы только его застрелили. Вы поливаете солью сырую плоть, и боль очень сильная».

Я застонал и попытался пошатнуться к столу. У меня не было шести дюймов, пока мои помощники не вернули меня на место.

«О, это огорчает, да». Мертенс вздохнул. «И, конечно, мы сдержали свое слово. Но прежде, чем мы избавили его от страданий, он рассказал нам достаточно об АХ и Нике Картере, поэтому со временем мы смогли собрать воедино то, что нам нужно было знать. Конечно, это было не так. До тех пор, пока гораздо позже мы решили запрограммировать вас и АХ в нашей операции. Итак, вы видите.» Он выключил машину и включил свет.

Я позволил слюне вытечь изо рта и рухнул на пол, получив удар на плечо. Когда на меня возложили руки, я быстро подошел, планируя сальто назад, которое приземлит меня на стол, где я смогу упереться ногой в его край.

Ни за что. Они блокировали все движения, крепко удерживая меня. Они были довольно

милыми. Один был корейцем, а другой — латиноамериканцем. Вне зависимости от их географии, они изучали один и тот же текст.

«Боже мой, — закричал Мертенс, — я думал, что ты сделан из более сурового материала. Вы беспокоитесь о том, что с вами могут обращаться так же? Не бойтесь, вы нам не пригодитесь в таком раздетом состоянии. Мы хотим, чтобы вы были хорошим голос.»

Он подошел к двери, и я позволил своим охранникам сделать работу, изобразив обморок, позволив им наполовину утащить меня за собой.

В конце коридора мы снова пришли к руинам и каменным ступеням, спускающимся вниз. Мертенс нажал на выключатель, и снизу хлынул свет, показывая пыльный путь к смерти.

Он сделал то, на что я надеялся. Он пошел первым. В моем бизнесе вы не испытываете особых затруднений, вы их получаете. Я споткнулся и, почувствовав, что хватка на мне усиливается, вскинул ноги, подоткнул их и выбросил. Я связался со спиной Мертена. С визгом он рухнул вниз по лестнице. Сила моего удара вырвала мою защиту из равновесия, и мы не сильно отставали падении.

Пытался засунуть голову, но без рук все равно. Я так и не дошел до дна. Где-то между ним и точкой запуска я вышел в глубокий космос, где темно, холодно и пусто.

Кто-то звал меня по имени, но на самом деле это было не мое имя. «Вы ошиблись, — сказал я, — вам придется начинать все сначала».

«Нед! Нед Коул! Пожалуйста, пожалуйста!»

«Не надо бояться. Попробуйте глубоко вдохнуть». Я мог слышать свой голос, но была разница в том, что я думал и что говорил. Я боролся, чтобы исправить это, открыв глаза. Я снова закрыл их на ярком свете. «Просто возьми нож», — пробормотал я.

«Нед! Нед, это я, Паула Мэтьюз!»

При следующей попытке я убедился, что она права. Она смотрела на меня лицом и никогда не выглядела так мило. На ней не было ничего, кроме макияжа, да и то почти. Ее поставили на древнюю каменную плиту — жертвенный алтарь. Когда-то это была камера пыток. Единственным современным дополнением было яркое и яркое освещение.

В любом свете Паула была прекрасным существом. С отведенными назад руками, с выпяченными грудями, сосками, возбужденными не от страсти, а от страха, с подчеркнутыми изгибами и сочленениями ее тела, я быстро со всем разобрался.

«О, слава богу!» — сказала она, когда увидела, что я смотрю на нее.

«Как долго я здесь?» В центре комнаты стоял каменный столб. Я был привязан к нему не только по рукам и ногам, но и вокруг груди.

«Я... я не знаю. Когда я проснулся, ты был... весь в крови. Я подумала...»

Сообщение прозвучало как порез ножа для снятия шкур. Они собирались сделать с ней то же самое, что и с Джо Бэнксом, если я не буду играть в мяч. «Как они тебя достали?»

«Был звонок. Они сказали, что ты попал в аварию, и...»

«Почему не пришла Саттон?»

«Его... его вызвали на встречу во дворец с генералом Тасахмедом».

Я покачал головой, чтобы избавиться от нечеткости, и пожалел, что не сделал этого. «Паула», — начал я.

«Ну, что у нас здесь?» Полковнику Дузе пришлось нагнуться, чтобы войти. На нем была новая форма с генеральской звездой на плечах. «Ой, как мило». Он подошел и долго и мучительно посмотрел на Паулу. Он протянул руку и погладил ее грудь. Я слышал, как она втянула воздух.

«Великолепно, действительно великолепно». Он провел руками по ее ногам. «Настоящая чистокровная. Я отличный наездник чистокровных». Она всхлипнула, когда он просунул лапу между ее бедер. «Чистое золото», — вздохнул он.

«Ты недостаточно человек, чтобы ездить на козе, и свиноматка выбросит тебя из загона», — сказал я, надеясь притянуть его к себе.

Это сработало. Он подошел ко мне с маслянистой ухмылкой. «Я рад снова видеть Вас.»

У меня едва хватило времени напрягаться, как его левая сторона врезалась в нее, а правая — в мою челюсть. Я плюнул на него кровью, и он начал работать надо мной.

Я вовсе не делал вид, что он меня увел. Но из-за боли и онемения я продолжал тянуть время. Это был трудный способ купить, но другого у меня не было.

Когда он остановился, он тяжело дышал. «Врач сказал, что я не причиню вам слишком большого вреда, но мы попробуем еще раз, когда вы почувствуете себя более готовым». Он отвернулся от меня и вернулся к Пауле.

У меня было ощущение, что мои запястья слишком долго были зажаты в тисках, но я все еще мог двигать пальцами. Много часов я практиковал такое упражнение в тренажерном зале АХ с Питером Андрусом. Питер не был Гудини. Ему было лучше. Его работа заключалась в том, чтобы проинструктировать и обучить секцию N тому, как делать то, что никто другой не мог сделать, будь то связанный, в наручниках или брошенный в реку в бочке с цементом. Мои пальцы начали протягивать половину Хьюго под рубашкой.

Потом время истекло, и вошли Мертенс и Вилья.

«Полковник, уберите руки от этой девушки!» Голова Мертенса была забинтована, и даже с опущенной головой я мог сказать, что ему не намного лучше. Он хромал на свет и увидел меня — капала кровь, очевидно, холодная.

«Почему, черт возьми!» — проревел он. «Что ты с ним сделал?»

Он схватил меня за волосы и приподнял. Я слышал, как он втянул воздух при виде меня. «Доктор Вилья, принесите воды, получите стимулятор! Дуза, если...»

«Я только немного смягчил его, так что он будет более склонен к сотрудничеству».

«Убирайся отсюда! Выходи, убирайся!»

Мертенс снова осмотрел меня, пощупав мое сердце. Затем он подошел к Пауле, трепеща: «Надеюсь, вы извините его за поведение».

«Я тоже хочу уйти отсюда, доктор ван дер Меер». Голос Паулы дрожал, но она не была истеричкой.

«И ты, моя дорогая... при условии, что мы сможем заручиться помощью этого джентльмена».

Он был любезен, этот чародей — заботился о ее благополучии, готовясь заживо снять с нее шкуру.

Вернулся старик Че, и принес ведро воды для ноющей головы. Я не отреагировал. Вилла напал на меня, опуская мне веко, проверяя мой череп. «Он мог сильно повредить ему», — сказал он. «В его ухе и на затылке, где он ударился о камень, кровь».

«Но этого не может быть!» Мертенс действительно причитал.

«Или он мог блефовать».

«Да!» Теперь они оба стояли передо мной. Я слышал, как зажглась спичка.

«Чем ты планируешь заняться?»

«Контрольная работа.»

Пламя опалило мою щеку и взъерошило волосы. Мне потребовался весь оставшийся контроль, чтобы оставаться безвольным. Агонию невозможно было измерить. Пламя вьелось в мою плоть. Я чувствовал запах гари.

«Этого достаточно», — сказал Мертенс. «Он действительно без сознания. У меня нет желания кремировать его здесь».

«Я все еще не уверен. Мы можем попробовать другой способ, мы можем начать с нее».

Я не видел, как Шредер вошел в комнату. Его гортанный голос внезапно загрохотал. «Доктор, у нас есть пятнадцать минут, чтобы начать обратный отсчет. Вы нужны».

«Запуск не состоится, пока мы не получим здесь то, что хотим», — сказал Мертенс.

«Но программирование установлено, все данные введены».

«Я знаю, я знаю. Тебе придется подождать, пока я не приду».

«Это не может длиться долго. Нет никаких положений о задержке сверх установленного времени для запуска».

«Я приду, как только смогу!»

«Джа! Я сказал, что твой план с ним не годится, и он не годится». Он ушел, бормоча.

«Он осел, — вздохнул Мертенс, — все, что он хочет сделать, это взорвать Севастополь».

«Пусть этот садист Дуза нападет на нее с ножом, и мы посмотрим, поможет ли это ему». Вилла пока говорила по-немецки, и я надеялся, что Паула его не читает.

В моих пальцах было мало силы и меньше ощущения, но я мог обнаружить комок на рукояти Хьюго. Скрутив руку, я смог наложить на нее три пальца. Я начал пытаться облегчить его на ладони. Давление было структурировано так, чтобы освободить ленту, которая удерживала лезвие на моем предплечье. Но он не был выпущен к тому моменту, когда Вилла вернулась к Дузе.

«Я не знаю, вывели ли вы его из строя, полковник», — отрезал Мертенс. «Если да, то тебя казнят. Доктор Вилья думает, что он мог блефовать. Если это так, ты жив. Тебе так нравится девушка, ты можешь начать с нее».

«Я не понимаю». Голос Дузы был низким и кипящим.

«Это совершенно просто. У тебя есть опыт. Начни с ее руки или груди, или где угодно. Но приступай к делу сейчас!»

«Ч-что ты собираешься делать!» Голос Паулы был высоким, почти на пределе. Моим пальцам не хватило силы освободить Хьюго.

«Я никогда не делал этого с женщиной», — дрожал голос Дузы.

«Ты будешь сейчас, или ты умрешь». Голос Мертенса походил на оборванную проволоку, готовую сломаться.

Я держал голову опущенной, пальцы напрягались. Я слышал только тяжелое дыхание. Паула захныкала: «Пожалуйста, нет!» а потом она начала кричать.

Ремешок ослаб, и рукоять Хьюго оказалась у меня в ладони. Я сдвинул его, и лезвие прорезало мою рубашку. Теперь нужно было приложить стилет к шнурам, не уронив его. Я заглушил крик Паулы и сосредоточился. Я вспотел кровью, и кровь делала мои пальцы липкими, когда я наконец убедился, что ослабил свои узы.

Я ахнул. — «Подожди! Стой!»

Это привело их к бегству.

«Вы были правы, доктор Вилья, вы были правы!» Мертенс фыркнул.

«Оставь ее в покое», — пробормотал я.

«Конечно, конечно! Мы не коснемся ни одного волоса на ее голове, если ты сыграешь свою роль».

Паула упала в обморок. Ее левая рука была в крови. По правде говоря, если бы пришлось принести ее в жертву, чтобы предотвратить запуск, я бы молчал, какой бы ужасной ни была сцена.

Когда Дуза меня избил, я выиграл время. Паула купила мне еще немного. Один рывок, и мои руки будут свободны. Если бы мои ноги были свободны, я бы не стал ждать. Как бы то ни было, с тремя из них мне пришлось подыграть.

«Доктор Вилья, пожалуйста, магнитофон».

«Воды!» — прохрипел я.

«Сеньор Картер перестанет притворяться, или полковник вернется к девушке». Вилла проверила портативный компьютер Sony, когда Мертенс представил мое признание.

«Прочтите это до конца», — сказал он, держа бумагу перед моими глазами.

«Ничего не могу читать без воды».

В ведре еще оставалось немного, и Дуза держал его, пока я давился и глотал.

«А теперь прочти, и никаких фокусов», — приказал Мертенс. Он был потрясен этим возбуждением.

«А что насчет девушки?»

«Даю слово, что ее больше не тронут». Он приложил руку к сердцу.

Ее не тронут, ее застрелят, как только я уйду с дороги.

«Прочтите Картера! Прочтите!» Бумага задрожала перед моим лицом, когда Вилья поднес микрофон ко рту.

Они убьют меня, как только признание будет записано на пленку. Когда они оба будут рядом, я смогу найти их с Хьюго. Остался Дуза, который был вне досягаемости. Помимо его собственной кобуры 45-го калибра, ему удалось конфисковать Вильгельмину, и она застряла у него за поясом. Если бы я мог подобраться к нему поближе, я бы взял «Люгер» и застрелил их всех.

Мне удалось трижды испортить признание, прежде чем Вилла предупредил меня, что, если я не спроектирую должным образом, Дуза снова начнет стругать Паулу.

На четвертом дубле я был готов. Когда я подошел к строке «У меня нет времени сообщать подробности», я собирался предоставить несколько своих. У меня не было шанса. Когда я прочитал: «За этим актом ядерного геноцида стоит двойкий план», Шредер просунул голову в проход и испортил мое выступление.

«Мертенс!» — рявкнул он по-немецки. «Мы не можем сдерживать отсчет. Вы должны идти немедленно!»

«Через минуту», — взвизгнул Мертенс. «Теперь ты все испортил!»

«Нет времени спорить. Вы оба нужны сразу, иначе нам придется прервать».

Он ушел прежде, чем Мертенс успел топнуть ногой.

«Полковник может заняться записью, доктор», — предложил Вилла, передавая диктофон и микрофон Дузе, направляясь к входу без дверей.

«Хорошо, хорошо! Полковник, начните запись с самого начала. Я хочу, чтобы он был жив, когда я вернусь. Когда его тело будет найдено в Штутгарте, я хочу, чтобы его можно было узнать». Он убежал прочь.

Паула снова была в сознании, но глаза ее остекленели от шока. Ее голова кружилась, как будто она не могла понять, что происходит. Дуза ухмыльнулся мне, когда он подошел, держа бумагу в одной руке, микрофон в другой.

Я плюю на его новую форму. Когда он отреагировал, глядя вниз, я оборвал последнюю прядь, удерживающую мои запястья. Мои руки, освобожденные от шеста, закрутились, как пружины. Я схватил левой рукой за его шею, и когда я прижал его вплотную, моя правая толкнула Хьюго в низком и сидбном движении.

Его крик был воплем мучительного неверия. Он пытался оторваться от смертоносного клинка, но теперь моя рука была вокруг его спины. Его шея выгнулась, голова запрокинута, глаза и рот открыты Аллаху, его руки пытались схватить меня за запястье.

У меня не было к нему пощады. Он ничего не заслужил. Я выпотрошил его, как рыбу, от живота до грудинки, и отбросил прочь. Он спустился с мяуканьем, подтянув ноги в позе эмбриона. Пока он метался, пиная пятками, без особого успеха пытаюсь удержать свои внутренности, я перерезал веревку из тех, кто держали мои ноги. Наконец моя рука легла на кнопку самонаведения. Мониторы Шестого флота улавливают мой сигнал.

Паула не знала, что происходит, и у меня не было времени рассказать ей. Ее глаза были подобны агату, когда она смотрела, как полковник пытается пробиться в рай. Он все еще

копался в море собственной крови и кишок, пока я ее высвобождал. Я видел, что она снова упала в обморок, что в данных обстоятельствах было неплохой идеей.

Я поднял Вильгельмину с пола, обработанную Doosa's Danse Macabre. Я также снял с него пистолет 45-го калибра и нашел в его кармане свою обойму с зажигательными веществами.

«Куда бы вы ни направились, вы можете путешествовать налегке», — сказал я ему. Он меня не слышал. Он уже был в пути.

В офисном комплексе Мертенса я никого не обнаружил, да и не ожидал. Акция была на стартовой площадке. Пятьдесят человек будут находиться в центре управления миссией или стоять на стенах, обеспечивая безопасность. Те, кто находится в диспетчерской, будут заперты. Никаких шансов остановить запуск оттуда не будет. Мне нужно было достать сам «Петушок».

Я не прошел и десяти футов за комплекс, следуя по главной улице, когда прожекторный фонарь на выступе руин врубил луч, и голос крикнул мне, чтобы я остановился. Я спустился за невысокую стену на корточки и побежал. Свет попытался последовать за мной. Загремел пулемет, взрывая древние кирпичи.

Я завернул за угол, вырубив усыпанный камнями переулок. Свет погас, но я слышал свист и топот бегущих ног. В лунной темноте я заметил арку. Я прошел через него и ударился о землю за дорическим столбом. Мимо пронеслась пара преследователей. Затем я перебрался через заднюю стену, снова пытаюсь повернуть в сторону главной улицы. В лабиринте руин я продвигался слишком медленно. Передо мной стояла стена выше остальных. Я прыгнул на нее с разбега и, лежа на неровной вершине, увидел возвышенность. Как только я доберусь до него, мне будет удобнее сосредоточиться на Колизее.

Переходя через участки, я наткнулся на другой прожектор. На этот раз из автоматического огня оставались гранаты. Я сделал пометку, чтобы поздравить римлян с прочной конструкцией их стен. Я побежал за один из них и избежал шума и неразберихи.

Это превратилось в адскую игру в прятки. Я не мог рискнуть открыть ответный огонь, это только определит меня. До тех пор, пока они не поймали меня в своих огнях и не увидели меня, они не могли быть уверены, где я был и куда направляюсь. Когда я наконец увидел горб на одной стороне Колизея на фоне неба, я также увидел огни, мигающие вдоль его вершины. Погоня либо опередила меня, либо тот, кто командовал, был достаточно умен, чтобы понимать, что бесполезно преследовать меня по завалам, когда единственное, что им нужно было охранять, — это «Петушок» и ДПЛА.

Я знал, что до запуска может быть всего несколько минут, и мне пришлось потратить слишком много из них, чтобы добраться до амфитеатра Колизея, и меня не заметили. В конце концов я попал в засаду. Их насторожил падающий камень, когда я перелезал через стену. Но вместо того, чтобы ждать, они начали стрелять. Я испустил крик, а затем, пригнувшись и побежав, я достиг входного портала и нырнул в его туннель.

Трое из них пошли за мной. Опустив дуло, я позволил пистолету «Дузы» закончить их бег. Туннель отозвался эхом на рев выстрелов, и прежде, чем звук затих, я был у входа в амфитеатр в коридоре, ища звезду шоу.

Камуфляж скрывал это. Я начал спускаться по забитым толпой ступеням. Почти сразу раздался крик предупреждения. Сверху проникал свет. Автоматическая стрельба начала строчить и эхом отозваться позади меня и с трех сторон. Я испустил крик и взял забег. После трех прыжков я притормозил и сумел остановить спуск, прежде чем сделал его слишком реальным. Я на четвереньках подошел к следующему проходу. Затем я снова поднялся и снова мчался вниз.

Они заметили меня, и их огонь разыскал меня. Пуля попала мне в ногу. Еще одна задела меня, удар щепки скрутил меня, почти уронил. Внизу была лужа черного цвета. Ее

продолговатая форма обозначала границу того, что когда-то было полом Колизея. Черный был маскировочной сеткой. Я нырнул, выгнувшись над ним, затем упал прямо вниз.

Мои руки коснулись сетки. Я почувствовал, как она согнулась под тяжестью моего прыжка, а затем начала ломаться. Мои ноги опустились, готовые выдержать удар. Я не ожидал, что сетка удержит меня, просто может сдержать перед падением. Падаю стандартным парашютистским стилем, опускаюсь на четвереньки и перекатываюсь. Камуфляж скрывал то, что было под ним, но он не мог затемнять свет, проходящий сквозь него, особенно теперь, когда я проделал в нем дыру. Три мощных луча сверху пошли за мной. Были выкрикиваемые команды и звуки солдат, собирающихся стрелять. Они пришли хоронить не Цезаря, а Ника Картера. И я пришел не для того, чтобы драться со львами голыми руками, а чтобы сразиться с «Петушком» и его ДПЛА. Последний был моей целью. У меня была Вильгельмина, заправленная патронами зажигательных веществ.

Обычно я бы не взял с собой такие экзотические боеприпасы. Пуля выполнит эту работу без дополнительных фейерверков. За исключением случаев, когда целью является ДПЛА, полный JP-4. Стандартный снаряд Люгера не воспламенил бы реактивное топливо.

Я не думал о том факте или о том, как в моей профессии вы учитесь оценивать и готовиться к непредвиденным обстоятельствам, прежде чем они будут брошены на вас. Я был занят, пытаюсь найти достаточно укрытия, чтобы доказать, что я хорошо подготовился, прежде чем стрелки наверху обнаружили расстояние и цель.

Передо мной был черный силуэт ДПЛА на стартовой линии с «Петушком» на спине. Он был нацелен на создание большего глобального ада, о чем его создатели не могли даже мечтать. За этим смертельным натюрмортом, вдоль дальнего края ограждения, была щель голубоватого света, отмечавшая смотровое окно центра управления полетами Мертенса.

С того места, где я лежал прямо напротив центра управления полетами, было слишком далеко для точной стрельбы из Люгера. Я знал, что как только начну стрелять, я наткнусь на огонь. У меня не было выбора, не было времени. Я вырвался из укрытия и бросился прямо к ДПЛА. Я сделал три выстрела, прежде чем меня поймал свет и пули начали летать вокруг. Я упал в перекате плеча и выстрелил четвертый и пятый раз на земле и седьмой, когда я встал прямо.

Тогда мне больше не пришлось стрелять. ДПЛА вспыхнул внезапной вспышкой пламени. Он ярко вспыхнул, издав злобный фыркающий звук. Я снова ударился о землю, и на этот раз, когда я подошел ближе, я вынырнул позади стартовой дорожки и направился к синему свету.

Лучи прожекторов застряли на горящем ДПЛА и задержались. Стрельба прекратилась. Вместо этого были многоязычные крики. Все они складывались в: Беги, как из ада! Я слышал предпринимаемые действия. Вышеупомянутая банда, опытные террористы, была сильной и хорошо обученной, отлично подходила для угона самолета, убийства заложников или даже кражи ядерного оружия. Но на этом их научное образование закончилось. Они бегали так, как никогда раньше, потому что личная атомизация не была частью контракта.

Следующие два звука были механическими. Раздался низкий вой начинающей вращаться турбины ДПЛА и лязг замка металлической двери. Дверь была рядом с голубым оконным светом, и из нее вышел доктор Корнелиус Мертенс. Он бормотал, как разъяренная обезьяна. В нарастающем свете пламени и беспилотных огней он походил на одного, когда он карабкался к стартовой площадке. Выпучив глаза, размахивая руками, он прошел мимо меня, не обращая внимания ни на что, кроме своей ракеты. Он атаковал пламя своим

плащом, пытаясь сбить его, человек обезумел.

Не имея возможности продвинуться сзади, он побежал к передней части рельсового пути и взобрался на него, трясясь и разглагольствуя. Затем его крик на секунду остановился, а когда он снова вскрикнул, это был пронзительный крик ужаса.

Мне не нужно было двигаться, чтобы узнать, что произошло. Я видел, как он запрокинул голову, его руки больше не размахивали, а упирались прямо в воздухозаборник ДПЛА, пытаясь вырваться из тисков своей гордости и радости.

Но это его не отпускало. Он хотел его, и пока он боролся, умолял и кричал, медленно всасывал его в свою турбину, пока тот не задохнулся до смерти тем, что, я полагаю, можно было бы назвать Мертенсбургером. Это казалось ему подходящим способом уйти.

Еще до того, как он булькнул в последний раз, я собирался решить кое-какие вопросы. Металлическая дверь была открыта. Она вела к входу в главную дверь диспетчерской. Она тоже была открыта. Через нее я увидел комнату и ее обитателей. Их было десять, включая Вилья и Шредера. Все они смотрели на свой стартовый экран, в застывшем удивлении наблюдая за уходом своего лидера. Они не отставали от него, и я не нашел времени, чтобы пожелать им приятного путешествия.

Я бросил Пьера в их среду. Затем я закрыл дверь и повернул фиксирующее колесо.

Пламя ДПЛА подожгло что-то легковоспламеняющееся в маскировочной сетке, и все это мгновенно, но впечатляюще вспыхнуло. Это дало пилотам Huey из команды Ranger больше, чем просто электронный звуковой сигнал.

Если смотреть со стороны Ламаны, это также привело к бегству Тасахмеда. Он знал час старта. Внезапная пиротехника сигнализировала, что что-то пошло не так, и в его положении он не мог это игнорировать. И при таких обстоятельствах он не отправил бы кого-нибудь еще для расследования.

Он прибыл с отрядом из двадцати человек, которые были быстро разоружены рейнджерами, но прибытие генерала поставило командира группы, полковника Билла Мура, на место, которое он считал политическим. Его приказ был — вернуть украденное и убраться к черту. Его сила вторгалась на суверенную территорию. Необходимо было любой ценой избежать международного инцидента. Если ему придется сражаться, чтобы вернуть «Петушок», это одно, но помимо этого, даже если на него нападают, он не должен отвечать.

В первые моменты нашей встречи под веером командирского вертолета я предупредил его и сказал, что он должен быть готов к приезду генерала. Я знал, что если Тасахмед не появится, я пойду в Ламану, чтобы найти его. Как бы то ни было, операция по зачистке заняла больше времени, чем предполагалось. Физическая цель заключалась в том, чтобы ухаживать за Паулой — с чем аккуратно справились пара медиков — и следить за тем, чтобы командос Мертенса либо сдались, либо продолжили движение в пустыню. Время требовало технической части. Со всеми причудливыми электронными играми Мертенса техническим специалистам Мура приходилось следить за тем, чтобы Cockeye был неподвижен и безопасен.

Мур был твердым невозмутимым типом, немногословным, прямым по приказу — из тех, люди которых готовы следовать за ним куда угодно. Генерал почти полностью восстановил самообладание, когда его привели к полковнику на стартовой площадке.

«Кто вы, сэр? Что ваши войска здесь делают?» — буркнул Тасахмед по-французски.

«Полковник Уильям Дж. Мур, армия Соединенных Штатов!» он ответил по-английски. «Мы забираем отсюда эту ядерную ракету. Она принадлежит нам».

«Вы вторгаетесь! Вы империалистическая сила вторжения! Вы...!» Он перешел на английский.

«Генерал, обсудите это с моим правительством. Теперь, пожалуйста, отойдите подальше».

«И мои соотечественники, которых вы зарезали, — он указал на аккуратный ряд тел, которые были собраны и разложены перед центром управления миссией Мертенса, — я возьму это с собой не только с вашим правительством!» Он доводил себя до пены.

Я вышел из тени. «Сколько времени, полковник?»

«Семь минут и мы в воздухе».

«Генерал и я будем в огаде. Я пойду с тобой».

«Семь минут», — повторил полковник и отошел, чтобы посмотреть, как его люди медленно снимают «Петушок» с сгоревшего ДПЛА.

«Кто ты?» Тасахмед изучал мое испорченное лицо в свете дуги.

«Человек с ружьем», — сказал я, позволяя ему пощупать морду Вильгельмины. «Мы

идем туда с DC-7 прямо сейчас».

Он не спорил. Я усадил его в кресло, которое занимал ранее, и сел за стол, опираясь на люгер.

«У вас есть два варианта», — сказал я. «Либо ты можешь присоединиться к этому ряду своих друзей... либо ты можешь попросить убежище».

Это заставило его выпрямиться, черные глаза заблестели. «Убежище!»

«Генерал, я не собираюсь тратить свое время на болтовню с вами. Мне нужно поднимать вертолет. Вы так же ответственны за то, что здесь чуть не произошло, как и любой из ваших мертвых друзей. В то время как Мертенс и его мальчишки были психами, Ты не такой. У тебя есть все свои кнопки. Ты подыгрывал, чтобы получить то, что хотел. Что ж, есть кое-что, что мы хотим. Вы можете дать это нам или это все». Я взял Вильгельмину.

Он облизнул губы. «Что... что ты хочешь?»

«Две вещи. Шема Менданике в качестве нового РМ, и ваши планы позволят советскому флоту захватить Ламану. Либо вы сбежите, и Вашингтон сделает это».

«Официальное объявление, или мадам Менданике придется объявить о вашей смерти».

«Я... мне нужно время, чтобы подумать».

«У тебя его нет». Я встал. «Мы выходим за дверь вместе, или я выхожу один».

Мы вышли вместе, как только вентилятор на командном вертолете начал вращаться.

Я ехал с Полой. Она была под снотворным и вялой, но рада меня видеть. Я сидел, держа ее за здоровую руку, рядом с носилками, к которым она была приязана. «Знаешь, — сказала она, — лет сто назад ты сказал, что придешь, сядешь в моем патио, выпьешь джин с тоником и расскажешь мне, в чем дело. Думаю, сейчас мы не можем этого сделать.»

«Не здесь. Слишком шумно. Но я знаю место за пределами Афин, в Вулагмини, полное роз на берегу моря, где вино сухое и хорошее повествование».

Она неуверенно вздохнула: «О, звучит неплохо. Я бы этого хотел». Затем она хихикнула: «Интересно, что подумает Генри?»

«Мы пришлем ему открытку», — сказал я. Я думал, что тоже отправлю один Хоку.

Больше книг на сайте - Knigoed.net